

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

*Counseling Psychology
and Psychotherapy*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА:

**Психология искусства
и терапия искусством**

Psychology of Art and Art Therapy

**Собкин В.С., Лыкова Т.А. —
Личностные особенности и реакции
на фрустрацию (по результатам
исследования студентов-актеров)**

*Sobkin V.S., Lykova T.A. —
Personal Characteristics and Reactions to Frustration
(Based on the Results of the Study of Student-Actors)*

**Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. —
Психотерапевтическое значение
катарсиса трагического**

*Ermolaeva M.V., Lubovsky D.V. —
The Psychotherapeutic Value of Tragic Catharsis*

**Психологи о творчестве Высоцкого:
к 80-летию поэта и барда**

*Psychologists on the Work of Vysotsky:
Celebrating the 80th Anniversary of Birth
of the Poet and the Bard*

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени Л.Г. ЩУКИНОЙ

MOSCOW STATE UNIVERSITY OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION
THE FACULTY OF COUNSELING AND CLINICAL PSYCHOLOGY
THE L.G. SHCHUKINA PSYCHOLOGICAL INSTITUTE

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

Counseling Psychology and Psychotherapy

Том 26. № 1 (99) 2018 январь—март

1992—2009

МОСКОВСКИЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва
Moscow

ISSN 2075-3470

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-36580

Главный редактор
А.Б. Холмогорова

Редакционная коллегия

Ф.Е. Василюк, Н.Г. Гаранян (зам. главного редактора), В.К. Зарецкий,
Э. Майденберг (США), Н.А. Польская, Е.В. Филиппова,
А.Б. Холмогорова, П. Шайб (Германия)

Редактор
Н.А. Польская

Оригинал-макет
М.А. Баскакова

Адрес редакции:
127051, Москва, ул. Сретенка, 29, к. 305
Телефон: + 7 (495) 632-92-12
E-mail: moscowjournal.cpt@gmail.com
www.cppjournal.ru

Вопросы подписки и приобретения:
27051, Москва, ул. Сретенка, 29, к. 305
Телефон: + 7 (495) 632-92-12
E-mail: moscowjournal.cpt@gmail.com

*Редакция не располагает возможностью вести переписку,
не связанную с вопросами подписки и публикаций*

*Перепечатка любых материалов, опубликованных в журнале
«Консультативная психология и психотерапия»,
допускается только с разрешения редакции*

В оформлении обложки использован фрагмент картины
В. Пурвита «Последний снег»

**© ФГБОУ ВО МГППУ. Факультет консультативной
и клинической психологии, 2018**

Формат 60×84/16. Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 10,23. Тираж 1000 экз.

-
- ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**
- 5 *Холмогорова А.Б.*
Предисловие главного редактора
- СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА: ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА И ТЕРАПИЯ ИСКУССТВОМ**
- 7 *Собкин В.С., Лыкова Т.А.*
Личностные особенности и реакции на фрустрацию (по результатам исследования студентов-актеров)
- 29 *Ермолаева М.В., Лубовский Д.В.*
Психотерапевтическое значение катарсиса трагического
- 45 *Психологи о творчестве Высоцкого: к 80-летию поэта и барда*
- ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
- 56 *Борисоник Е.В., Холмогорова А.Б.*
Психологическое состояние членов семей, переживших разные формы суицида близкого человека (однократная попытка, хроническая суицидальность, завершённый суицид)
- 76 *Конина М.А.*
Феноменология и патология современной сексуальной культуры
- НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ**
- 95 *Захарченко Д.А., Петриков С.С.*
Возможности применения когнитивно-поведенческой терапии в коррекции депрессивных и тревожных нарушений после инсульта
- МАСТЕРСКАЯ И МЕТОДЫ**
- 112 *Молостова А.Н.*
Сравнительный анализ процесса групповой работы в психологическом тренинге и психотерапевтической группе
- ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**
- 129 *Гулина М.А.*
Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе
- ЭССЕ**
- 146 *Протасова Е.Ю.*
Новые практики взаимодействия с родителями дошкольников и школьников в Финляндии
- ИНТЕРВЬЮ**
- ПРОЕКТ «ДЕРЕВО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»
- 159 *Интервью с Е.В. Филипповой: о связи культурно-исторической теории с психологической практикой*
- ДАЙДЖЕСТ ИССЛЕДОВАНИЙ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ**
- 167 *В поисках психологических факторов риска суицида: смена парадигмы*

- FROM THE EDITOR**
- 5 *Kholmogorova A.B.*
From the Editor
- SPECIAL TOPIC: PSYCHOLOGY OF ART AND ART THERAPY**
- 7 *Sobkin V.S., Lykova T.A.*
Personal Characteristics and Reactions to Frustration
(Based on the Results of the Study of Student-Actors)
- 29 *Ermolaeva M.V., Lubovsky D.V.*
The Psychotherapeutic Value of Tragic Catharsis
- 45 *Psychologists on the Work of Vysotsky: Celebrating the 80th
Anniversary of Birth of the Poet and the Bard*
- EMPIRICAL RESEARCHES**
- 56 *Borisonik E.V., Kholmogorova A.B.*
The Psychological State of Family Members Who Have Experienced
Various Forms of Suicide of a Loved One (Single Attempt, Chronic
Suicide, Completed Suicide)
- 76 *Konina M.A.*
Phenomenology and Pathology of Modern Sexual Culture
- RESEARCH REVIEWS**
- 95 *Zakharchenko D.A., Petrikov S.S.*
Possibilities of Using Cognitive Behavioral Therapy for the Treatment
of Depression and Anxiety after Stroke
- WORKSHOP AND METHODS**
- 112 *Molostova A.N.*
Comparative Analysis of the Processes of Group Work in Psychological
Training and Psychotherapeutic Groups
- PSYCHOANALYTICAL STUDIES**
- 129 *Gulina M.A.*
Hypostases and Transformations of the Concept of the Father
in Psychoanalysis
- ESSAY**
- 146 *Protassova E.Y.*
New Practices of Interacting with Parents of Preschool
and Schoolchildren in Finland
- INTERVIEW**
- 159 **PROJECT “A TREE OF CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY”**
Interview with E.V. Filippova: on the Link between Cultural-Historical
Theory and Psychological Practice
- RESEARCH DIGEST IN CLINICAL PSYCHOLOGY
AND PSYCHOTHERAPY**
- 167 **In Search of the Psychological Risk Factors of Suicide:
Change of the Paradigm**

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА FROM THE EDITOR

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Первый номер журнала в этом году открывается специальной темой, для нас несколько неожиданной: «Психология искусства и терапия искусством». Из статьи В.С. Собкина и Т.А. Лыковой читатель узнает о разных аспектах изучения личности актера, о применении театральных техник в программах социальной интеграции, а также о результатах авторского многолетнего изучения особенностей личности молодых людей, избравших актерское мастерство в качестве будущей профессии.

После детального анализа, приоткрывающего глубины психологии лицедейства, читателю предстоит погружение в мир психологических механизмов катарсиса — именно этому посвящена статья М.В. Ермолаевой и Д.В. Лубовского. Статья сама по себе вызывает определенный катарсис, наделяя парадоксально живительной силой переживание трагических аспектов человеческого существования, запечатленных в живописных полотнах выдающихся мастеров разных эпох.

Завершает специальную тему этого номера материал, посвященный важному для российского общества и культуры событию — 80-летию В.С. Высоцкого. Специалисты из разных областей психологии пытаются обнаружить секрет того мощного воздействия, которое оказывало и оказывает его творчество. В этих коротких эссе творчество Высоцкого звучит как знаковое культурное событие, опосредовавшее личные истории, оказавшее влияние на жизненный выбор и личностное становление его молодых современников.

Далее следуют традиционные рубрики журнала. В раздел «Эмпирические исследования» вошли две статьи, которые обращены к наиболее острому и болезненному проблемам как прошлого, так и сегодняшнего дня — проблеме суицидов и проблеме сексуального поведения. В статье Е.В. Борисоник и А.Б. Холмогоровой, посвященной суицидальному поведению, предпринимается попытка рассмотреть его последствия для людей, жизнь которых опалил суицид близкого

Для цитаты:

Холмогорова А.Б. Предисловие главного редактора // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 5—6. doi: 10.17759/cpp.2018260101

человека. В статье М.А. Кониной исследованы тенденции сексуального поведения современного человека, когда маятник качнулся от строгих запретов викторианской эпохи с ее последствиями, описанными З. Фрейдом, до промискуитета, последствия которого еще предстоит осмыслить и описать.

В рубрике научных обзоров — в статье Д.А. Захарченко и С.С. Петрикова — рассмотрены возможности применения когнитивно-поведенческой терапии в коррекции депрессивных и тревожных нарушений после инсульта. Осуществленная систематизация западных исследований позволяет расширить представления читателей о сферах применения когнитивно-бихевиоральной психотерапии в соматической медицине.

В рубрике «Мастерская и методы» представлена статья А.Н. Молостовой, посвященная сравнительному анализу разных типов групповой работы и направленная на прояснение давнего спора психотерапевтов относительно баланса разных типов работы в групповом процессе. В самом деле, на чем важнее сделать акцент — на заявленной проблеме или на межличностных отношениях участников, ведь нередко именно в них и проявляются наиболее ярко психологические проблемы членов группы. Диалектика этих двух важнейших аспектов психологической работы в разных видах групповой работы иллюстрируется автором графически.

Редакция считает важным знакомить читателей с разными направлениями психотерапии и психологического консультирования. В рубрике «Психоаналитические исследования» размещена статья М.А. Гулиной, в которой разрабатывается тема образа Отца. Это одна из ключевых тем современной культуры с остро стоящей проблематикой границ и ограничений.

Эссе Е.Ю. Протасовой позволит читателю буквально побывать в образовательной среде Финляндии, почувствовать ее атмосферу, где сотрудничество родителей и педагогов становится главным принципом, а традиционная авторитарная позиция педагога ушла в далекое прошлое.

Авторы начатого в прошлом году проекта «Дерево культурно-исторической психологии» — В.К. Зарецкий, Д. Ведмицкая и О. Пичугина — представляют новое интервью, в котором Е.В. Филиппова рассказывает о своей работе в лаборатории Д.И. Эльконина, о влиянии идей культурно-исторической психологии на ее профессиональное становление.

Заканчивает наш выпуск традиционная рубрика «Психологический дайджест», которую подготовила для нашего журнала ее постоянная ведущая — Елена Можяева. На этот раз мы знакомимся с самыми свежими материалами, подготовленными к печати в текущем 2018 году, в которых рассмотрено новое поколение концепций суицида, что несомненно вызовет большой интерес у российских специалистов.

А.Б. Холмогорова

For citation:

Kholmogorova A.B. From the Editor. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 5—. doi: 10.17759/cpp.2018260101. (In Russ., abstr. in Engl.).

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА: ПСИХОЛОГИЯ
ИСКУССТВА И ТЕРАПИЯ ИСКУССТВОМ**
**SPECIAL TOPIC: PSYCHOLOGY OF ART
AND ART THERAPY**

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РЕАКЦИИ НА ФРУСТРАЦИЮ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ-АКТЕРОВ)

В.С. СОБКИН*,
ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

Т.А. ЛЫКОВА**,
ФГБНУ «ИУО РАО», ФГАОУ ВО «РУДН», Москва, Россия,
feo.tatiana@gmail.com

Для цитаты:

Собкин В.С., Лыкова Т.А. Личностные особенности и реакции на фрустрацию (по результатам исследования студентов-актеров) // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 7—28. doi: 10.17759/cpp.2018260102

* *Собкин Владимир Самуилович*, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, Институт управления образованием Российской академии образования (ФГБНУ «ИУО РАО»), Москва, Россия, e-mail: sobkin@mail.ru

** *Лыкова Татьяна Анатольевна*, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт управления образованием Российской академии образования (ФГБНУ «ИУО РАО»); старший преподаватель, Институт иностранных языков (ФГАОУ ВО «РУДН»), Москва, Россия, e-mail: feo.tatiana@gmail.com

Представлены результаты исследования взаимосвязи личностных особенностей и реакций на фрустрацию у студентов-актеров. Выдвинута гипотеза о связи типов поведения в ситуациях фрустрации с такими личностными особенностями, как эмпатия, доверчивость, рефлексивность по отношению к социальному поведению. Выборка: 142 студента первых курсов московского театрального колледжа. Методики: многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла 16 PF и тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга. Результаты: показано, что проективная эмоциональная чувствительность связана с двумя типами реакций — самозащитой через агрессию и самозащитой через принятие вины на себя. Выводы: выявлена важная роль реакций, направленных на разрешение фрустрирующей ситуации через обращение к партнеру по взаимодействию. Данный способ поведения в ситуации конфликта связан с комплексом личностных особенностей, соответствующих шкале теста «практичность» Кеттелла, что предполагает внимание к конкретным обстоятельствам действия.

Ключевые слова: актерская одаренность, фрустрация, личностные особенности, психология актера, тест Кеттелла, тест Розенцвейга.

Настоящая статья продолжает цикл наших исследований, посвященных изучению социально-психологических особенностей студентов в процессе освоения ими актерской профессии [11; 12; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 48; 49]. Эти исследования проводятся с использованием широкого набора тестовых методик, в том числе: теста Кеттелла 16 PF, теста темперамента Айзенка, фрустрационного теста С. Розенцвейга, методики для диагностики эмоционального интеллекта MSCEIT 2.0, социометрии и авторской анкеты для изучения художественных предпочтений. В наших предыдущих работах были рассмотрены такие аспекты, как особенности отбора студентов в театральный колледж [25; 26; 27; 28], характеристики социометрического статуса в учебной группе студентов-актеров и их связь с личностными особенностями [11; 48], особенности эмоционального интеллекта [24] и другие. В данной работе мы обратим специальное внимание на взаимосвязь личностных характеристик с поведенческими реакциями на фрустрирующие ситуации. Частично этот аспект уже затрагивался нами в других работах [12; 23].

Современных зарубежных и отечественных исследований в области психологии актерского творчества немного. Как правило, в работах зарубежных авторов основное внимание уделяется применению элементов актерской психотехники в различных областях практики (освоение эффективных способов социального поведения, реабилитационные социальные программы, разнообразные образовательные тренинги). Так, в работе Эндрю Померанц (*A.M. Pomerantz*) обсуждается опыт со-

трудности психологов и театральных педагогов при обучении студентов-психологов навыкам общения с клиентами с использованием ролевой игры [46]. Яэль Харлап (*Y. Harlap*) использовал технику интерактивного театра для подготовки педагогов высших учебных заведений к разрешению существующих конфликтов в системе отношений «педагог—студент» [40]. Группа ирландских ученых использовала возможность импровизационного театра для создания специальных программ, позволяющих студентам старших курсов медицинских вузов получить более четкое представление о своей будущей профессии, осознать себя в ней, развить навыки рефлексии, освоить ряд умений, связанных с профессиональной этикой и др. [41]. В работе Мид Палидовски и Бредли Штолбах (*M. Palidofsky, B.C. Stolbach*) описана реабилитационная социальная программа для заключенных девочек-подростков, где совместно с театральными специалистами сочиняются и ставятся мюзиклы, основанные на травматическом опыте участников [43]. В работе Лизы Шеперд (*L. Shepherd*) [47] рассматриваются результаты обучающего тренинг-проекта, направленного на помощь в адаптации подросткам и молодежи, для которых английский язык не является родным. Особое внимание в данной программе автор уделяет комическим содержаниям, которые способствуют лучшему взаимопониманию и самовыражению участников. Ш. Патаки и С. Макензи (*S.P. Pataki, S.A. Mackenzie*) разработали междисциплинарный курс, основными целями которого является информирование студентов о распространенности различных видов насилия, а также развитие критического мышления, эмпатии и социальной активности средствами театральной педагогики [45].

Специальный интерес представляют работы, касающиеся непосредственно исследовательских аспектов театрального творчества. Так, например, группа ученых провела эксперимент, направленный на анализ влияния отдельных средств театральной педагогики на социальное взаимодействие, эмоциональную и когнитивную сферы у детей с расстройствами аутистического спектра [37]. Исследователи М. Панайте и Д. Эне (*M. Panainte, D.L. Ene*), анализируя парадокс Дидро «Об актере», рассматривают особенности перевоплощения и сценического переживания актера в контексте изучения эмпатии, эмоций, мышления, эмоциональной памяти, воображения и творчества [44]. Давид Орzechовиц (*D. Orzechowicz*) на материале анализа театральных постановок, репетиций и обучения начинающих актеров исследовал стратегии по управлению эмоциями, которые актеры используют в профессиональной деятельности [42].

Следует также обратить внимание на работу Галии Голдштейн и Элен Виннер (*T.R. Goldstein, E. Winner*) [39]. Они провели качественное экспериментальное исследование, в котором сопоставили результаты кон-

тент-анализа детских воспоминаний группы профессиональных актеров и юристов. Участникам задавались вопросы об их семьях, образовании и обучении, а также о ранней склонности к играм, воображению, вымыслу и пр. Авторы установили, что детские воспоминания актеров отличались от воспоминаний юристов по нескольким существенным характеристикам. Так, актеры вспоминали о себе в детстве как об увлеченных воображаемыми мирами и своим внутренним миром. Они также отмечали, что подобное «витание в облаках» часто негативно сказывалось на их занятиях в школе. В отличие от юристов, актеры указывали на то, что в детстве «репетировали» роли взрослых, начиная с четырех лет, что проявлялось, в частности, в изобретении и режиссировании игр со сверстниками. Кроме того, актеры выбирали карьеру вопреки ожиданиям своих родителей, которые, несмотря на любовь к искусству, противились выбору своих детей, тогда как юристы не испытывали подобных трудностей. В совокупности полученные в этом исследовании результаты свидетельствуют о том, что раннее развитие воображения, внимания к своим переживаниям, а также стремление к идентификации способствуют дальнейшему выбору карьеры, предполагающей ежедневное погружение в мир воображения и переживаний других людей, в частности, сценических персонажей.

Помимо перечисленных следует упомянуть еще ряд работ, которые по содержанию наиболее близки к реализуемой нами программе: исследование под руководством Майкла Дафнера (*M. Dufner, B. Egloff, C. Hausmann*), посвященное изучению нарциссических тенденций среди актеров [38]; диссертацию Марии Турри (*M. Turri*), где представлен психоаналитический взгляд на проблему идентификации «зритель—персонаж» и «актер—персонаж» в театре [51]; работу Аркуна Татара и его коллег (*A. Tatar, H. Sahinturk, G. Saltukoglu, S. Telvi*), в которой представлены результаты исследования личностных характеристик актеров театра в рамках пятифакторной личностной модели [50].

Подробный обзор отечественных работ, посвященных особенностям личности и творческой деятельности актера, был представлен нами в ряде научных публикаций [12; 26; 27; 28]. Здесь же укажем лишь наиболее близкие к нашему подходу психологические исследования. Это работы, посвященные изучению личностных особенностей студентов, обучающихся актерской профессии, которые были проведены А.Л. Гройсманом [5], Ю.И. Галкиной [3], Н.В. Рождественской [18], А.И. Савостьяновым [20]. В ряде психологических исследований рассматривались такие аспекты актерской профессии, как развитие эмпатии в актерском тренинге [1], особенности формирования Я-концепции у будущих актеров [31], мотивационные характеристики личности в профессиональной деятельности студентов-актеров [14; 19], социально-психологические особенности театральных конфликтов [13].

В целом, исходя из представлений, сложившихся в социальной психологии, своеобразии профессиональной деятельности актера может рассматриваться как особый вид социального действия [4; 16; 17; 32]. Одной из важных его характеристик является взаимодействие с партнером по сцене в рамках ролевого поведения, предусмотренного драматургическим материалом. В рамках *театральной школы переживания* процесс художественного творчества и работы актера над ролью строится через действенный анализ драматического произведения, который направлен на выявление сверхзадачи пьесы в целом, а также содержания и способов разрешения конфликтов в отдельных эпизодах, возникающих по ходу развития сценического действия [7; 8; 10; 21; 30; 33]. В этом контексте изучение реакций актера на фрустрирующие ситуации представляется весьма важным, поскольку позволяет выявить не только особенности его поведения в ситуациях повседневной жизни, но и обратить внимание на связь преобладающих типов реакций в ситуации конфликта с личностными особенностями актера.

Гипотеза. Учитывая важность поиска актером разнообразных способов поведения в конфликтных ситуациях при работе над ролью, можно предположить наличие особой связи между способом реагирования на фрустрирующие ситуации и особенностями личности. В то же время, формулируя подобное предположение, важно иметь в виду, что в методических руководствах по использованию проективных тестовых методик для исследования реакций на фрустрацию (в частности, теста Розенцвейга) неоднократно подчеркивается отсутствие связи этих реакций с личностными особенностями [6; 29; 34]. Однако заметим, что эти исследования не проводились на актерских выборках испытуемых. В этой связи важно специально подчеркнуть, что наша гипотеза о связи личностных особенностей и реакций на фрустрацию у актеров строится исходя из содержательных особенностей актерской деятельности. Можно предположить, что реакции на фрустрацию будут связаны с такими личностными особенностями, как склонность к эмпатии, сочувствию, доверчивость и рефлексивность по отношению к социальному поведению.

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие студенты ГБОУ СПО г. Москвы «Московский театральный колледжа при ГБУК г. Москвы «Московский театр под руководством О.П. Табакова». По программе исследования были обследованы 331 студент, которые обучались на 1, 2, 3 и 4 курсах в период с 2010 по 2015 г. В настоящей статье используются данные обследования студентов первых курсов (142 человека). Также в

статье приводятся данные обследования контрольной группы учащихся X—XI классов общеобразовательной школы (145 человек).

Методики. Для изучения личностных особенностей использовался многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла 16 PF. Этот тест является основным в общей программе нашего исследования, поскольку позволяет выявить коммуникативные, интеллектуальные, эмоциональные и регуляторные свойства личности с помощью 16 независимых биполярных личностных шкал (факторов). Тест хорошо известен в профессиональной среде и не нуждается в подробном описании [9; 36]. Заметим, что опросник Кеттелла использовался нами в исследовании будущих актеров, занимавшихся в театральной студии народного артиста СССР О.П. Табакова еще в 1976 г., где показал свою диагностическую валидность [22]. Добавим, что тест 16 PF был также включен в ряд программ по диагностике профессионально важных качеств студента-актера [5; 18 и др.].

Вторая методика — тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга. Он использовался для выявления доминирующих типов реакции студентов-актеров на неудачи, а также предпочитаемых ими способов выхода из ситуаций, препятствующих деятельности или удовлетворению потребностей.

Этот рисуночный тест также хорошо известен и принципы его формализованной обработки описаны в соответствующих руководствах [34]. Предваряя статью, важно отметить два момента, касающихся анализа реакций испытуемых на предъявляемые фрустрирующие ситуации.

1. Направленность реакции:

- экстрапунитивная (E) — реакция направлена на других людей;
- интрапунитивная (I) — реакция направлена на себя;
- импунитивная (M) — неопределенное направление реакции.

2. Тип реакции:

- фиксация на препятствии (O-D) — в ответе подчеркивается препятствие, вызвавшее фрустрацию субъекта;
- фиксация на самозащите (E-D) — Я субъекта играет наибольшую роль в ответе, причем субъект или порицает кого-нибудь, или же согласен отвечать за ситуацию, или отрицает ответственность вообще;
- фиксация на разрешении ситуации (N-P) — ответ испытуемого направлен на разрешение фрустрирующей ситуации различными способами.

Особый же интерес для нас представляет анализ материалов, сочетающих направленность и тип реакции. Изучению данных сочетаний, их выраженности и корреляциям с личностными характеристиками будет посвящено основное содержание настоящей статьи.

Помимо этого при анализе материалов использовалась суммарная шкала экспертной педагогической оценки успешности по актерскому мастерству, сформированная по результатам первого года обучения.

Материалы статьи сгруппированы в следующие три раздела: 1) личностные особенности студента театрального колледжа; 2) реакции на фрустрирующие ситуации; 3) взаимосвязь личностных особенностей с типами поведения во фрустрирующих ситуациях.

Анализ результатов

Личностные особенности студента театрального колледжа. Материалы, посвященные личностным особенностям студентов-актеров при приеме в колледж и на разных этапах обучения, подробно рассматривались нами в ряде публикаций [11; 12; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 48; 49]. В данной статье приведем те результаты, которые характеризуют своеобразие личности студента-актера на этапе ранней профессионализации (1 курс). Ниже представлены результаты сравнения среднего профиля студентов театрального колледжа по опроснику Р. Кеттелла 16 PF с данными их сверстников из общеобразовательных школ — контрольной группы (рис. 1) и данные, касающиеся личностных особенностей отсеянных по итогам первого курса и продолживших обучение студентов (рис. 2).

Значимые различия между студентами-актерами и учащимися общеобразовательных школ получены по следующим шкалам: А (общительность, $p=0,000$); С (эмоциональная стабильность, $p = 0,000$); Е (доми-

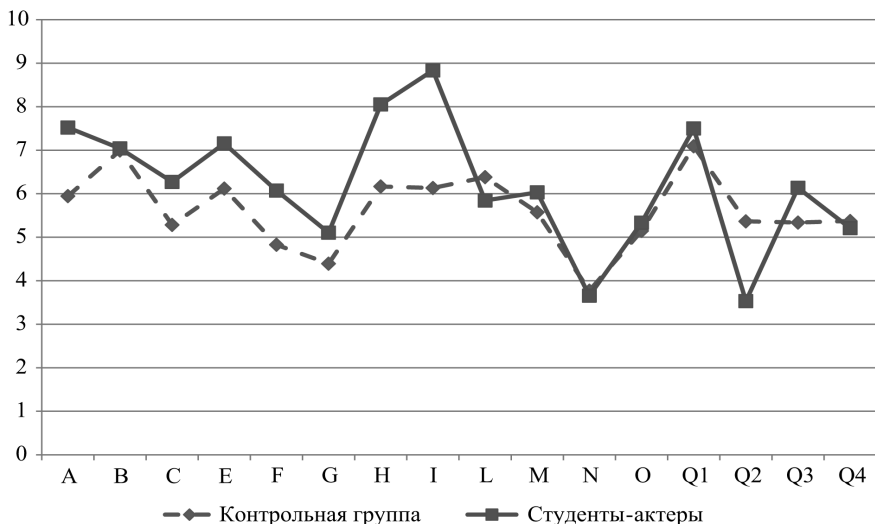

Рис. 1. Средние профили студентов-актеров и учащихся общеобразовательных школ по тесту 16 PF (баллы в стенах)

нантность, $p=0,000$); F (экспрессивность, $p=0,000$); G (нормативность поведения, $p=0,001$); H (смелость, $p=0,000$); I (чувствительность, $p=0,000$); L (подозрительность $p=0,000$); M (мечтательность, $p=0,000$); Q2 (нонконформизм, $p=0,000$) и Q3 (самоконтроль, $p=0,004$).

Поскольку средние оценки по шкалам С, Е, F, G, L, М, Q3 для обеих групп находятся в границах нормы (4–7 баллов), то они не позволяют интерпретировать выявленные различия как фиксирующие характерные особенности студента-актера. В этом отношении особый интерес представляют лишь шкалы А, Н, I, Q2, которые лежат вне диапазона средних значений, что указывает на наличие выраженных личностных акцентуаций. Содержательно перечисленные акцентуации определяют как эмоциональные особенности личности (проективную эмоциональную чувствительность, восприимчивость, яркость эмоциональных переживаний), так и характеристики, фиксирующие готовность к социальному взаимодействию (общительность, открытость, социальная смелость, готовность работать в группе).

Сопоставление личностных особенностей отчисленных и продолживших обучение по итогам первого курса показывает, что у отчисленных студентов, по сравнению с теми, кто продолжил обучение, оказались более высокие значения по шкале М («мечтательность») и более низкие по шкалам L («подозрительность»), N («дипломатичность») и Q4 («напряженность») (рис. 2).

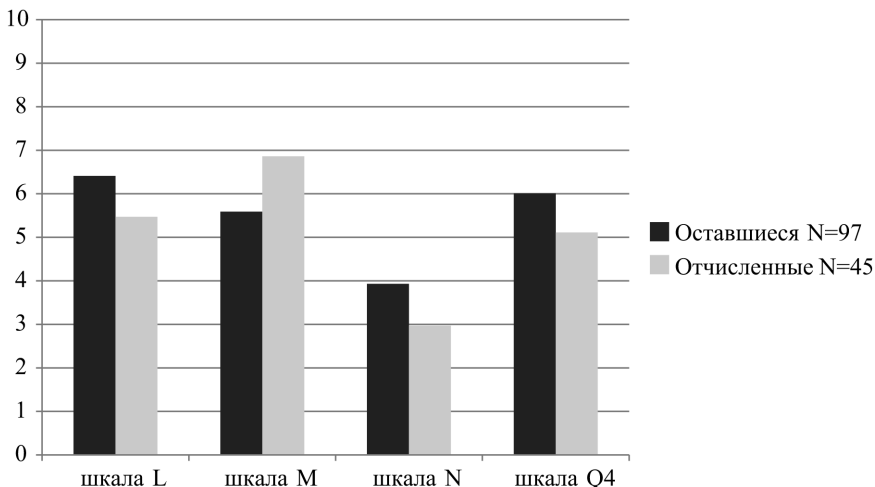

Рис. 2. Средние значения по дифференцирующим шкалам теста Кеттелла 16 PF для отчисленных и продолживших обучение студентов (баллы в стенах, различия значимы на уровне $p<.05$)

На первый взгляд, выявленные различия могут показаться неожиданными. Так, например, «воображение» (шкала М) традиционно считается одной из главных характеристик творческой личности. Другая шкала — L («подозрительность») фиксирует осторожность по отношению к людям, склонность к ревности, стремление возложить ответственность за ошибки на окружающих. Высокие значения по шкале N («дипломатичность») предполагают выраженность таких характеристик, как эмоциональная сдержанность, пронизательность, осторожность. Наконец, шкала Q4 («напряженность») характеризует собранность, энергичность, фрустрированность, повышенную мотивацию и в то же время — беспокойство, раздражительность. Однозначно определить эти характеристики как единый личностный комплекс, влияющий на успешность обучения в театральном колледже, затруднительно. И все же ряд содержательных интерпретаций для отдельных тенденций был приведен в наших предыдущих работах [12; 22; 25; 26; 27; 49].

Реакции на фрустрирующие ситуации. Предварительный анализ частот встречаемости различных типов и направлений реакций показал, что в целом результаты студентов театрального колледжа существенно не отличаются от нормативных значений для своей возрастной группы [23]. Подобное соответствие возрастной норме указывает на сформированность у студентов разнообразных поведенческих реакций, адекватных возрастному развитию.

Вместе с тем особый интерес представляет анализ результатов по тесту Розенцвейга, направленный на рассмотрение возможных сочетаний направлений и типов реакции (табл. 1).

Таблица 1
Средние значения сочетаний направленности и типов реакций
у студентов-актеров по тесту Розенцвейга (%)

Направление реакций	Типы реакций		
	O-D — фиксация на препятствии	E-D — фиксация на самозащите	N-P — фиксация на разрешении
E — экстрапунитивное	12,7	16,8	15,7
I — интрапунитивное	1,5	11,1	11,2
M — импунитивное	18,2	7,5	5,5

Анализ полученных данных позволяет выделить наиболее распространенные сочетания направлений и типов реакций на фрустрацию:

M(O-D) — стремление игнорировать фрустрирующую ситуацию;

E(E-D) — враждебность, обвинение окружающих;

Е(N-P) — ожидание решения проблемы от других участников ситуации;

Е(O-D) — эмоциональная негативная оценка фрустрирующей ситуации.

У студентов весьма высок процент ответов М(O-D), фиксирующих стремление игнорировать фрустрирующую ситуацию (почти каждый пятый ответ). Подобный тип реакции свидетельствует о том, что поведение человека направлено на вытеснение или сворачивание процесса переживания фрустрации, стремление не воспринимать ситуацию всерьез, желание прекратить взаимодействие. В повседневной жизни такой способ реагирования может свидетельствовать о высокой степени стрессоустойчивости. Подчеркнем, что позитивная оценка подобного типа реакций касается именно повседневной жизни. Однако возникает вопрос: является ли подобный тип реакций полезным при освоении актерской профессии, проживании конфликтных ситуаций в пространстве сценического взаимодействия?

Обращает на себя внимание, что в ответах респондентов представлены все типы экстрапунитивных реакций. Суммарно они составляют почти половину от всех других вариантов — 45,2%. Подобное внешнее направление реакции способствует, с одной стороны, развитию конфликта, а с другой — сохранению контакта с другими участниками фрустрирующей ситуации. Заметим, что эта общая тенденция свидетельствует о готовности студентов-актеров разворачивать полный спектр вариантов поведения, так или иначе связанных с взаимодействием с партнером: от выражения негативных переживаний, предъявления требований к партнеру решить проблему, до защиты Я через агрессию, направленную на партнера.

Доля интрапунитивных реакций существенно меньше. Они либо направлены на самозащиту через обвинение себя и чувство вины, либо на готовность самостоятельно разрешить ситуацию.

Взаимосвязь типов поведения во фрустрирующих ситуациях с личностными особенностями. В соответствии с выдвинутой гипотезой о взаимосвязи способов реакций на фрустрирующие ситуации с личностными особенностями был проведен корреляционный анализ результатов, полученных при обследовании студентов театрального колледжа, по тесту Розенцвейга с данными по личностному опроснику Кеттелла 16 PF. Также был проведен дополнительный анализ, направленный на выявление связей реакций на фрустрирующие ситуации с успешностью освоения актерской профессии. Индикатором успешности освоения профессии являлись итоговые оценки, полученные студентами по дисциплине «Мастерство актера» в конце первого года обучения. Значимые корреляции представлены ниже (рис. 3).

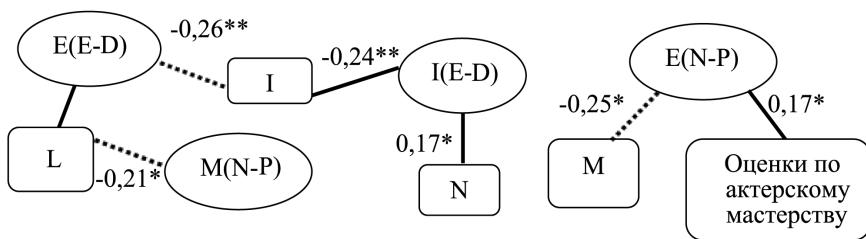

Рис. 3. Плеяды значимых корреляций между шкалами теста Кеттелла, реакциями на ситуации фрустрации по тесту Розенцвейга и оценками по актерскому мастерству («*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$): сплошной линией обозначены положительные связи, пунктиром — отрицательные

Реакция E(E-D), обозначающая направленность вовне (E) и самозащиту (E-D), интерпретируется как *порицание и враждебность по отношению к другим* участникам фрустрирующей ситуации: «это вы виноваты», «все из-за вас», «у вас нет совести» и т. п. Она положительно связана с такой личностной чертой, как подозрительность (шкала L), и отрицательно — с эмоциональной чувствительностью (шкала I). Эти личностные характеристики фиксируют два важных аспекта. Один определяет своеобразие позиции в межличностных отношениях — осторожность, эгоцентричность, недоверие к другим людям (шкала L), а другой — особые эмоциональные проявления при взаимодействии (шкала I). Поскольку корреляция со шкалой I отрицательная, то здесь следует иметь в виду именно те характеристики, которые находятся на ее отрицательном полюсе: жесткость, рациональность, реалистичность, самодовольство, безжалостность (шкала I). Таким образом, этот комплекс личностных характеристик (шкалы L и I — подозрительность и жесткость) способствует актуализации защитной поведенческой реакции в ситуации фрустрации: уязвимое Я субъекта выбирает в качестве лучшего способа защиты агрессию и нападение.

Перейдем к анализу связей реакции I(E-D) с личностными характеристиками по тесту Кеттелла. Данная реакция фиксирует преобладание самоосуждения, чувства вины за произошедшее. Это особый вид эго-защиты, связанный с *обвинением себя*, стремлением оправдаться: «извините, все из-за меня», «это я виноват». Этот способ реакции на фрустрирующие ситуации, как и предыдущий, связан со шкалой теста Кеттелла I — «эмоциональная чувствительность». Поскольку корреляция в данном случае положительна, то важно иметь в виду противоположный полюс шкалы I — «чувствительность». Ему соответствуют такие характеристики, как слабость, капризность, женственность, потребность во внимании, зависимость, склонность к эмпатии. Кроме того, реакция

I(E-D) положительно связана со шкалой N («дипломатичность»). Высокие значения по этой шкале характеризуют такие личностные качества, как подозрительность, хитрость, дипломатичность.

Можно предположить, что в данном случае имеет место своеобразная *манипулятивная стратегия*, когда признание вины в конфликтной ситуации оказывается выгодным с точки зрения субъекта для достижения каких-либо своих целей. Так, высказывания «это я во всем виноват», «это все из-за меня», «мне надо было поступить по-другому» на самом деле в силу высокой социальной рефлексии говорящего подразумевают, что партнер в ситуации конфликтного взаимодействия отреагирует на подобные высказывания утешением, либо возьмет на себя разрешение ситуации. Следует подчеркнуть, что при анализе двух разных реакций эго-защиты (E(E-D) — обвинение другого и I(E-D) — обвинение себя) особую значимость приобретает шкала I. Ее низкие значения существенно влияют на проявления реакции обвинения другого, а высокие — самозащиты через самообвинение. Возможно, именно подобная значимость этой личностной характеристики в ситуации конфликтного взаимодействия и определяет ее важность в ситуации отбора в актерскую профессию. Добавим, что само манипулятивное поведение является крайне важной особенностью в классических и современных драматических произведениях.

Также следует обратить внимание на связь разрешающей реакции M(N-P) со шкалой L («подозрительность») теста Кеттелла. Реакция M(N-P) характеризует ожидание пассивного разрешения ситуации и интерпретируется как «надежда на то, что время и естественный ход событий постепенно автоматически разрешат проблему» [34, с. 63]. В данном случае важно именно то, что подобный тип поведения *отрицательно* коррелирует со шкалой L. Таким образом, данный тип реакции на фрустрацию определяется теми личностными качествами, которые соответствуют низким значениям по данной шкале: доверчивость, открытость и покладистость.

Подобный факт представляется крайне важным, поскольку пассивное («философское») отношение к фрустрирующим ситуациям («давайте еще подождем», «как-нибудь разберемся») не соответствует актерским проявлениям в ситуации конфликта. И в этом отношении неслучайно, что именно низкие значения по шкале L играют важную роль при отсеивании студентов по итогам первого года обучения.

Завершая рассмотрение значимых взаимосвязей, остановимся на корреляционной плеяде, построенной вокруг реакции E(N-P). Данная реакция по своему типу относится к группе *разрешающих* (N-P). В сочетании с экстрапунитивной направленностью (E) она предполагает обращение к окружающим людям («партнерам» по конфликтной ситуации) для реше-

ния возникших проблем. С нашей точки зрения, крайне важно, что сочетание E(N-P) фиксирует наиболее явное приглашение собеседника к взаимодействию: большинство реакций такого типа сформулированы в виде вопросов, реже конкретных просьб: «что же теперь делать?», «помогите мне», «почему так получилось?». По сути, это проявление своеобразной инициативы в разрешении напряженной конфликтной ситуации.

Этот тип реакции отрицательно коррелирует со шкалой теста Кеттелла М («мечтательность»), поэтому здесь важным оказывается комплекс тех характеристик, которые определяют низкие значениями по шкале М: практикоориентированный тип мышления, направленность на реальные обстоятельства. Именно эти личностные качества определяют поведение в ситуациях фрустрации по типу E(N-P). Заметим, что эта шкала, также как и шкала L («подозрительность»), играет важную дифференцирующую роль при отчислении студентов-актеров после первого года обучения: у продолживших обучение показатели по шкале М значимо ниже, чем у отсеянных.

Как следует из приведенных данных, тип реакции E(N-P) является крайне важным в актерской профессии. Об этом свидетельствует положительная корреляция данного типа реакции с оценками по актерскому мастерству: высокие оценки имеют те студенты, кто склонен во фрустрирующей ситуации искать решение, активно обращаться к партнеру по взаимодействию. С точки зрения педагогов, именно это проявление инициативы, умение воздействовать на партнера представляется крайне важной особенностью, способствующей успешному освоению актерской профессии.

Обсуждение

Предваряя эмпирическую часть статьи, мы отмечали, что в ряде работ специально подчеркивается отсутствие взаимосвязей между личностными характеристиками и особенностями реакций на фрустрирующие ситуации [6; 29; 34]. В то же время, в настоящем исследовании была выдвинута гипотеза, что подобные связи могут проявиться в отдельных подвыборках испытуемых, особенно тех, в чьей профессиональной деятельности специальное внимание уделяется работе с конфликтами: их выявлению, выражению и разрешению. В частности, одной из таких групп являются люди, профессионально занимающиеся актерской деятельностью. Основанием для подобного предположения выступают работы выдающихся режиссеров, актеров и театральных педагогов (П.М. Ершова, В.Э. Мейрхольда, К.С. Станиславского, Г.А. Товстоногова, А.В. Эфроса, и др.), где специальное внимание уделяется пробле-

матике сценического общения и роли конфликта в сценическом взаимодействии [7; 15; 21; 30; 33].

В целом, полученные результаты подтвердили нашу гипотезу. При этом следует обратить внимание на уточняющие гипотезу моменты. Центральным здесь является противопоставление двух типов реакций на фрустрацию. Один характеризует «враждебность по отношению к другим». Подобный тип реакций коррелирует с такими личностными характеристиками, как подозрительность и эмоциональная холодность. Другой тип реакций в конфликте определяет поведенческую установку на «самообвинение» и связан с такими личностными проявлениями, как эмоциональная чувствительность (эмпатийность) и высокая рефлексивность. Подобное сочетание реакций и личностных характеристик позволяет сделать вывод о том, что здесь проявляется особая манипулятивная стратегия в ситуации конфликтного взаимодействия.

В свою очередь, установление двух типов реакций и их связей с личностными характеристиками дает основание предположить, что результаты исследования выявили психологические особенности, свойственные двум тактикам взаимодействия, которые в содержательном плане можно соотнести с принятыми в актерской практике терминами, описывающими взаимодействие в сценическом конфликте: «пристройка сверху», «пристройка снизу» [7]. В рамках транзактного анализа, по видимому, это может быть интерпретировано в терминах «игры» с позиции «Родителя» и «Ребенка» [2].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, подтвердилась гипотеза о взаимосвязи личностных особенностей с поведенческими реакциями на фрустрирующую ситуацию. При этом особый интерес представляет взаимосвязь личностных характеристик с двумя типами реакций: самозащитой через агрессию и самозащитой через принятие вины на себя. Обе эти реакции фиксируют разные поведенческие установки в ходе реализации сценического конфликта. Принципиально, что в актуализации подобных типов реакций центральное значение приобретает такой личностный фактор, как проактивная эмоциональная чувствительность.

Во-вторых, важную роль в разрешении сценического конфликта играет тип реакций, фиксирующий стремление к разрешению фрустрирующей ситуации через обращение к партнеру по взаимодействию. Подобный тип реакции связан с такой личностной характеристикой, как практичность, что предполагает внимание к конкретным обстоятель-

ствам действия. Показательно, что именно такой способ поведения (разрешение конфликта через взаимодействие) оценивается педагогами по актерскому мастерству как наиболее важный на этапе ранней профессионализации актера.

В-третьих, представляется важным, что среди студентов-актеров достаточно распространен тип поведения во фрустрирующей ситуации, который предполагает игнорирование возникших трудностей. Его можно рассматривать как проявление компенсаторных механизмов. Подобная стрессоустойчивость крайне важна для актерской профессии, которая предполагает постоянное погружение и воспроизводство поведенческих стратегий в конфликтной ситуации.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №18-013-00805 А «Особенности личностных изменений и профессиональной социализации в процессе освоения актерской профессии».

Авторы благодарят народного артиста СССР О.П. Табакова за поддержку данного исследовательского проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2016. 576 с.
2. *Галкина Ю.И.* Психологические детерминанты личностно-профессионального становления будущих актеров: дисс. ... канд. психол. наук: М., 2011. 235 с.
3. *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни: пер. с англ. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 305 с.
4. *Гройсман А.Л.* Психология успешности профессионального обучения и творческой деятельности актера. М.: Когито-Центр, 2007. 160 с.
5. *Данилова Е.Е.* Методика изучения фрустрационных реакций у детей // *Иностранная психология.* 1996. № 6. С. 69—81.
6. *Ершов П.М.* Режиссура как практическая психология. М.: Мир искусства, 2010. 408 с.
7. *Захава Б.Е.* Мастерство актера и режиссера: учеб. пособие. 5-е изд. М.: РАТИ — ГИТИС, 2008. 432 с.
8. *Капустина А.Н.* Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб.: Речь, 2001. 85 с.
9. *Кнебель М.О.* Поэзия педагогики. О действенном анализе пьесы и роли. М.: ГИТИС, 2005. 115 с.
10. *Лыкова Т.А.* Взаимосвязь социометрического статуса и педагогической оценки у студентов театрального колледжа // *Педагогика.* 2017. № 1. С. 119—123.
11. *Лыкова Т.А.* Динамика социально-психологических особенностей студентов в процессе освоения актерской профессии: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2017. 198 с.

12. *Мадонна Е.Н.* Социально-психологические особенности театральных конфликтов и их профилактика: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 172 с.
13. *Малевский Е.В.* Психологические характеристики личности в обучении актера вербальному ролевому поведению: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 115 с.
14. *Мейерхольд В.Э.* Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч. Ч. 2. (1917—1939). М.: Искусство, 1968. 643 с.
15. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.
16. *Парсонс Т.* Очерк социальной системы // О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. С. 543—686.
17. *Рождественская Н.В.* Диагностика актерских способностей. СПб: Речь, 2005. 192 с.
18. *Росляков А.Ф.* Мотивационные особенности личности и профессиональной деятельности студента-актера: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1992. 16 с.
19. *Савостьянов А.И.* Общая и театральная психология. СПб.: КАРО, 2007. 256 с.
20. *Станиславский К.С.* Работа актера над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. М.: Прайм-Еврознак, 2010. 416 с.
21. *Собкин В.С.* Опыт исследования личностных характеристик студентов-актеров // Психолого-педагогические аспекты обучения студентов творческих вузов / Под ред. А.Л. Гройсмана. М.: ГИТИС, 1984. С. 22—37.
22. *Собкин В.С., Лыкова Т.А.* Взаимосвязь способов поведения в ситуациях фрустрации и личностных особенностей (на материале обследования студентов театрального колледжа) // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 62—74
23. *Собкин В.С., Лыкова Т.А.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и личностных особенностей (по материалам обследования студентов театрального колледжа) // Национальный психологический журнал. 2015. Т. 18. № 2. С. 56—65. doi:10.11621/npj.2015.0206
24. *Собкин В.С., Лыкова Т.А.* Личностные особенности при профессиональном отборе студентов-актеров: гендерный аспект // Национальный психологический журнал. 2014. Т. 15. № 3. С. 74—83 doi:10.11621/npj.2014.0309
25. *Собкин В.С., Лыкова Т.А.* Особенности личностных изменений студентов на этапе первого года обучения в театральном колледже // Журнал Сибирского Федерального Университета: Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 7 (12). С. 2099—2109.
26. *Собкин В.С., Лыкова Т.А.* Психотехники развития одаренности в театральной педагогике [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.01.2018).
27. *Собкин В.С., Феофанова Т.А.* Личностные особенности студентов-актеров разных поколений: инвариантность и изменчивость // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 32—47.
28. *Тарабрина Н.В.* Методика изучения фрустрационных реакций (picture frustration S. Rosenzweig) // Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 2. С. 68—77.

29. Товстоногов Г.А. О профессии режиссера. М.: ВТО, 1967. 355 с.
30. Фишман-Борисов М.Б. Становление Я-концепции в системе профессионального мастерства будущего актера: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005. 217 с.
31. Шибутани Т. Социальная психология: пер. с англ. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 546 с.
32. Эфрос А.В. Профессия: режиссёр. М.: Искусство, 1979. 367 с.
33. Ясюкова Л.А. Фрустрационный тест С. Розенцвейга: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2007. 128 с.
34. Anghel I.O. Valorizations of theoretical models of giftedness and talent in defining of artistic talent // Review of Artistic Education. 2016. Vol. 12(2). P. 231—239. doi:10.1515/rae-2016-0028
35. Cattell R.B., Eber H.W., Tatsuoka M.M. Handbook for the Sixteen Personality Factor Questionnaire (16 PF). Champaign IL: Institute for Personality and Ability Testing, 1970. 388 p.
36. Corbett B.A., Gunther J.R., Comins D., Price J., Ryan N., Simon D., Schupp C.W., Rios T. Brief report: theatre as therapy for children with autism spectrum disorder // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2011. Vol. 41 (4). P. 505—511. doi:10.1007/s10803-010-1064-1
37. Dufner M., Egloff B., Hausmann C.M., Wendland L.-M., Neyer F.J., Back M.D. Narcissistic Tendencies Among Actors: Craving for Admiration, But Not at the Cost of Others // Social Psychological and Personality Science. 2015. Vol. 6 (4). P. 447—454. doi:10.1177/1948550614564224
38. Goldstein T.R., Winner E. Living in Alternative and Inner Worlds: Early Signs of Acting Talent // Creativity Research Journal. 2009. Vol. 21 (1). P. 117—124. doi:10.1080/10400410802633749
39. Harlap Y. Preparing university educators for hot moments: theater for educational development about difference, power, and privilege // Teaching in Higher Education. 2014. Vol. 19 (3). P. 217—228. doi:10.1080/13562517.2013.860098
40. Hayes P., Cantillon P., Hafler M. Discovering Emotional Honesty through Devised Theatre // The Clinical Teacher. 2014. Vol. 11 (2). P. 84—87. doi:10.1111/tct.12116
41. Orzechowicz D. Privileged Emotion Managers: The Case of Actors // Social Psychology Quarterly. 2008. Vol. 71 (2). P. 143—156. doi:10.1177/019027250807100204
42. Palidofsky M., Stolbach B.C. Dramatic Healing: The Evolution of a Trauma-Informed Musical Theatre Program for Incarcerated Girls // Journal of Child & Adolescent Trauma. 2012. Vol. 5 (3). P. 239—256. doi:10.1080/19361521.2012.697102
43. Panainte M., Ene D.L. Sources of the Actors' Emotions Expressed on Stage // The Scientific Journal of Humanistic Studies. 2015. Vol. 7 (12). P. 84—88.
44. Pataki S.P., Mackenzie S.A. Modeling Social Activism and Teaching about Violence against Women through Theatre Education // Psychology of Women Quarterly. 2012. Vol. 36 (4). P. 500—503. doi:10.1177/0361684312462015
45. Pomerantz A.M. Who Plays the Client? Collaborating with Theater Departments to Enhance Clinical Psychology Role-Play Training Exercises // Wiley Periodical Clinical Psychology. 2003. Vol. 59 (3). P. 363—368. doi:10.1002/jclp.10079
46. Shepherd L. Communication through comedy: a drama and theatre project with young people for whom English is a second language // Support for Learning. 2014. Vol. 29 (2). P. 167—176. doi:10.1111/1467-9604.12055

47. Sobkin V.S., Lykova T.A. Sociometric status of Theatre College students and its relation to their personal characteristics and educational activities // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8 (4). P. 155—166. doi:10.11621/pir.2015.0413
48. Sobkin V.S., Lykova T.A. Kolomiets Y.O. Dynamics of drama students' personality features at theatre college // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 233. P. 42—45. doi:10.1016/j.sbspro.2016.10.125
49. Turri M. A psychoanalytic perspective on theories of spectator-character and actor-character identification in the theatre: Ph. D. (Drama) thesis. Exeter, 2015. 272 p.
50. Tatar A., Sahinturk H., Saltukoglu G., Telvi S. Examination of Personality Characteristics of Theater Actors in the Framework of the Five Factor Model and Construction of their Personality // Turk psikoloji dergisi. 2013. Vol. 28 (72). P. 1—20.

PERSONAL CHARACTERISTICS AND REACTIONS TO FRUSTRATION (BASED ON THE RESULTS OF THE STUDY OF STUDENT-ACTORS)

V.S. SOBKIN*,

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

T.A. LYKOVA**,

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education,
Russian University of friendship of peoples, Moscow, Russia,
feo.tatiana@gmail.com

The paper presents the results of a study of relationships between personality features and reactions to frustration among the student-actors. We tested the hypothesis about the correlation between behaviors in situations of frustration and such personal characteristics as empathy, trust, and reflexivity in relation to social behavior. Sample: 142 first-year students of a Moscow theatre college. Methods: R. Cattell's 16 PF Questionnaire and

For citation:

Sobkin V.S., Lykova T.A. Personal Characteristics and Reactions to Frustration (Based on the Results of the Study of Student-Actors). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 5—28. doi: 10.17759/cpp.2018260102. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Sobkin Vladimir Samuilovich, Doctor in Psychology, Professor, Head of the center for the sociology of education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, e-mail: sobkin@mail.ru

** Lykova Tatiana Anatolevna, Ph.D. in Psychology, leading researcher, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education; senior lecturer at Institute of foreign languages, Moscow, Russia, e-mail: feo.tatiana@gmail.com

S. Rosenzweig's frustration picture test. Results: it is shown that projective emotional sensitivity is associated with two types of reactions — self-defense through aggression and self-defense through the acceptance of guilt. Conclusions: we revealed the important role of reactions aimed at resolving the frustrating situation through appealing to the interaction partner; this mode of behavior in a conflict situation is associated with a set of personal characteristics corresponding to the Groundedness factor in Cattell's test, which implies attention to the specific circumstances of the action.

Keywords: acting talent, frustration, personal features, psychology of the actor, Cattell 16PF Questionnaire, Rosenzweig frustration test.

Acknowledgements

This work was supported by Russian Foundation for basic research, grant №18-013-00805 A «Features of personal change and professional socialization in the development of the acting profession».

The authors express their gratitude to the people's artist of USSR O.P. Tabakov for supporting this research project.

REFERENCES

1. Benesh N.L. *Psikhologicheskie mekhanizmy empatii v akterskoi psikhotehnike*: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. [Psychological mechanisms of empathy in the actor's psychotechnics: Ph. D. (Psychology) thesis]. Khabarovsk, 2007. 25 p.
2. Berne E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games people play. What do you say after you say hello]. Moscow: EKSMO, 2016. 576 p. (In Russ.).
3. Galkina Yu.I. *Psikhologicheskie determinanty lichnostno-professional'nogo stanovleniya budushchikh akterov*: diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological determinants of personal and professional formation of future actors: Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2011. 235 p.
4. Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [Presentation of self in daily life]. Moscow: Kanon-press-Ts, 2000. 305 p. (In Russ.).
5. Groisman A.L. *Psikhologiya uspekhov professional'nogo obucheniya i tvorcheskoi deyatel'nosti aktera* [Psychology of success of professional training and creative activity of the actor]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2007. 160 p.
6. Danilova E.E. *Metodika izucheniya frustratsionnykh reaktzii u detei* [Technique of studying frustration reactions in children]. *Inostrannaya psikhologiya* [The Foreign Psychology], 1996, no. 6, pp. 69—81.
7. Ershov P.M. *Rezhissura kak prakticheskaya psikhologiya* [Directing as a practical psychology]. Moscow: Mir iskusstva, 2010. 408 p.
8. Zakhava B.E. *Masterstvo aktera i rezhissera: Uchebnoe posobie. 5-e izd.* [The skill of the actor and director: a training manual. 5th edition]. Moscow: RATI — GITIS, 2008. 432 p.
9. Kapustina A.N. *Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella* [Multifactor personal technique R. Cattell]. Saint Petersburg: Rech', 2001. 85 p.
10. Knebel' M.O. *Poeziya pedagogiki. O deistvennom analize p'esy i roli* [Poetry of pedagogy. On effective analysis of the play and the role]. Moscow: GITIS, 2005. 115 p.

11. Lykova T.A. Vzaimosvyaz' sotsiometricheskogo statusa i pedagogicheskoi otsenki u studentov teatral'nogo kolledzha [The relationship of sociometric status and educational evaluation of students of the Theatre College]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2017, no. 1, pp. 119—123.
12. Lykova T.A. Dinamika sotsial'no-psikhologicheskikh osobennosti studentov v protsesse osvoeniya akterskoi professii: diss. ... kand. psikhol. nauk. [Dynamics of socio-psychological characteristics of students in the development of the acting profession. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2017. 198 p.
13. Madonova E.N. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti teatral'nykh konfliktov i ikh profilaktika: diss. ... kand. psikhol. nauk [Socio-psychological features of the theatre of conflicts and their prevention. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2008. 172 p.
14. Malevskii E.V. Psikhologicheskie kharakteristiki lichnosti v obuchenii aktera verbal'nomu rolevomu povedeniyu: diss. ... kand. psikhol. nauk [Psychological characteristics of personality in the training of the actor the role of verbal behavior. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 1998. 115 p.
15. Meierkol'd V.E. Stat'i, pis'ma, rech'i, besedy. V 2 ch. Ch. 2. (1917—1939) [Articles, letters, speeches, interviews. 2 parts. Part 2. (1917—1939)]. Moscow: Iskusstvo, 1968. 643 p.
16. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]. Moscow: AST, Khranitel', 2006. 880 p. (In Russ.).
17. Parsons T. Oчерk sotsial'noi sistemy [An essay of the social system]. In V.F. Chesnokova, S.A. Belanovskii (eds.). *O sotsial'nykh sistemakh* [On social systems]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2002, pp. 543—686.
18. Rozhdestvenskaya N.V. Diagnostika akterskikh sposobnostei [Diagnosis of acting ability]. Saint Petersburg: Rech', 2005. 192 p.
19. Roslyakov A.F. Motivatsionnye osobennosti lichnosti i professional'noi deyatel'nosti studenta-aktera: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Motivational personality characteristics and professional activities of the student-actor. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1992. 16 p.
20. Savost'yanov A.I. Obshchaya i teatral'naya psikhologiya [General and theater psychology]. Saint Petersburg: KARO, 2007. 256 p.
21. Stanislavskii K.S. Rabota aktera nad soboi v tvorcheskom protsesse perezhivaniya. Dnevnik uchenika [Actor's work on himself in the creative process of experiencing. Diary of a student]. Moscow: Praim-Evroznak, 2010. 416 p.
22. Sobkin V.S. Opyt issledovaniya lichnostnykh kharakteristik studentov-akterov [The experience of studying the personal characteristics of the students actors]. In A.L. Groisman (ed). *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty obucheniya studentov tvorcheskikh vuzov* [Psychological-pedagogical aspects of training of students of creative high schools]. Moscow: GITIS Publ., 1984, pp. 22—37.
23. Sobkin V.S., Lykova T.A. Vzaimosvyaz' sposobov povedeniya v situatsiyakh frustratsii i lichnostnykh osobennosti (na materiale obsledovaniya studentov teatral'nogo kolledzha) [Relationship between behaviors in situations of frustration and personal characteristics (based on the examination of the students of the theatre College)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2014. Vol. 5 (4), pp. 62—74.

24. Sobkin V.S., Lykova T.A. Vzaimosvyaz' emotsional'nogo intellekta i lichnostnykh osobennostei (po materialam obsledovaniya studentov teatral'nogo kolledzha) [The relationship of emotional intelligence and personality characteristics (according to the survey of students of the theatre College)]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 2015. Vol. 18 (2), pp. 56—65. doi:10.11621/npj.2015.0206
25. Sobkin V.S., Lykova T.A. Lichnostnye osobennosti pri professional'nom otbore studentov-akterov: gendernyi aspekt [Personality traits in professional selection of students-actors: gender aspect]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 2014. Vol. 15 (3), pp. 74—83. doi:10.11621/npj.2014.0309
26. Sobkin V.S., Lykova T.A. Osobennosti lichnostnykh izmenenii studentov na etape pervogo goda obucheniya v teatral'nom kolledzhe [Particularities of personality changes in students during the first year of study in theatrical College]. *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta: Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Journal of Siberian Federal University: Series "Humanities"], 2014, no. 7 (12), pp. 2099—2109.
27. Sobkin V.S., Lykova T.A. Psikhotehniki razvitiya odarennosti v teatral'noi pedagogike [Elektronnyi resurs] [Psychological techniques aimed to development of creativity in theatrical pedagogics]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2015. Vol. 8 (40), p. 7. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed: 30.01.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
28. Sobkin V.S., Feofanova T.A. Lichnostnye osobennosti studentov-akterov raznykh pokolenii: invariantnost' i izmenchivost' [Personality characteristics of the students actors of different generations: invariance and variability]. *Voprosy Psikhologii*, 2012, no. 4, pp. 32—47.
29. Tarabrina N.V. Metodika izucheniya frustratsionnykh reaktsii (picture frustration S. Rosenzweig) [The technique of studying frustration reactions (S. Rosenzweig picture frustration test)]. *Inostrannaya psikhologiya* [Foreign psychology], 1994. Vol. 2 (2), pp. 68—77.
30. Tovstonogov G.A. O professii rezhissera [About the profession of director]. Moscow: VTO, 1967. 355 p.
31. Fishman-Borisov M.B. Stanovlenie Ya-kontseptsii v sisteme professional'nogo masterstva budushchego aktera: diss. ... kand. psikhol. nauk [Formation of self-concept in the system of professional skills of future actor. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2005. 217 p.
32. Shibutani T. Sotsial'naya psikhologiya [Society and Personality]. Rostov-on-Don: Feniks, 1999. 546 p. (In Russ.).
33. Efros A.V. Professiya: rezhisser [Profession: Director]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 367 p.
34. Yasyukova L.A. Frustratsionnyi test S. Rozentsveiga: metod. Rukovodstvo [S. Rosenzweig's frustration test: a methodological guide]. Saint Petersburg: IMATON, 2007. 128 p.
35. Anghel I.O. Valorizations of theoretical models of giftedness and talent in defining of artistic talent. *Review of Artistic Education*, 2016. Vol. 12(2), pp. 231—239. doi:10.1515/rae-2016-0028
36. Cattell R.B., Eber H.W., Tatsuoka M.M. Handbook for the Sixteen Personality Factor Questionnaire (16 PF). Champaign IL: Institute for Personality and Ability Testing, 1970. 388 p.

37. Corbett B.A., Gunther J.R., Comins D., Price J., Ryan N., Simon D., Schupp C.W., Rios T. Brief report: theatre as therapy for children with autism spectrum disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2011. Vol. 41 (4), pp. 505—511. doi:10.1007/s10803-010-1064-1
38. Dufner M., Egloff B., Hausmann C.M., Wendland L.-M., Neyer F.J., Back M.D. Narcissistic Tendencies Among Actors: Craving for Admiration, But Not at the Cost of Others. *Social Psychological And Personality Science*, 2015. Vol. 6 (4), pp. 447—454. doi:10.1177/1948550614564224
39. Goldstein T.R., Winner E. Living in Alternative and Inner Worlds: Early Signs of Acting Talent. *Creativity Research Journal*, 2009. Vol. 21 (1), pp. 117—124. doi:10.1080/10400410802633749
40. Harlap Y. Preparing university educators for hot moments: theater for educational development about difference, power, and privilege. *Teaching in Higher Education*, 2014. Vol. 19 (3), pp. 217—228. doi:10.1080/13562517.2013.860098
41. Hayes P., Cantillon P., Hafler M. Discovering Emotional Honesty through Devised Theatre. *The Clinical Teacher*, 2014. Vol. 11 (2), pp. 84—87. doi:10.1111/tct.12116
42. Orzechowicz D. Privileged Emotion Managers: The Case of Actors. *Social Psychology Quarterly*, 2008. Vol. 71 (2), pp. 143—156. doi:10.1177/019027250807100204
43. Palidofsky M., Stolbach B.C. Dramatic Healing: The Evolution of a Trauma-Informed Musical Theatre Program for Incarcerated Girls. *Journal of Child & Adolescent Trauma*, 2012. Vol. 5 (3), pp. 239—256. doi:10.1080/19361521.2012.697102
44. Panainte M., Ene D.L. Sources of the Actors' Emotions Expressed on Stage. *The Scientific Journal of Humanistic Studies*, 2015. Vol. 7 (12), pp. 84—88.
45. Pataki S.P., Mackenzie S.A. Modeling Social Activism and Teaching about Violence against Women through Theatre Education. *Psychology of Women Quarterly*, 2012. Vol. 36 (4), pp. 500—503. doi:10.1177/0361684312462015
46. Pomerantz A.M. Who Plays the Client? Collaborating with Theater Departments to Enhance Clinical Psychology Role-Play Training Exercises. *Wiley Periodical Clinical Psychology*, 2003. Vol. 59 (3), pp. 363—368. doi:10.1002/jclp.10079
47. Shepherd L. Communication through comedy: a drama and theatre project with young people for whom English is a second language. *Support for Learning*, 2014. Vol. 29 (2), pp. 167—176. doi:10.1111/1467-9604.12055
48. Sobkin V.S., Lykova T.A. Sociometric status of Theatre College students and its relation to their personal characteristics and educational activities. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2015. Vol. 8 (4), pp. 155—166. doi:10.11621/pir.2015.0413
49. Sobkin V.S., Lykova T.A., Kolomiets Y.O. Dynamics of drama students' personality features at theatre college. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2016. Vol. 233, pp. 42—45. doi:10.1016/j.sbspro.2016.10.125
50. Turri M. A psychoanalytic perspective on theories of spectator-character and actor-character identification in the theatre: Ph. D. (Drama) thesis. Exeter, 2015. 272 p.
51. Tatar A., Sahinturk H., Saltukoglu G., Telvi S. Examination of Personality Characteristics of Theater Actors in the Framework of the Five Factor Model and Construction of their Personality. *Turk psikoloji dergisi (Turkish Journal of Psychology)*, 2013. Vol. 28 (72), pp. 1—20.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТАРСИСА ТРАГИЧЕСКОГО

М.В. ЕРМОЛАЕВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
mar-erm@mail.ru

Д.В. ЛУБОВСКИЙ**,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
lubovsky@yandex.ru

В статье проанализировано явление катарсиса, возникающее при восприятии трагического в искусстве. Опираясь на эвдемонистическое понимание катарсиса и прослеживая культурно-исторические аспекты проблемы, авторы показывают, что катарсис как эстетическое и психологическое явление возник в Античности для облегчения принятия необходимости умирания Я для возрождения в новой жизни. На примере экспрессионистической живописи и ее ранних истоков (М. Грюневальд, Э. Мунк, П. Пикассо) подробно проанализирован катарсис, возникающий при восприятии трагических произведений живописи, показано его психотерапевтическое значение для зрителя (принятие неизбежного и поиск смысла, борьба с отчаянием, сопротивление хаосу, злу и разрушению). Авторы показывают, что трагическое в искусстве, в том числе в живописи, создает эстетическое пространство, проникающее в жизненное пространство субъекта художественного восприятия

Для цитаты:

Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. Психотерапевтическое значение катарсиса трагического // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 29—44. doi: 10.17759/cpp.2018260103

* *Ермолаева Марина Валерьевна*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, e-mail: mar-erm@mail.ru

** *Лубовский Дмитрий Владимирович*, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой школьной психологии факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, e-mail: lubovsky@yandex.ru

и создающее возможность расширения смыслового горизонта и духовного обновления.

Ключевые слова: катарсис, эвдемонистическая трактовка, трагическое в искусстве, экспрессионизм, вовлечение в художественное пространство, поиск смысла.

Катарсис является одной из самых древних категорий в эстетике и психологии. Природа катарсиса многозначна, его границы открыты для множественных толкований в контексте психологии, психотерапии и других гуманитарных наук. Многоаспектность сущности катарсиса ошеломляет желающего постичь смысл этого феномена, что приводит к некоторой девальвации его значения, и все же попытки открытия природы катарсиса будут бесконечно продолжаться.

Целью данного исследования является анализ эстетического катарсиса и его ценностного значения для развития личности субъекта художественного восприятия. Предметом анализа выступает катарсис трагического. За пределами исследования остается катарсис смешного, катарсис обыденного, столь часто обсуждаемые в литературоведении [2; 20]. Принципиальная новизна данного подхода обусловлена тем, что психологическое содержание и значение катарсиса трагического раскрывается в ходе анализа шедевров живописи, изображающих крик ужаса («Изенгеймский алтарь» Матиаса Грюневальда, «Крик» Эдварда Мунка и «Герника» Пабло Пикассо), в то время как подавляющее большинство исследований катарсиса выполнены на материале литературных и драматургических произведений. Возможность и необходимость переноса этого понятия в область живописи диктуется анализом трудов Л.С. Выготского, который впервые выдвинул гипотезу о применимости понятия катарсиса к разным видам искусства и считал, что именно этот термин выражает центральное для эстетической реакции событие [6]. Человек в соответствии с масштабом своей личности при встрече с духовно близким ему произведением искусства переживает катарсис в какой-то особой ипостаси (его эмоциональный рисунок и личностный смысл всякий раз уникальны), поскольку этот феномен предстает как вечно обновляющийся в своей многозначности и неопределенности.

Явление катарсиса, по утверждению А.Ф. Loseва, восходит к древнегреческим дионисийским мистериальным практикам, которые позволяли людям принять неизбежность смерти, облегчить ужас принятия ее неотвратимости. Однако психологи, и прежде всего Л.С. Выготский, трактуют более позднее, аристотелевское, понятие

катарсиса. По Аристотелю, трагедия при помощи сострадания и страха производит очищение души [1]. В дальнейшем множественность толкований понятия катарсиса оказалась, по сути, связанной с неопределенностью понятия «очищение» у Аристотеля. При этом для описания сущности катарсиса использовались разные категории: очищение, преодоление трагизма, выход, прорыв, просвет, изживание трагизма, облегчение, освобождение, гармонизация, преобразование, просветление [2; 4; 13; 14; 16; 18; 20]. Все авторы трактуют аристотелево «очищение» в очень широком диапазоне. В этом многообразии трактовок катарсиса условно выделим гедонистическое и эвдемонистическое понимания этого феномена.

Гедонистическое объяснение трактует катарсис как очищение души от страстей и сопряженных с ними страданий, как достижение нравственного равновесия и покоя, освобождение от страха и сострадания. Эвдемонистическая трактовка катарсиса как самосовершенствования, «движения души вверх» идет в русле эвдемонистического понимания счастья как раскрытия себя и реализации своего потенциала (Сократ, Аристотель). В этом понимании акцент сделан на активизации нравственного чувства зрителя или читателя, пробуждение в нем духовной активности: устремленности к свободе, мучительно-освобождения от хаотического, деструктивного, фанатического, агрессивного, от абстрактного долженствования и неотъемлемой от него безответственности [4; 7; 14; 20]. Очевидно, в этой трактовке феномен катарсиса выступает как противоположность достижению равновесия: катарсис трагического предстает как тяжелое переживание, сопряженное с внутренними усилиями, во имя достижения высокой и важной нравственной цели.

Труды Вяч. Иванова и А.Ф. Лосева показали, что в катарсисе присутствует трансцендирование, момент выхода за пределы себя, слияния с другим, с Абсолютом [13; 16]. Тогда катарсис — это не очищение души от аффектов, а нахождение себя подлинного, усложнение собственного внутреннего мира, второе рождение. При этом катарсис не только дает новый опыт, но и переживается как кульминация в солидарном сопереживании чувствам других, сопряженном с чувством личной ответственности за них. Как нам видится, психологическая сущность эвдемонистического понимания катарсиса трагического состоит в принятии и переживании личной ответственности, ведущей к сознательному строительству самого себя. Катарсис побуждает поступок как внутреннее действие духовного перерождения и создает для него пространство. Речь идет именно о поступке, обладающем свойством аксиологичности (ориентированности на ценности), ответственности, единственности и событийности, о поступке,

который, по мнению В.П. Зинченко, поднимает человека на новый уровень духовного развития и является средством саморазвития личности [11].

К эвдемонистическому пониманию сущности эстетического катарсиса тяготеют его психологические трактовки. Учение Л.С. Выготского о катарсисе масштабнее, чем открытие им механизма «короткого замыкания» разнонаправленных эмоций, порожденных противоречием формы и содержания. В понимании Л.С. Выготского катарсис формирует чувство ответственности за счет того, что обобщенный опыт присваивается и переживается как интимно-личностный, а непосредственная эмоциональная реакция опосредуется культурно-историческим опытом, содержащимся в произведениях искусства [21]. Иначе говоря, искусство предоставляет средства и пространство для эмоциональных переживаний через соотнесение их содержания с общечеловеческими смыслами [8; 10; 21].

Важное аксиологическое значение эстетического катарсиса отмечал В.П. Зинченко [12]. Он писал, что, по Аристотелю, катарсис совершается не только посредством сострадания и страха, но также и энтузиазма, который человек испытывает под воздействием произведения искусства. В результате происходит упорядочение опыта, организация переживаний, что оказывает сильное влияние на всю смысловую сферу человека. В понимании катарсиса М.М. Бахтиным В.П. Зинченко отмечает возникновение чувства собственной порождающей активности, чувства движения и занимания позиции. Рассматривая труды Г.Г. Шпета, он акцентирует видение катарсиса как возведение в идею нравственного содержания поступка путем разрешения конфликта свободы и необходимости, высшей правды и узаконенной лжи. В результате анализа этих позиций В.П. Зинченко делает вывод о том, что катарсис — это работа человека не столько над произведением искусства, сколько над самим собой [12].

Анализ аксиологической сущности катарсического переживания предполагает изучение и его механизма, что имеет особое значение для психотерапевтической практики. Глубокое понимание психологического механизма переживания (а именно, переживания ситуации невозможности) представлено в трудах Ф.Е. Василюка [3]. Он писал, что ситуация невозможности (безысходности), в которой человек обращается к молитве как своему последнему прибежищу, выступает как ситуация кризиса, требующая от человека изменения не обстоятельств, а себя и своей жизни, а иногда и своей личности. Совладающее переживание — это особая деятельность души в точках «экзистенциальных экстремумов». В отличие от него, эстетический катарсис является событием «добровольным»: далеко не каждый человек способен к переживанию

экзистенциальной бури при встрече с трагическим в искусстве и литературе. И хотя эстетический катарсис определяется в очень широком диапазоне личностных проявлений, он, безусловно, субъективно интерпретируется как духовный труд, а не приятный отдых. Как и переживание безысходности в жизни, катарсическое переживание связано не с движением вовне (к действию), а с углублением в себя (к поиску смысла и веры в себя). Многие ценностные искания личности инициированы поиском веры в себя и опоры на себя, поскольку их утрата лежит в основе переживания любой безнадежности в кризисе [3]. Ощущение веры в себя дается только ответственной готовностью к испытанию себя для развития, расширения масштаба собственной личности. Для этого движения необходимо вместительное духовное пространство, обретению которого способствует катарсис.

Таким образом, психологическая природа эстетического катарсиса связана с возможностью выхода за пределы себя на уровень общечеловеческих ценностей и смыслов. Однако требуется понимание того, для чего именно эта сложная, а порой и мучительная трансценденция нужна в нашей повседневной жизни, а не только в минуты экзистенциальной невозможности или экзистенциального вакуума. Этот вопрос сродни вопросу о том, зачем людям нужно искусство. Ю.М. Лотман писал о том, что искусство — не жизнь, а модель жизни, поэтому преступление в искусстве — это исследование преступления. Он подчеркивал, что пространство искусства (семиотическое пространство) дает нам выбор там, где жизнь выбора не дает. По Ю.М. Лотману, в определенные моменты предсказуемость в мире и в жизни человека сменяется взрывами, результатом которых непредсказуем. В эти моменты человек сталкивается с проблемой свободы и ответственности выбора, и этим определяется высочайшая нравственная сила искусства [17].

Эта глубокая и неожиданная мысль Ю.М. Лотмана может получить психотерапевтическую интерпретацию. Переживая катарсис трагического, человек открывает для себя общечеловеческую природу ужасных событий, которые, следовательно, могут возникнуть не только там-и-тогда, но и здесь-и-сейчас. У человека при этом появляется возможность не только пережить, если понадобится, этот ужас, но и создать в экзистенциальном подъеме новые формы своего личностного существования. Эти духовные творения в трудные минуты реальных жизненных обстоятельств помогают рефлексивно и ответственно отнестись к своей жизни и обеспечивают готовность круто изменить свою судьбу, если это необходимо.

Однако переживания катарсиса нужны еще и для того, чтобы рассматривать жизненные явления в глубину, в их действительной сложности. Если человек хочет видеть в явлениях жизни лишь простую

причинно-следственную связь и ориентируется на причинное объяснение событий, то он не обнаружит склонности переживать катарсис, а ужасное в жизни и в искусстве вызовет в нем лишь брезгливое отторжение. С катарсисом ужасного (именно ужасного, а не трагического) мы встречаемся в творчестве Ф. Кафки. По мнению В.К. Кантора, в его произведениях нет трагедийного, поскольку нет ни героя, ни героического. Ссылаясь на Гегеля, В.К. Кантор утверждает, что трагический герой связан как с Божественным началом, так и с одной из сторон устойчивого жизненного содержания. А у Ф. Кафки это устойчивое жизненное содержание отсутствует, и человек вообще не находит себе места в этом мире. Но даже в условиях, когда нет ни свободы, ни примирения, ни хоть какой-либо почвы под ногами, катарсис возможен как попытка превратить наличные условия в ситуацию, поддающуюся осмысленной оценке [14]. Психотерапевтическим ядром катарсиса ужасного становится решимость его осмыслить, заглянуть в его глубины. Очевидно, что это возможно лишь с безопасного расстояния анализа «чужой», созданной эстетическими средствами, ситуации, ставшей на время своей. Осознание же своей собственной, реальной трагической ситуации, как правило, начинается с причинной интерпретации («Почему?», «За что это мне?»), и поэтому в полном объеме в обычных условиях оно невозможно. Катарсическое переживание трагического включает событие в сложный контекст, порождающий множественность смысловых интерпретаций, и побуждает телеологическую ценностную проработку («Во имя чего мне это?»), необходимость в которой человек в повседневной жизни не ощущает.

Еще Аристотель рассматривал катарсис как эмоциональное состояние, возникающее у зрителя античных трагедий вследствие сопереживания главному герою, судьба которого обычно заканчивалась смертью. Таким образом, катарсис возникал благодаря обращению к судьбам и действиям исключительных личностей в моменты «выхода жизни из колеи». В этих особых обстоятельствах катарсис ориентировал зрителя на внехудожественные ценности (веру в гармонию и смысл человеческой жизни) и в этой своей функции входил в жизнь свободного гражданина древнегреческого полиса как неотъемлемый аспект. Неслучайно многие последующие исследователи эстетического катарсиса анализировали его механизм на материале трагедий Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». Анализируя содержание этих драм и переживаемых зрителем чувств, П. Волкова описывает механизм изначального катарсиса как осознания себя. По ее мнению, для греков в Античности переживание катарсиса в ходе трагедии означало размышление о себе, о своей природе и судьбе: «Античная трагедия предпо-

лагает катарсис — изменение себя от осознания себя» [5, с. 142]. Она рассматривает самоослепление Эдипа (открывшего страшную истину: он сам является причиной всех бед) как акт самооткрытия, когда происходит «отверзание очей души и совести». Этим поступком он восстанавливает справедливость и нравственную гармонию: «Мужество Эдипа, мужская ответственность делают его свободным человеком» [5, с. 144]. Уместно вспомнить, что в психологии совершение поступка сопряжено с рождением и развитием личности, а свобода онтологически связана с ответственностью. Обрекший себя на добровольное изгнание и умирающий в Колоне, Эдип преодолевает то расстояние, которое приобщает его к бессмертию героя: борьба за человеческое в себе, ответственное отношение к поиску истины, результатом которого становится открытие себя как источника бед, вознаграждается свободой и бессмертием [5].

Механизм катарсиса выступает как принятие противоречивого бытия с последующей необходимостью делать ответственный аксиологический выбор, требующий рефлексии. Трагедия подводит зрителя к готовности претерпеть собственные личностные метаморфозы вслед за главным героем, с которым он идентифицирует себя. Метаморфозы тяжелы, в повседневной жизни человек стремится их избегать, считая за благо адаптироваться к стремительно меняющейся реальности. Трагедия демонстрирует необходимость метаморфоз, поскольку с ними связана сама природа этого жанра. Еще Аристотель отмечал в ней сцепление поразительных событий, перипетии или переломы действия, когда поведение человека приводит к результату, обратному тому, на который он рассчитывал [1]. Драма в искусстве и в жизни требует метаморфозы личности героя и зрителя, но это внушает страх. Происхождение драмы из дионисийских мистерий открывает смысл этой эмоции: страстное переживание смерти Диониса, сопровождающееся пафосом (душевым возбуждением), перекликалось у античных зрителей со страхом собственной смерти и впоследствии распространилось на отношение к метаморфозам собственной сущности, поскольку для того, чтобы возродиться для новой жизни, нужно осмелиться умереть для жизни прежней. Эстетический катарсис более позднего времени был призван обеспечить выход за пределы себя и нахождение себя обновленным. Так переживание поступательной трансформации собственной сущности становилось одним из механизмов преодоления страха смерти.

В психоанализе механизм катарсиса также изучался в контексте древнегреческой драматургии и, прежде всего, драм Софокла. По мнению Э. Эдингера, драмы Софокла представляют собой последовательность четырех стадий древнегреческой трагедии: агон (борьба; герой,

отождествляемый с Дионисом, вступает в конфликт со злом), пафос (герой терпит поражение и страдает), тренос (погребальная церемония, на которой происходит оплакивание пораженного героя) и теофания (Богоявление, возрождение к жизни на другом уровне, сопровождающиеся сменой эмоциональной окраски с горя на радость) [22].

В последовательности этих стадий Э. Эдингер видел закономерность развития Эго, которое составляет суть любой драмы, от трагедий Эсхила и Софокла до драм Шекспира и Шиллера. С точки зрения психологии это можно рассматривать и как модель развития личности в зрелости, когда человек благодаря самосознанию, воле и рефлексии обретает способность к ответственному выбору судьбы. Действительно, пока сражение завершается победой, процесс не будет развиваться дальше: победитель уйдет с арены, не подозревая, что упустил базовое переживание. Но успех не может длиться вечно, рано или поздно наступит поражение, герой должен пережить тщетность, ненужность, ничтожество со всей полнотой. Здесь страдания героя достигают предела, за которым ему открывается истина, а вместе с ней путь к спасению и обновлению. Э. Эдингер отмечал, что эти четыре фазы достаточно точно передают происходящее при каждом значимом увеличении осознанности и каждый раз страдания должны предшествовать явлению Самости [22].

Изучение природы и механизма катарсиса позволяет предположить, что искусство (в данном случае драма) способно создать особую реальность нашей духовной жизни, открывающую возможность катарсически, то есть страстно, откровенно и бесстрашно выйти за пределы себя в безраздельное слияние с Истиной и обнаружение Себя Другого. Таким выходом становится фаза треноса (оплакивания), представленная в греческой трагедии хором. Хор переживал происходящее и своим отношением изменял понимание сущности драматического повествования [2]. Тем самым хор, вооружившись всей действенной силой музыки, по мнению Ф. Ницше, содействовал зрителю в переживании смысла трагедии, в принятии его как события собственной жизни, в результате чего чувства зрителя получали широкий социальный контекст [18].

Проведенный анализ сущности катарсиса позволяет нам совершить попытку рефлексии тех сложных чувств, которые вызывают в нас живописные полотна, изображающие страх безысходности и отчаяния. Наиболее раннее из них, «Распятие Христа» — центр первой развертки Изенгеймского алтаря, созданного для ордена антонитов немецким художником начала XVI века Матиасом Грюневальдом. Изображение сцены распятия было распространенным сюжетом средневековой религиозной живописи, однако работа М. Грюневальда выделяется не только

невиданным прежде размером: никогда прежде события на Голгофе не изображались с такой ужасающей болью. Поражают краски, композиция, все живописное решение: фигуры участников сцены проступают на фоне крошечного мрака, сочетание разных цветов передает неимоверный ужас происходящего. Это леденящее эмоциональное переживание подчеркивается несоразмерностью персонажей, несбалансированностью композиции, позволяющей угадывать в творении Грюневальда истоки экспрессионизма. Самое душераздирающее впечатление производят детали картины: голова Христа на грубом выгнутом кресте увенчана несоразмерно большим терновым венцом, залита кровью и покрыта ранами, необычайно большой гвоздь, которым прибиты израненные ноги Христа, разрывает ему ступни.

Первое, что приходит в голову, — картина символизирует безмолвный крик зрителя. Как пишет М.К. Кантор, Изенгеймский алтарь принял образ Сына Божьего, чудовищный в своем безнадежном мучении. Истерзанное побоями, искаженное судорогами тело не предвещает никакого Воскресения, мы должны осознать убийство, к которому так или иначе причастны все [15]. Изенгеймский алтарь был задуман как послание больным антоновым огнем, которые, поступив в Изенгеймский госпиталь, представляли перед величественным алтарем и проходили процедуру принятия в орден антонитов. Эти страждущие перед лицом неминуемой смерти постоянно задавались вопросом о том, за что именно им ниспослана неизлечимая болезнь.

Они видели, что все персонажи картины охвачены ужасом, только спокойная фигура Иоанна Крестителя указующим перстом направляет внимание и мысли зрителя, акцентируя момент морального выбора между уходом в собственное страдание, которое кажется незаслуженным, и открытием своей темной души для потрясения созерцанием ужасающих страданий Христа, принятых им добровольно во имя спасения всех людей. Здесь у больных, которые приходили к алтарю для исповеди, сквозь страдания и потрясение мощью изображенного на картине события могла возникнуть надежда на новую жизнь, на утешение и примирение с Богом, когда вопрос «Почему мне это послано?» сменяется вопросом «Во имя чего мне это послано?». Крик зрителя вторит беззвучному крику Богородицы — ее фигура запрокинута в позе отчаяния, но руки сомкнуты в характерном жесте, изображающем принятие, смирение. По словам М.К. Кантора, человека от ужаса мира обещал спасти Бог, но если нет примирения с Богом, то и катарсис невозможен [15]. Безмолвный крик, который вырывается у персонажей картины, у зрителя — это внутреннее моральное действие, поступок, принятие Благой вести, которая открывает пространство свободы в моменты тотального принуждения и ужаса.

Если М. Грюневальда считают провозвестником экспрессионизма, то его отцом, по распространенному мнению, является норвежский художник Эдвард Мунк. Его картину «Крик» исследователи трактуют как воплощение страха перед одиночеством, безысходностью, смертью. Об этом писал сам художник: «Я шел по дороге с двумя приятелями, вдруг солнце зашло и все небо стало кровавым, при этом я будто почувствовал дыхание тоски. Я задержался, оперся на балюстраду моста, смертельно усталый. Над черно-голубым фьордом и городом висели клубы кровавого пара. Мои приятели пошли дальше, а я остался с открытой раной в груди. Громкий и бесконечный крик пронзил окружающую природу» [19, с. 92]. Невозможно более точно изобразить словами ощущение страха и тоски, которые возникают при взгляде на картину. Крик постепенно вызревает внутри полотна, он подготовлен сполохами заката. Постепенно, из сопоставлений мягких цветов и резких теней возникает, расширяется и усиливается крик одиночества, рвущийся из страдающей и израненной души. Широко открытый рот делает крик пронзительным и реально ощутимым. Поднятые руки, закрывающие уши, говорят о желании человека убежать от себя самого. Мунк неожиданно переводит повествование о тихой гармонии северной природы в трагедию отчаявшегося в своем одиночестве человека. Если рассматривать впечатление от этой картины как катарсис, то мы находим здесь борьбу (заклятие одиночества криком) и поражение, но нет оплакивания, поскольку странная фигура, выпуская страх криком, закрывается жестом от отклика на свой призыв, и невидящие глаза не ищут проблеска надежды. Биография художника показывает, что Э. Мунк долгие годы пребывал в переживании отчаяния и безнадежности, в ужасе предчувствия смерти, но прятал их за холодным внешним спокойствием [19].

Для экспрессионизма в целом характерно, что сильное, яростное чувство выплеснуто на полотно, но дальнейшего преобразования за этим не следует. Вырвавшееся чувство присваивается зрителем и вызывает у него ужас, а ужасу присуще оцепенение, которое охватывает зрителя, парализуя его решимость на нравственное сражение во имя духовного преобразования [19]. Изображение отчаяния, загнанного в глубины души и не нашедшего выражения в крике, внушает еще более тяжелое переживание безнадежности и тоски. Достаточно вспомнить картину австрийского художника Эгона Шиле «Семья». На этой картине изображены фигуры молодых родителей и ребенка, как бы вписанные одна в другую и охватывающие защитным кольцом друг друга, ребенка, семью в целом. Художник начал писать картину, когда в 1918 году в Европе бушевала эпидемия испанского гриппа, унесшая жизни более 20 миллионов человек. В ходе работы над картиной Э. Шиле пере-

жил смерть жены и заболел сам, но не переставал вносить изменения в картину. В этом полотне пронзительные взгляды героев поражают покорной отрешенностью, принятием неизбежной смерти в самом расцвете молодости и счастья. Боль загнана в глубину души персонажей картины, их жесты единения противоречат одинокому отчаянию, затайшемуся в их взглядах. У зрителя эта покорность грядущей смерти вызывает горечь обреченности.

Живопись передает различные регистры реакции на переживание страха: в картине Мунка страх выплескивается на зрителя, не избавляя от него автора, в картине Шиле он загоняется вовнутрь, в глубины души для последующего там потенцирования, в картине Пабло Пикассо «Герника» он порождает яростный крик, который закликает ужас, превращение бытия в ничто. Огромное полотно содержит много форм, композиционное единство которых не поддается осмыслению. Что изображено на картине? Мы видим обрывки образов в сознании, взорванном известием об этом страшном событии. Эта буря в душе художника уже никогда не сменится гармонией, к «голубому» и «розовому» периодам его творчества нет возврата. Мир и творчество Пикассо изменились навсегда.

Изменился и творческий почерк автора. Художник писал не людей, а осколки антропоморфных фигур, кромсал линии, корежил пластику. Если античное искусство создало форму, красоту, гармонию, порядок и закономерность, то П. Пикассо в «Гернике» и других своих сюжетах отразил уничтожение европейской гармонии и трагический поворот самосознания художника к отказу от согласия с Миром и с самим собой. После разрушения Герники Мир уже никогда не будет прежним. По словам М.К. Кантора, Пикассо пожертвовал всем, чтобы смело смотреть в глаза жестокому двадцатому веку [15]. Реакция художника на трагедию — это не оцепенелый ужас, а яростное сопротивление. «Герника» — это борьба с равнодушием зрителя к чудовищной трагедии «века-волкодава», который пожирает людей. Образы картин Пикассо наделены искривленной пластикой, которая освобождает и обнажает эмпирику — так крику легче вырваться, глазу прозреть, чувству возникнуть. Н.А. Дмитриева писала, что возможной причиной искажения пластики в картинах Пикассо является стремление автора показать, как безумное время уродует людей, словно безумный хирург [7].

В трудах выдающегося отечественного искусствоведа Н.А. Дмитриевой показано, что присущее искусству XX века искажение античных канонов красоты, отказ от эстетических принципов Возрождения правомерно рассматривать как процесс поиска художником себя, своей внутренней сущности и пути ее развития. Искусство искало в целях самопознания пути выражения сложного внутреннего мира, где все неясно, обрывочно, незакончено и дисгармонично. В силу этого порядок

и гармония на живописных полотнах художников XX века исчезли, поскольку в индивидуальном сознании им не осталось места [7]. Но упорядоченность, гармония в искусстве непременно должны быть, поскольку суть и цель искусства — это победа над энтропией, и поведать о хаосе можно только поднимаясь над ним. Под воздействием порыва эстетического сознания должно возвыситься, обостриться индивидуальное самосознание зрителя. Обнаженная мысль и чувство должны идти от души к душе, от художника к зрителю, а картина — это мост между ними для действенной трансляции. Картины XX века свидетельствуют о неуверенности людей, об их страхах, о тревожных предчувствиях, но также и о беспощадном мужестве смотреть на себя и свою жизнь взором, открытым правде. Это искусство открыло в самосознании человека ящик Пандоры, но оставило в глубине его души надежду. Психотерапия и психология подсказывают, что надеяться можно только на себя, на свою готовность не застыть в духовном росте, растеряв себя в суете, и современная живопись в лучших своих образцах пробуждает процесс душевного подъема и готовность к личностному росту. Чтобы созидательная работа катарсиса была завершена, человек, возможно, нуждается в поддержке для завершения встречи с произведением искусства. Пути и средства такой поддержки уже обсуждались нами ранее [9].

Таким образом, искусство создает символическое (семиотическое, по Ю.М. Лотману) пространство, в котором частные обстоятельства амплифицируются, обретая общечеловеческий смысл и ценностное измерение. Зритель вовлекается в пространство художественного произведения. К механизмам вовлечения относятся идентификация и эмпатия, а также потребность в метафорическом (сказочном) мировосприятии. Искусство как бы формирует параллельную реальность, в которую зритель входит как гость и с неизбежностью ее покидает, печально сравнивая «тот чудный мир тревог и битв» с невзрачностью собственной повседневности. Однако в моменты экзистенциального подъема, которому способствует катарсис, заряженное чувством символическое пространство проникает в личное (духовное) пространство зрителя, способствуя расширению смыслового горизонта, движению по смысловой вертикали и создавая возможность духовного обновления [8; 10]. Тогда реальность нашей внутренней жизни переживается как обновленная — так искусство, порождая специфический тип мироощущения, захватывает наше духовное и формирует иное качество жизни и наше новое Я.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Поэтика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. / Под ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 645—681.

2. Бугарчева Е.А. Катарсис как категория и феномен современной жизни. Казань: КГТУ, 2011. 121 с.
3. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл, 2005. 191 с.
4. Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М.: Республика, 1998. 176 с.
5. Волкова П.Д. Мост через бездну. Кн. 1. М.: Зебра Е, 2013. 255 с.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 568 с.
7. Дмитриева Н.А. В поисках гармонии. Искусствоведческие статьи разных лет. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 520 с.
8. Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. О значении искусства в контексте развития взрослого человека // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 38—46.
9. Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. Понятие встречи в психотерапии и психологии развития // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3. С. 105—116. doi:10.17759/cpp.2015230308
10. Ермолаева М.В., Лубовский Д.В. Культурно-психологические модели переживания личностью встречи с произведением искусства // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 2. С. 159—174. doi:10.17759/cpp.2017250210
11. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
12. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 415 с.
13. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство: фрагменты книги // Эсхил. Трагедии / Под ред. Н.И. Балашова. М.: Наука, 1989. С. 351—452.
14. Кантор В.К. Ужас вместо трагедии (творчество Франца Кафки) // Катарсис. Метаморфозы трагического сознания / Под ред. В.П. Шестакова. СПб.: Алетейя, 2007. С. 135—153.
15. Кантор М.К. Чертополох. Философия живописи. М.: АСТ, 2016. 480 с.
16. Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. IV. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 672 с.
17. Лотман Ю.М. О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 432—438.
18. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки: пер. с нем. СПб.: Азбука-классика, 2005. 208 с.
19. Нэсс А. Эдвард Мунк. Биография художника: пер. с норв. М.: Весь Мир, 2007. 584 с.
20. Переялова М.О. Катарсическое начало в русской прозе конца XIX—XX веков: на материале произведений А.П. Чехова и Г. Газданова: дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2012. 195 с.
21. Улыбина Е.В. Функция искусства в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2006. № 2. С. 89—97.
22. Эдингер Э.Ф. Эго и архетип: Индивидуация и религиозная функция психического: пер. с англ. М.: Пента График, 2000. 264 с.

THE PSYCHOTHERAPEUTIC VALUE OF TRAGIC CATHARSIS

M.V. ERMOLAEVA*,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
Mar-erm@mail.ru

D.V. LUBOVSKY**,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
lubovsky@yandex.ru

The article analyzes the phenomenon of catharsis that occurs from the perception of the tragic in art. Based on the eudemonistic understanding of catharsis we trace the cultural and historical aspects of the problem and show that catharsis as an aesthetic and psychological phenomenon that emerged in antiquity in order to facilitate acceptance of the necessity of dying of Self for rebirth into a new life. Using the examples of expressionist paintings and their early origins (M. Grünewald, E. Munch, P. Picasso) we analyze catharsis that occurs in the process of the tragic artworks perception, showing its therapeutic value for the audience (accepting the inevitable and searching for meaning, struggling with despair, resisting chaos, evil, and destruction). We show that the tragic in art, including painting, creates an aesthetic space that penetrates the living space of the subject of artistic perception and creates the possibility of expanding the conceptual horizon and spiritual renewal.

Keywords: catharsis, eudemonistic interpretation of the tragic in art, expressionism, involvement in artistic space, search for meaning.

REFERENCES

1. Aristocles. Poetika [Poetics]. In A.I. Dovatur (ed.). *Aristotel'. Sochineniya: V 4 t. T. 4. [Aristotle. Collected Works: in 4 vol. Vol. 4.]*. Moscow: Mysl', 1983, pp. 645—681. (In Russ.).
2. Bugarcheva E.A. *Katarsis kak kategoriya i fenomen sovremennoi zhizni [Catharsis as a category and phenomenon of modern life]*. Kazan': KGTU, 2011. 121 p.

For citation:

Ermolaeva M.V., Lubovsky D.V. The Psychotherapeutic Value of Tragic Catharsis. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 29—44. doi: 10.17759/cpp.2018260103. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Ermolaeva Marina Valer'evna*, Dr. Sc. in Psychology, Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: mar-erm@mail.ru

** *Lubovsky Dmitry Vladimirovich*, Ph.D. in Psychology, Head of the School Psychology Department, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: lubovsky@yandex.ru

3. Vasilyuk F.E. Perezhivanie i molitva. Opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya [Lived experience and prayer. Experience of general psychological research]. Moscow: Smysl, 2005. 191 p.
4. Volkova E.V. Tragicheskii paradoks Varlama Shalamova [The tragic paradox of Varlam Shalamov]. Moscow: Respublika, 1998. 176 p.
5. Volkova P.D. Most cherez bezdnu: Kn. 1 [A bridge over the abyss. Book 1]. Moscow: Zebra E, 2013. 255 p.
6. Vygotsky L.S. Psikhologiya iskusstva [The psychology of art]. Moscow: Iskusstvo, 1968. 568 p.
7. Dmitrieva N.A. V poiskakh garmonii. Iskusstvedcheskie stat'i raznykh let [In the search of harmony. Art criticism articles of different years]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2009. 520 p.
8. Ermolaeva M.V., Lubovskii D.V. O znachenii iskusstva v kontekste razvitiya vzroslogo cheloveka [On the importance of art in the context of adult development]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2013, no. 3, pp. 38—46. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Ermolaeva M.V., Lubovskii D.V. Ponyatie vstrechi v psikhoterapii i psikhologii razvitiya [The concept of encounter in psychotherapy and developmental psychology] *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2015, no. 3, pp. 105—116. doi:10.17759/cpp.2015230308 (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Ermolaeva M.V., Lubovskii D.V. Kul'turno-psikhologicheskie modeli perezhivaniya lichnost'yu vstrechi s proizvedeniem iskusstva [Cultural and psychological models of personal experience of encounter with an artwork] *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2017. Vol 25 (2), pp. 159—174. doi:10.17759/cpp.2017250210 (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskii akt [Consciousness and the creative act]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p.
12. Zinchenko V.P., Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. Istoki kul'turno-istoricheskoi psikhologii: filosofsko-gumanitarnyi kontekst [Origins of cultural-historical psychology: philosophical and humanitarian context]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 415 p.
13. Ivanov Vyacheslav. Dionis i pradiionisiizstvo: fragmenty knigi [Dionysus and Pre-Dionysian. Parts of the book]. In N.I. Balashov (ed.). *Eschil. Tragedii* [Aeschylus. Tragedies]. Moscow: Nauka, 1989, pp. 351—452.
14. Kantor V.K. Uzhas vmesto tragedii (tvorchestvo Frantsa Kafki) [Terror instead of a tragedy (The works of Franz Kafka)] In Shestakov V.P. (ed.). *Katarsis. Metamorfozy tragicheskogo soznaniya* [Catharsis. Metamorphoses of tragic consciousness]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2007, pp. 135—153.
15. Kantor M.K. Chertopolokh. Filosofiya zhivopisi [Thistle. Philosophy of painting]. Moscow: AST, 2016. 480 p.
16. Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki v 8 tomakh. Tom IV. Aristotel' i pozdnyaya klassika [The history of ancient aesthetics in 8 volumes. Vol. 4. Aristotle and the late classics]. Moscow: Iskusstvo, 1975. 672 p.
17. Lotman Yu.M. O prirode iskusstva [On the origin of the art]. In Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu.M. Lotman and Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow: Gnozis, 1994, pp. 432—438.

18. Nietzsche F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The birth of tragedy from the spirit of music]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2005. 208 p. (In Russ.).
19. Ness A. Edvard Munk. Biografiya khudozhnika [Edvard Munch. Biography of artist]. Moscow: Ves' Mir, 2007. 584 p. (In Russ.).
20. Pereyaslova M.O. Katarsicheskoe nachalo v russkoi proze kontsa XIX—XX vekov: na materiale proizvedenii A.P. Chekhova i G. Gazdanova: Dis. kand. filolog. nauk. [Cathartic inception in the Russian prose of the late XIX — early XX century: on the material of works by A.P. Chekhov and G. Gazdanov. Ph. D. (Philology) Thesis]. Moscow, 2012. 195 p.
21. Ulybina E.V. Funktsiya iskusstva v kul'turno-istoricheskoi psikhologii L.S. Vygotskogo [The Function of art in cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2006, no 2, pp. 89—97. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Edinger E.F. Ego i arkhetyp: Individuatsiya i religioznaya funktsiya psikhicheskogo [Ego and archetype: the individuation and the religious function of the psychic]. Moscow: Penta Grafik, 2000. 264 p. (In Russ.).

ПСИХОЛОГИ О ТВОРЧЕСТВЕ ВЫСОЦКОГО: К 80-ЛЕТИЮ ПОЭТА И БАРДА

Материал подготовлен в честь 80-летия со дня рождения Владимира Семеновича Высоцкого. Авторы — известные психологи — выходят за рамки научных штудий и делятся своими воспоминаниями, чувствами и размышлениями о творчестве В.С. Высоцкого, его роли в жизни обычных людей и месте его творчества в современности.

В.К. Зарецкий: Мгновение и вечность сливаются воедино...

В 1980, будучи уже во вполне сознательном возрасте, я не понимал, что такое смерть. Когда узнал, что 25 июля умер Высоцкий, я не помню, чтобы испытал какие-то особенные эмоции. Хотя опыт переживания смерти достаточно близких людей уже был.

1980 год был очень странным. Это был год, когда я, как и многие другие представители моего поколения, с самого детства с нетерпением ждали, что в этот год наступит коммунизм... Вместо коммунизма объявили сначала развитой социализм, а затем предложили олимпийские игры... Было очевидно, что так жить нельзя. Все ждали перемен. Но они все не наступали. Было тревожно. На этом сложном эмоциональном фоне смерть Высоцкого была еще одним подтверждением того, что так больше жить нельзя: «Даже Высоцкий не выдержал! Умер!». Примерно таким казался мне подтекст происходящего...

... Песни Высоцкого я впервые услышал, когда мне было 10 лет (в 1963 году). А в 11 лет я их уже пел. Первые песни были блатными, но привлекала в них не «романтика» того мира, а какое-то особое вну-

Для цитаты:

Психологи о творчестве Высоцкого: к 80-летию поэта и барда // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 45—55. doi: 10.17759/cpp.2018260104

треннее напряжение. Серьезные песни были о поступках, о действиях в сложных критических ситуациях, о суровых людях, которых жизнь подвергала различным испытаниям. В военных песнях талант Высоцкого передавать текстом, неповторимой интонацией и хриплым голосом это внутренне напряжение раскрылся с еще большей силой. Военные песни шестидесятых я знал и пел все и даже использовал строки из них в школьных сочинениях на военную тему. В нашей школе это было возможно. Может быть потому, что ее номер был 187, а в школе 186 учился сам Владимир Семенович... И была она на Большом Каретном, прямо напротив дома, где он жил...

В военных песнях меня поражало все. Каким-то образом возникало ощущение присутствия. Было ощущение, что я не просто вижу происходящее, я нахожусь там, рядом, а может быть, все это происходит со мной самим. Поражала способность передать скупыми словами целую гамму смыслов и чувств. И особые отношения со временем. В песне Высоцкого время течет по-другому. Мгновение растягивается, переживается очень долго, пуля летит целую вечность («сейчас глаза мои сомкнуться, я крепко обнимусь с землей... я успеваю оглянуться...»). Помню, как я был поражен песней про звезду, скатившуюся «прямо под сердце». Я никак не мог смириться с тем, что героя, который поет песню, убивают уже во втором куплете. Но он продолжает рассказ об этом событии, размышляет, мечтает, а потом все обрывается... Мгновение и вечность сливаются воедино...

Помню, как в газетах пытались критиковать Высоцкого. Один из пунктов критики — «обилие глагольных рифм в его стихах». Но что делать, если герои песен Высоцкого **ДЕЙСТВУЮТ!** Он все передает через действие: смыслы, чувства, отношение, переживание... И в этом он близок к основоположникам отечественной психологии, для которых действие являлось основной единицей психики, деятельности, души. Такое понимание действия сближало психологию и театр. Л.С. Выготский и А.В. Запорожец сначала встретились в театре Леся Курбаса, где доминировала идея все передать действием. И лишь спустя несколько лет после той встречи Выготский обратится к психологии, а вслед за ним к теме действия обратится и Запорожец, чтобы затем заниматься ею всю жизнь и передать эстафету своим ученикам, в первую очередь, В.П. Зинченко.

Если в середине 1960-х еще продолжались споры о том, можно ли считать Высоцкого серьезным поэтом и композитором, то в 1968 году для меня этот вопрос был снят полностью. Три песни Высоцкого, которые я тогда услышал, в моих глазах сразу перевели его в один ряд с величайшими русскими поэтами. Это были песни «Спасите наши души», «Охота на волков» и «Банька по-белому» (тогда еще просто «Банька»). Я пел эти песни, и они были не про подводную лодку, не про волков... Эти песни

для меня стали волшебным зеркалом, в котором отражалась наша жизнь. Не помню, кто и когда первый сказал, что песни Высоцкого — это энциклопедия русской жизни, но я был полностью согласен с этим тезисом...

А в прошлом году мне неожиданно прислал на электронную почту письмо человек, с которым мы последний раз виделись в 1978 году (мы тогда вместе работали в Центре управления полетами). Он был фанатом Высоцкого, но сам его песен не пел. Я пытался исполнять песни Высоцкого, но не понимал, что подражать ему нельзя. Попытки копировать манеру Высоцкого всегда выглядели жалкими. ОН поет так, потому что ТАК переживает то, о чем поет. А ты должен петь так, как ТЫ переживаешь, как бы ведя диалог с автором... Тогда получается что-то другое, может чуть измениться мотив, ритм, интонация, но — как ни странно — не в этом дело. Высоцкий пел свои песни каждый раз чуть иначе, и даже меняя отдельные слова, добавлял и выбрасывал целые куплеты, как бы каждый раз переживая содержание песни по-новому.

Человек, приславший мне письмо, — мы с ним встретились спустя 39 лет — сообщил, что создал уникальную компьютерную программу «Знаете ли вы Высоцкого». Создал ее прежде всего для детей. Его зовут Виталий Юмашев. Он ровесник Высоцкого. В сентябре ему исполнилось 80 лет. Работая с ним три года, я убедился, что это гениальный программист. И его программа проста, как все гениальное. Она содержит тексты всех песен Высоцкого в разных версиях и справочный материал. Нажав гиперссылку, можно получить информацию о любом человеке, который упоминается в тексте песни, можно узнать, что означает непонятное слово или выражение, получить информацию об исторических событиях, если содержание песни с ними связано и т. д.

Но главное не в том, что можно получить ответы на все вопросы, которые могут быть навеяны содержанием песен. Главное, что Виталий Юмашев превратил эту программу в игру для детей, сделал ее образовательной. Для этого он после прослушивания песен Высоцкого предлагал детям поиграть в игру «Угадай, что дальше», прерывая песни в определенных местах, чтобы дети догадались или вспомнили последующий текст. На видеороликах, сделанных Виталием, видно, что дети в детском саду и юноши в колледже слушают песни с одинаковым вниманием и интересом, быстро включаются в игру и через нее начинают глубже понимать Высоцкого. Этот прием, придуманный В. Юмашевым, дает возможность остановить мгновение, вжиться в него, побыть немножко автором песни, установить смысл, по-настоящему вслушаться в песню, рассмотреть как под увеличительным стеклом каждую деталь... На вечере памяти Высоцкого в МГППУ, состоявшемся в день его 80-летия, Виталий Юмашев продемонстрировал свою программу для преподавателей и студентов, и она вызвала большой интерес.

Очень хотелось бы, чтобы эта программа появилась в наших образовательных учреждениях, так как песни Высоцкого не ушли в прошлое, как не может устареть то, что соприкоснулось с вечностью. Эти песни понятны и интересны современным детям, ведь борьба, подвиги, дружба, предательство, честь и достоинство и многое другое, о чем поет Высоцкий, — это темы непреходящие. И представители каждого поколения рано или поздно сталкиваются с проблемой самоопределения. Самая лучшая литература, самое лучшее кино — про самоопределение. Как рекомендовал А.П. Чехов, «пишите просто, как Петр Иванович женился на Марье Сергеевне». Потому что в любой ситуации можно увидеть и показать момент борьбы, в которой может произойти экзистенциальное самоопределение. Владимир Семенович Высоцкий умел это делать как никто другой. Да и сам он, не раз оказываясь в таких ситуациях, мог бы сказать и про себя: «спины не гнул, прямым ходил... и голове своей руками помогал».

Один из героев Ф.М. Достоевского в «Бесах» говорит: «Право на бесчестие — это мысль, которая может увлечь русского человека». В песнях Высоцкого одной из сквозных является другая мысль — способность сохранять честь и достоинство в любых ситуациях. Не исключено, что Владимир Семенович поможет новым поколениям в самоопределении между этими историческими жизненными ориентирами.

Жалею об упущенных возможностях... В нашем классе училась девочка, которая представлялась двоюродной сестрой Владимира Высоцкого. Он действительно бывал у них в доме. Однажды она мне позвонила и сказала: «Приходи быстрее. У нас дома Высоцкий и Таривердиев!» Помню, как у меня забилося сердце. Мне было 15 лет. Тогда я еще не бывал в театре «На Таганке», не видел его концертов... Очень хотелось познакомиться лично с таким Человеком. Но, как писал Петрарка «кто я такой, чтоб взмыть в такую высь...». Ну приду я, «здрасьте... вот пришел на Вас посмотреть». Подумалось, что буду выглядеть очень глупо. Не пошел. Попросил свою одноклассницу спросить его, на каких аккордах он играет (видеозаписей тогда не было). Записку получил от Таривердиева: «На субдомининтовых».

Н.Н. Толстых: Высоцкий в моей жизни

Высоцкий вошел в мою жизнь, а точнее, в жизнь нашего поколения, в пору моей, нашей ранней юности. Я, наверное, не могу говорить за все поколение, но среди известных мне многочисленных моих ровесников — друзей, знакомых, родственников, однокашников и сослуживцев — я не могу назвать ни одного, кто не знал бы Высоцкого с ранней

юности. И это при том, что его не показывали по телевизору, его песни не звучали по радио, не выпускались пластинки с этими песнями, фильмы с его участием появились позже, а интернета не было в помине. Можно ли назвать кого-то, столь же одинаково знакомого и одинаково важного для сегодняшних молодых? Думаю — нет. Высоцкий был для нашего поколения одним из его синхронизаторов, из тех, кто определил лицо этого поколения, определил его код.

Не так легко сказать, чем именно для меня был и является Высоцкий, но совершенно очевидно, что если бы его не было в моей жизни, то я стала бы другим человеком, мы стали бы другими.

«Живьем» я видела Высоцкого дважды в жизни — один раз в театре на Таганке и один раз на его концерте в нашем Психологическом институте на Моховой. Оба раза — незадолго до его ухода. А началось, конечно, с песен. Вначале — очень смешных: «Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков...», «А у тебя, ты помнишь, Зин, в семидесятом был грузин, так этот пил один бензин. Ты помнишь, Зин?» и т. д. и т. п. А потом, по мере того, как он становился старше, а мы выросли, песни становились все страшнее, все пронзительнее. Он сочинял и гениально пел (ни у кого же не получается даже приблизиться — по силе — к его способности петь эти песни) про самые важные для каждого человека вещи — про любовь, про дружбу, про смерть, про честь, про свободу, про те предельные, «пиковые», переживания, которые человек — совсем не каждый — может пережить на покоренных снежных вершинах. И человек, как я, который никогда не был альпинистом, все же мог хотя бы догадаться, чуть-чуть почувствовать, что там, на труднодоступной горной вершине, можно переживать, ощущая острую зависть к тем, у кого эти «вершины еще впереди». И мог узнать, не умом, а слухом, переживанием, буквально телом, сумасшедшую силу страсти, слушая, например, эту абсолютно непонятную по содержанию песню про «Парус! Порвали парус...». Говоря скучным околопсихологическим языком, можно сказать, что с невероятной щедростью Высоцкий дарил простым смертным широчайшую палитру и сильнейший накал эмоций, с одной стороны, а с другой — задавал — в предельно простой форме — не подлежащие никакому сомнению нравственные ориентиры и критерии — высокие и ясные.

Для меня бесценным подарком Высоцкого стал также «Вишневый сад» Чехова, со школьных лет знаемый чуть ли не наизусть, но казавшийся скучным (видела не одну постановку), который хорошей девочке надо было любить и ценить — классика! И вот — гениальная постановка А. Эфроса, где Высоцкий в роли Лопухина. И оказывается, что история, написанная Чеховым, — буря страстей и при этом про нас, про наше вчера и про наше сегодня. Для меня это был настоящий переворот в сознании и, конечно, незабываемые впечатления, в первую очередь имен-

но от того, что делал на сцене Высоцкий—Лопухин. Не могу себе простить, что не видела его Гамлета.

Впрочем, очень неточное выражение — «делал на сцене», в смысле «играл». Сколько бы ни смотрела «Место встречи изменить нельзя», кажется, что Желтова Высоцкий не играет, ничего не делает, чтобы «исполнить роль» — настолько это естественно. В фильме «Служили два товарища» усы ему приклеили, мундир надели, а все равно кажется — не играет, а просто на наших глазах у человека разрывается сердце, он просто не может — живым — расстаться со своей лошастью и со своей родной. Прошло много лет с того дня, когда смотрела этот фильм, и ничего почти из него не помню, но этот эпизод забыть невозможно. Думаю, что играй его кто-то другой, был бы обыкновенный кич, а с Высоцким — это, может быть, самая пронзительная метафора к трагедии белой эмиграции, хотя об этом немало было снято фильмов.

Высоцкого мало снимали в кино, да и в театре он сыграл не так много ролей. А был гениальным артистом... Сколько же все мы потеряли!

И при этом он был «свой парень», жил где-то рядом, носил модные брюки, любил шикарные машины и шикарную женщину — земной человек со своими слабостями.

Думаю, у многих, любивших Высоцкого, есть какая-то личная история, с ним связанная. Расскажу свою.

У этой истории есть рамка, которая для нее важна. В 11-м классе у меня был роман с одноклассником. Первая любовь. Собирались пожениться, но не случилось. Через 40 лет случайно столкнулись в арбатском переулке, где когда-то любили бродить, и уже не расстались. Года три назад мы с этим одноклассником оказываемся в заграничной Латвии, проводя пару летних недель на Рижском взморье. В доме, где мы живем, тут и там лежат книги, журналы. И вот однажды, листая один из номеров «Сноба», взялась читать рассказ «Пальто с хлястиком». Имя автора мне неизвестно — какой-то Михаил Шишкин (сейчас-то уже знаю, что он знаменитый писатель). Читаю и вначале начинаю понимать, что это же про мою школу № 59, что в Староконюшенном переулке, потом понимаю, что автор рассказывает о себе — он в этой школе учился и здесь же работала его мама. И тут я понимаю, что эта мама — наша учительница по русскому и литературе и одновременно наш классный руководитель — Ирина Георгиевна Шишкина. Я вспоминаю, что у нее были два сына — тогда младшие школьники, и становится понятно, что именно один из них стал писателем Михаилом Шишкиным. Не могу сказать, что мы как-то особенно любили Ирину Георгиевну. Она была, как нам тогда казалось, слишком уж «правильная», член партии и все такое прочее, а в цене в 60-е годы было другое. Мы по рассказам знали, что после того, как мы ушли из школы, она стала ее директором, какое-то время про-

работала на этом посту, потом заболела раком и вскоре умерла. И вот через полвека, далеко от Москвы узнаю, мы узнаем, как это было, как она уходила, как лежала в больнице, что говорила перед смертью. И за что, как оказалось, ее уволили с поста директора школы. Она осмелилась в 80-м году устроить в нашей 59-й школе вечер — памяти Владимира Семеновича Высоцкого.

В.С. Собкин: «Кто кончил жизнь трагически, тот — истинный поэт...»

На мой взгляд, основная тема творчества Владимира Высоцкого — трагическое мироощущение. Это проявляется и в его песнях, стихах, прозе, актерских работах. Неслучайно те режиссеры, которые понимали его талант, давали ему именно трагические роли (Гамлет, Хлопуша, Мартин Иден и др.). Когда я говорю о трагическом мироощущении, я отнюдь не имею в виду угнетенное состояние души, депрессивность или усталость. Напротив, это особый род высоких напряженных переживаний, которые позволяют прочувствовать мир на пределе, в момент перехода от здешнего к потустороннему. «В гости к Богу не бывает опозданий...», самому поэту «есть в чем оправдаться перед ним».

Напомню, что с психологической точки зрения такой тип переживаний крайне важен. И неслучайно Л.С. Выготский начал свой путь в психологию именно с анализа Гамлета. В психологическом этюде о Гамлете, анализируя особенности переживания трагического, он подчеркивает, что истинное понимание трагедии предполагает особое состояние, когда трагедия переходит в молитву. Для Высоцкого работа над Гамлетом также выступает как важный этап собственного личностного развития и миропонимания. Здесь столкновение здешнего и потустороннего расширяет собственный горизонт видения позволяет уловить, говоря словами Бориса Пастернака: «в далеком отголоске, что случится на моем веку¹», т. е. заглянуть за черту.

Это чувство трагического, ощущение себя на грани («хоть немного ещё постою на краю») созвучно той подсознательной эмоциональной доминанте, которая постоянно присутствует в нашем народе. Неслучайно русским близки те поэты, которые ушли из жизни «не допев, недолюбив...». Именно их упоминает Высоцкий в своем известном стихотворении «Кто кончил жизнь...» (Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Есенин).

---

¹ Срока из стихотворения Б. Пастернака «Гамлет». Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. А.: Туркменистан, 1987.

Это чувство передалось и нашему поколению, оно звучит и в наших детях.

И в заключении пару слов о самом стихотворении. В нём есть строка: «На слово “длинношее” в конце пришлось три “е”. “Укоротить поэта” — вывод ясен». Ее почти никто не понимает. Что значит «длинношее»? Мне ответ ясен. Однажды в компании поэтов кто-то сказал, что в русском языке нет слов, которые заканчиваются на три «е». Осип Мандельштам моментально среагировал: «Длинношеее животное». Таким образом к упомянутым поэтам Высоцкий добавляет Мандельштама. И это совершенно особая тема отношения поэта и власти. Причем власти особой, лагерной. Чтобы это подтвердить, продолжим строки стихотворения: «Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт, а если в точный срок, так в полной мере». Здесь явно звучит лагерная тюремная лексика: срок, полная мера. И здесь еще одна важная тема Высоцкого: тема свободы. Он как поэт страдает от несвободы, остро чувствует несправедливость, буквально «ходит пятками по лезвию ножа». В этом отношении он близок нам именно своим обостренным чувством чести, справедливости и свободы.

А.Ф. Копьев: Высоцкий — наше все

Роль творчества В.С. Высоцкого в жизни моей и моего поколения, думаю, невозможно переоценить. Это в полной мере было «наше все». Приведу забавный случай. Где-то в 1972 или 1973 году в читальню факультета психологии МГУ заглянул наш одноклассник — довольно простоватый парень, не баловавший библиотеку своими посещениями. Предстояло семинарское занятие по проблеме высших психических функций и он, по-видимому, решил как-то подготовиться. «Мне, — сказал он библиотекарю, — в растерянности почесывая затылок, — этого..., как его... Высоцкого... почитать».

Когда в жуткое олимпийское лето 1980 года (было жарко, улицы в Москве, как в фильме ужасов — какие-то полупустые, везде дружинники и милиция, теле- и радиоэфир заполнены фальшиво-бравурными здравицами в честь олимпиады) я зашел на работу к своей маме и услышал от нее, что сегодня умер Высоцкий, как-то не сразу смог это даже расслышать, наверное, сработала «перцептивная защита». Трудно было поверить: «Как же так? Как нам теперь?». Как будто «отсоединили» от системы жизнеобеспечения. И вроде было известно, что здоровье у него — никакое, что он пережил клиническую смерть, однако вся эта информация совершенно не укладывалась в голове. При всей любви к его песням, в миг расходившимся на цитаты, подлинное значение Вы-

соцкого стало проясняться, по крайней мере для меня, только после его ухода. И с каждым годом — уже давно перейдя его возрастной рубеж — я все более удивляюсь ему, восхищаюсь и испытываю огромную к нему благодарность. При всей скромности он, видимо, понимал свой собственный масштаб и значение:

«Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу...»

Время и народ в его творчестве, связанном тысячами диалогических нитей с окружающей жизнью, были узнаны и отображены по достоинству. Он не придумывал себе какого-то другого народа и сам не примерял на себя амплу «совести нации» (кандидатов на эту роль у нас всегда был критический избыток). Он действительно был зеркалом российского общества 20-го века, причем не кривым и не сервильным. Обладая виртуозной поэтической техникой, он явно чурался пафоса, но и к жестким, «зубодробительным» инвективам он был не склонен. Его творчество было чуждо групповых иллюзий и пристрастий. В этом смысле он был — ничей: ни левый, ни правый, ни «за», ни «против» и т. п. Причем не по каким-то цензурным соображениям. Думаю, он был абсолютно адекватен тому состоянию в котором находился народ. Все, что было в жизни по-настоящему живого, подлинного и искреннего, находило отзвук в его творчестве — порой парадоксальный, часто ироничный и насмешливый, но тем только «отмывавший» живое от неживого, делавший последнее смешным в своей пошлости, ложной высоте и самозванстве.

Основные темы и смыслы, затронутые В.С. Высоцким, никуда не ушли; ему удалось прорваться — сквозь идеологические надолбы и фантомы своей эпохи — к глубинным, духовным архетипам, которые были, есть и будут, доколе будут народ, страна, история.

А.Б. Холмогорова: Психотерапия Высоцким

Так сложилось, что почти все близкие мне люди по особому относятся к В.С. Высоцкому и его творчеству. Его голос звучал в нашем доме, когда дети еще плохо говорили, но уже точно могли опознать, что поет «фифотка». Замечательный биограф В.С. Высоцкого Владимир Новиков недавно сказал в одном из юбилейных интервью, что Высоцкого не любят и не понимают два сорта людей — у кого нет чувства юмора или отсутствует душевная вертикаль. Мне кажется, что есть еще одно

качество, которое необходимо для резонанса с его творчеством — готовность погрузиться в свое личное и наше коллективное подсознание и бессознательное. Он проламывает защитные механизмы и заставляет всмотреться в зеркало, в котором отражаешься ты сам и твоя эпоха со всеми уродствами, нелепостями, проблемками надежды, усилиями понять происходящее и подвигами мужества. Думаю, что секрет такого воздействия — в его особом даре языка, который извлекал из нашего подсознания глубоко запрятанные чувства и мысли и облекал их в такие точные слова, что хотелось то хохотать, то плакать, то просто изнемогать от удовольствия быть выраженным так точно и безупречно.

Вспоминается одна из любимых цитат Л.С. Выготского (заметила, как похоже звучат фамилии, когда стала писать эту короткую заметку), им перефразированная: «Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернулась»². Высоцкий умел подбирать слова-ключи к этим темным чертогам, к этим тайнам российской ментальности, и душа слушающего просыпалась, начиная осознавать саму себя и свое время. А какая работа происходила при этом в его душе — один бог ведает, «молчит наука». С уверенностью можно сказать только одно — это была очень тяжелая работа, она съедала его изнутри и отбирала все силы... Приходит в голову еще одна цитата из известного поэта: «И если зажмут мой измученный рот, которым кричит стомиллионный народ...»³... И хотя расцвет творчества Высоцкого, в отличие от Ахматовой, пришелся на «вегетарианские времена», «удушья» хватило и на его жизнь...

Как клиническому психологу мне хотелось бы остановиться еще на одном важном моменте, который также до некоторой степени может объяснить целостную силу творчества Высоцкого. В современных исследованиях психической патологии все больше говорят о роли так называемой автобиографической памяти — способность помнить конкретные события и их детали оказывается очень важным ресурсом для совладания с кризисами, депрессией и другими психологическими проблемами, в отличие от так называемой глобальной автобиографической памяти, воспроизводящей лишь смутные и обобщенные впечатления вместо полной нюансов живой картины жизненных событий. Творчество Высоцкого — это во многом искусство видеть и воссоздавать такие детали, в какие бы времена он ни перемещался, с кем бы ни идентифицировал себя — солдатом, хулиганом, пропойцей или спортсменом,

---

² Перефразированные строки из стихотворения Осипа Мандельштама «Ласточка» (1920). Осип Мандельштам. Сочинения: в 2-х т. Т. 1: Стихотворения, переводы. Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер. М.: Художественная литература, 1990.

³ Анна Ахматова. Реквием. 2-е изд. испр. автором с послесл. Г. Струве. N.Y.: Товарищество зарубежных писателей, 1969.

бегущим по «гаревой дорожке». Живая деталь, переданная через точное слово, несущее целый сгусток смыслов — вот важный источник цельной силы его стихов: «все жили вровень скромно так, система коридорная, на 38 комнаток всего одна уборная», или «и солнце било в три луча, сквозь дыры крыш просеивая, на Евдоким Кириллыча и Кису Моисеевну...». Можно до бесконечности приводить строки из песен с фамилиями и именами, числом комнат и другими подробностями. Это то самое «здесь и теперь» или на современном модном психологическом языке — та самая майндфулнесс — осознанное и полное переживание момента жизни, которое во многом утратил современный человек. Если в прошлом за этой утратой стояли запреты, страх, репрессии, двоемыслие, то сейчас — суета, погоня за успехом, поглощенность добычей информации. Поэтому, как мне представляется, терапия искусством Высоцкого остается актуальной, а для российской ментальности, находящейся в процессе восстановления связи времен, эта терапия необходима как воздух. Хочется еще раз процитировать мысль В. Новикова: Высоцкий, подобно Пушкину, создал свой особый мир языка. И вот теперь мы с вами говорим этим языком, и он помогает нам понимать самих себя и внимательно всматриваться в мгновенья жизни.

Спасибо Вам, Владимир Семенович!

PSYCHOLOGISTS ON THE WORK OF VYSOTSKY: CELEBRATING THE 80TH ANNIVERSARY OF BIRTH OF THE POET AND THE BARD

The following materials are devoted to the 80th anniversary of the birth of Vladimir Semenovich Vysotsky. The authors — primarily famous as psychologists and researchers — transcend scientific studies and share their recollections, feelings, and thoughts about the work of V.S. Vysotsky, his role in the lives of common people and the place his work takes in the modern world.

For citation:

Psychologists on the Work of Vysotsky: Celebrating the 80th Anniversary of Birth of the Poet and the Bard. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 45—55. doi: 10.17759/cpp.2018260104. (In Russ., abstr. in Engl.).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EMPIRICAL STUDIES

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ РАЗНЫЕ ФОРМЫ СУИЦИДА БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА (ОДНОКРАТНАЯ ПОПЫТКА, ХРОНИЧЕСКАЯ СУИЦИДАЛЬНОСТЬ, ЗАВЕРШЕННЫЙ СУИЦИД)

Е.В. БОРИСНИК*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
Borisonik-ev@mail.ru

А.Б. ХОЛМОГорова**,
Московский НИИ психиатрии — филиал ФГБУ «ФМИЦПН имени
В.П. Сербского» Минздрава России, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
psylab2006@yandex.ru

Для цитаты:

Борисоник Е.В., Холмогорова А.Б. Психологическое состояние членов семей, переживших разные формы суицида близкого человека (однократная попытка, хроническая суицидальность, завершённый суицид) // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 56—75. doi: 10.17759/cpp.2018260105

* *Борисоник Евгения Владимировна*, преподаватель кафедры клинической психологии и психотерапии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, e-mail: Borisonik-ev@mail.ru

** *Холмогорова Алла Борисовна*, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией клинической психологии и психотерапии, Московский

Суицидальное поведение одного из членов семьи влияет на эмоциональное благополучие родственников. В данной работе представлены результаты пилотажного исследования эмоционального благополучия, способов совладания со стрессом и характеристик семейной системы у родственников лиц с суицидальным поведением. В исследовании приняли участие 40 человек, общая выборка делилась на три подгруппы: родственники пациентов, переживших первую суицидальную попытку (n=16); родственники пациентов после многократных суицидальных попыток (n=10); родственники лиц, совершивших завершённый суицид (n=14). В первой части исследования проводился анализ симптомов эмоционального неблагополучия у всей выборки в целом. Родственники суицидентов с разными формами суицидального поведения находятся в группе риска развития депрессии: у двух третей из объединенной выборки были выявлены повышенные показатели симптомов депрессии, а также их обратная связь с копинг-стратегиями позитивного переопределения и личностного роста. Во второй части исследования анализировались различия между подгруппами. Выраженность симптомов депрессии значительно выше у родственников лиц с завершённым суицидом в сравнении с родственниками, пережившими однократную суицидальную попытку; показатели жизнестойкости и сплоченности семейной системы ниже в семьях лиц с многократными суицидальными попытками в сравнении с другими формами суицидального поведения.

Ключевые слова: суицид, родственники суицидента, суицидальная попытка, хроническая суицидальность, завершённый суицид, суицидальное поведение.

В изучении семей суицидентов существует два ракурса рассмотрения проблемы: с одной стороны, семейные дисфункции влияют на возникновение суицидального поведения, с другой — суицидальное поведение влияет на функционирование семьи. Поведение человека не может быть понятно без учета тех систем, частью которых он является.

В рамках первого ракурса немало исследований посвящено тому, как дисфункции семейной системы могут способствовать разворачиванию суицидального поведения. На формирование суицидального поведения влияет количество конфликтов в семье, качество контактов с родителями [8], уровень критики и индуцирование недоверия к людям в семье [12]. Ряд семейных характеристик служит фактором риска развития суицидального поведения: наличие проблем психического здоровья и

НИИ психиатрии — филиал ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России; заведующая кафедрой клинической психологии и психотерапии, декан факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, e-mail: psytab2006@yandex.ru

история суицидального поведения у родственников, насилие в семье. Развод родителей или смерть одного из родителей — один из факторов, повышающих вероятность возникновения суицидального поведения [8; 26]. Такие показатели семейной системы, как низкая сплоченность и экспрессивность, служат важными предикторами возникновения суицидальных намерений и оказывают большее влияние, нежели внутрисемейные конфликты. Низкая сплоченность семьи влияет на возникновение депрессии, тревоги и ощущения безнадежности, что косвенно приводит к возникновению суицидальных намерений [11; 14]. Семейные дисфункции также связаны и с формированием самоповреждающего поведения, которое служит фактором риска развития суицидального поведения [6].

В рамках второго ракурса — влияние суицидального поведения одного из членов семьи на родственников — давно ведутся исследования по изучению влияния завершённого суицида на близких. Родственники суицидентов входят в группу риска развития депрессии, ПТСР, тревожных расстройств, возникновения суицидальных мыслей [10]. Менее изученным остается влияние суицидальных попыток без летального исхода на родственников суицидентов, в этой области преобладают качественные исследования.

Нильс Буус (*N. Buus*) описывает опыт суицидальной попытки для родственников как двойную травму, которая включала в себя травму попытки самоубийства и последующее психосоциальное воздействие на благополучие семьи. После суицидальной попытки близкого человек переживает целый комплекс различных чувств: панику, ужас, страх перед возможностью новой суицидальной попытки, вину и стыд, который нередко приводит к изоляции семьи [15; 16; 22]. В то время как завершённый суицид уже предполагает участие семьи в определенных ритуалах, социально принятых способах горевания, которые нельзя полностью избежать, переживание незавершённого суицида может быть одиноким, в котором горе человека скрыто [22]. Матери подростков, совершивших суицидальную попытку, отмечают постоянное эмоциональное смятение, меняющееся представление о себе, и потерю надежды на хорошее будущее. Помимо сопереживания страданиям ребенка, матери испытывают злость и раздражение на детей, которые разрушают обычную жизнь семьи [18; 25]. После попытки возникает мысль о том, кто несет ответственность за случившееся, можно ли было ее предотвратить. Это приводит к попыткам найти виноватого или к самообвинениям. Для некоторых эмоциональный стресс приводит к ухудшению физического здоровья [22].

Изменения происходят во внутрисемейных коммуникациях. Все участники качественного исследования, проведенного Буусом,

были в долгосрочных отношениях на момент суицидальной попытки ребенка. Тем не менее они отметили, что конфликты в семье, возникшие после суицидальной попытки, были угрозой, которая могла привести к разводу. Другие участники рассказали, как братья и сестры чувствовали себя забытыми из-за дополнительного внимания к суициденту, что часто приводило к конфликту с родителями. Некоторые братья и сестры прямо заявили, что они ненавидят суицидента [8].

В исследовании, направленном на оценку эмоционального состояния матерей спустя год после суицидальной попытки, было выявлено, что спустя год матери все еще испытывали чувство страха и беспомощности. Также они чувствовали гнев и раздражение по отношению к медицинским работникам и бывшим мужьям, которые описывались как критикующие, пренебрежительные, непонимающие. Автор исследования предположил, что эти чувства могут также быть истолкованы как способы психологической защиты матерей от вины и реалистичного отражения проблем в их жизни, которые, возможно, способствовали возникновению проблем у ребенка [23].

Близкие родственники суицидентов находятся в группе риска развития депрессии, суицидальных мыслей, патологического горя [2]. Они испытывают схожий комплекс эмоций, что и родственники лиц после суицидальной попытки: печаль, вину, стыд. Родственники суицидентов склонны к руминации, они погружены в размышления о том, что можно было бы сделать иначе [27]. Согласно исследованию Марике де Грут и Бодуэна Коллена (*M. de Groot, B.J. Kollen*), возникновение депрессии коррелирует с женским полом. Патологическое горе связано с потерей ребенка после суицида, в то время как потеря супруга — с возникновением депрессии. Наличие в анамнезе родственников эпизодов клинически выраженной депрессии и тревоги, а также суицидальных попыток было связано с последующим возникновением депрессии, но не обязательно приводило к патологическому горю. По данным проведенного лонгитюдного исследования риск развития депрессии и патологического горя снижался с течением времени. Возникновение депрессии больше связано с индивидуальными факторами — высоким нейротизмом и низким мастерством (ощущение контроля над тем, что происходит в жизни человека). В то время как более высокая самооценка снижала его [19].

Исследования показывают снижение сплоченности, адаптированности семьи после завершения суицида одного из членов семьи [17]. Матери были более адаптивны и гибки по сравнению с отцами, при этом не было выявлено статистически значимых показателей между оценками сплоченности семьи матерями и отцами [21].

Родственники суицидента, как после завершённого суицида, так и после суицидальной попытки, проходят через несколько стадий. Вначале они пытаются понять причины произошедшего, эти размышления связаны с чувствами вины, стыда и потерянности — это попытка через эмоции понять, что случилось. На второй стадии появляется картина произошедшего, близкие отмечают изменения в жизни человека до случившегося, понимают причины, по которым человек думал совершить или совершил суицид. И только после этого появляется возможность двигаться дальше, переосмысливая смерть, принимая ее в историю своей жизни [22; 24]. К этим трем темам Диана Сэндс и Марк Теннант (*D. Sands & M. Tennant*) приводят метафору: примерить туфли умершего, походить в них и снять [24].

Родственники после суицидальной попытки чувствовали изменения в том, как они видели себя, мир и людей в нем, менялось видение своих отношений с партнером. В исследовании Фрэнсиса МакГиверна (*F. McGivern*) средний срок с момента попытки самоубийства составлял 10,5 лет, все участники рассматривали эти изменения как постоянные [22].

Чтобы справиться с тяжелыми эмоциями на индивидуальном уровне, активируются защитные механизмы [1]. Среди копинг-стратегий, используемых родственниками после суицидальной попытки, можно отметить социальную поддержку, духовный копинг и избегание. Последние две встречаются часто из-за желания сохранить тайну и опасения быть стигматизированным, в этом контексте религиозный копинг предполагает индивидуальную молитву, а не посещение церкви [15].

Задачами пилотного исследования было изучение психологических последствий суицидального поведения для родственников суицидента, а также факторов, влияющих на выраженность депрессивной и тревожной симптоматики.

Метод

Выборка. В рамках пилотажного исследования было обследовано 40 человек — близких родственников суицидентов: родители, супруги, дети. Общая выборка состоит из 3 подгрупп. Первая — родственники пациентов, переживших первую суицидальную попытку ($n=16$). Вторая — родственники пациентов после многократных суицидальных попыток ($n=10$). Третья группа включает в себя родственников лиц, совершивших завершённый суицид ($n=14$). Ниже представлены социально-демографические и клинические характеристики респондентов (табл. 1, 2).

Таблица 1
Социально-демографические характеристики выборки

Социально-демографические показатели		Родственники лиц с однократной суицидальной попыткой (N=16)	Родственники лиц с хронической суицидальностью (N=10)	Родственники лиц, совершивших завершённый суицид (N=14)
Пол	Муж.	4	3	0
	Жен.	12	7	14
Средний возраст родственника		46	42	40
Возрастной диапазон		30—60	28—55	18—50
Средний возраст суицидента		25	25	35
Возрастной диапазон		17—51	16—51	15—55
Степень родства с суицидентом	Мать	11	6	8
	Отец	2	1	0
	Супруг	2	2	0
	Супруга	1	1	4
	Дочь	0	0	2

Таблица 2
Распределение клинической выборки по диагностическим классам МКБ-10

Группа	Смешанное расстройство личности (F61)	Депрессивный эпизод разной степени тяжести (F 32)	Реакция на тяжёлый стресс и нарушения адаптации (F43)	Шизотипическое расстройство (F21)
Пациенты с однократной суицидальной попыткой (n=16)	8	4	1	3
Пациенты с хронической суицидальностью (n=10)	4	4	1	1

Трое родственников лиц с завершённой суицидальной попыткой на момент обследования находились в кризисном стационаре с диагностированной депрессией.

Методический комплекс включал два блока методик. Первый был направлен на изучение индивидуальных характеристик родственников, второй — на изучение семейной системы. Для изучения индивидуальных характеристик родственников был использован пакет из 4 методик. Для диагностики эмоционального благополучия использовались шкалы депрессии и тревоги А. Бека в адаптации Н.В. Тарабриной [9], направленные на диагностику степени тяжести проявлений депрессивной и тревожной симптоматики. Для диагностики копинг-стратегий использовался опросник COPE Ч. Карвер с соавт. в адаптации Н.Г. Гаранян, П.А. Иванова [4]. Опросник состоит из 15 шкал: позитивное переопределение события и личностный рост; психическое избегание; фокусировка на эмоциях и их вентилирование; использование инструментальной социальной поддержки; активный копинг; отрицание; религиозный копинг; использование юмора; поведенческое избегание; самоограничение; использование эмоциональной социальной поддержки; употребление психоактивных веществ; принятие; оттормаживание всех других занятий; планирование совладания. Для изучения факторов, способствующих успешному совладанию со стрессом, был использован тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой [5]. Тест включает в себя 3 шкалы: вовлеченность, контроль и принятие риска. Характеристики семейной системы изучались с помощью шкалы семейного окружения (ШСО) Р. Мооса (*R. Moos*) в адаптации С.Ю. Куприянова [13]. Шкала состоит из 10 субшкал: сплоченность, конфликт, экспрессивность, организация, контроль, независимость, ориентация на достижения (ОД), интеллектуально-культурная ориентация (ИКЛ), ориентация на активный отдых (ОАО), морально-нравственная ориентация (МНО).

Результаты

Симптомы депрессии выявлены у 70% родственников суицидентов из общей выборки, причем у 30% наблюдаются выраженные и тяжелые симптомы депрессии. Выраженность симптомов тревоги встречается реже, только у 30% выборки (табл. 3). Это можно сопоставить с результатами исследования Энн Ферри с соавторами (*A. Ferrey et al.*): при продолжении самоповреждающего поведения родители отмечают скорее не нарастание паники, а усталость, истощение [20].

Общий показатель жизнестойкости снижен почти у 40% респондентов. Основная часть выборки характеризуется средним значением этого

Т а б л и ц а 3

Выраженность симптомов депрессии и тревоги по шкалам А. Бека (%)

Симптомы депрессии				
Отсутствуют	Легкие	Средние	Выраженные	Тяжелые
27,5	27,5	12,5	20	12,5
Уровень тревоги				
Низкий		Средний		Высокий
70		27,5		2,5

показателя. У лиц с низкой жизнестойкостью идет снижение по всем трем субшкалам: вовлеченность, контроль и принятия риска. Наибольший процент низких значений наблюдается по шкале контроля, что говорит об ощущении беспомощности и снижении возможности влиять на свою жизнь (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Распределение выборки по уровню жизнестойкости (%)

Шкалы	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Жизнестойкость	37,5	60	2,5
Вовлеченность	32,5	60	7,5
Контроль	42,5	55	2,5
Принятие риска	40	60	0

Эмоциональное неблагополучие (выраженность симптомов депрессии) отрицательно связано с использованием копинг-стратегии позитивного переопределения и личностного роста (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Связь выраженности симптомов депрессии с субшкалами опросника копинг-стратегий COPE (коэффициент корреляции Спирмена, $p < 0.01$)

Шкалы	Депрессия
Шкала Позитивное переформулирование и личностный рост	-0,444

Это может быть связано с возможностью родственников переосмыслить ситуацию, перейти от ощущения своей вины к пониманию различных факторов, приведших к суицидальному поведению, принятию случившегося. Если ранее родственники говорили об ощущении, что ничто никогда не будет прежним, то спустя время родственники пациентов с

суицидальной попыткой отмечают позитивные изменения: улучшение отношений с другими родственниками и суицидентом благодаря лучше-му понимаю чувств другого, развитие эмпатии, изменение внутреннего локуса контроля на более гибкий, ощущение «внутреннего стрежня», лучший контакт с собой, самореализация в других сферах и социальных ролях, появление большей независимости, принятие вещей, которые невозможно изменить [22]. Среди позитивных изменений можно отметить, что суицидальная попытка может быть первым шагом к получению профессиональной помощи [3].

Общий показатель жизнестойкости, а также отдельные подшкалы значимо коррелируют с выраженностью симптома тревоги и депрессии (табл. 6).

Таблица 6

**Связь симптомов тревоги и депрессии с показателями жизнестойкости
(коэффициент корреляции Спирмена)**

Шкалы	Депрессия	Тревога
Общий показатель жизнестойкости	-0,600**	-0,494**
Вовлеченность	-0,389*	-0,329*
Контроль	-0,591**	-0,533**
Принятие риска	-0,581**	-0,454**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$

Жизнестойкость выступает как фактор, способствующий совладанию со стрессом, соответственно ее снижение говорит о возникновении внутреннего напряжения. Жизнестойкость — это не просто стратегия совладания, она включает в себя представления о себе, мире и людях. Ее снижение перекликается с невозможностью переосмысления ситуации. При низкой вовлеченности возникает чувство отверженности, что является выражением изоляции, возможной стигматизации. Снижение показателей по шкале контроля — убежденности, что активные действия могут способствовать исправлению ситуации, можно сопоставить с повышением стратегии избегания, описанным в исследовании Винифред Асаре-Доку с соавторами (*W. Asare-Doku et al.*) [15]. Эти данные согласуются с результатами, полученными в исследовании де Грут и Коллена, которые отметили связь между возникновением депрессии и показателем мастерства (ощущения контроля над жизнью) у родственников после суицидальной попытки [19]. Шкала мастерства сопоставима с подшкалой контроля. Данная закономерность характерна не только для родственников после завершеного суицида, но и на всем континууме суицидального поведения.

Одной из задач пилотного исследования было изучение различий между группами родственников с разным суицидальным поведением по выраженности симптомов эмоционального неблагополучия, используемым копинг-механизмам и характеристикам семейной системы.

Ниже представлены результаты сравнения подгрупп родственников лиц с разным типом суицидального поведения по показателям эмоционального неблагополучия (табл. 7).

Таблица 7

Межгрупповые различия по симптомам депрессии и тревоги у родственников пациентов с разными формами суицидального поведения (критерий Краскела—Уоллиса)

Выраженность симптомов тревоги и депрессии	Средний ранг			p
	Родственники лиц с первой попыткой	Родственники лиц с многократными суицидальными попытками	Родственники лиц, совершивших завершённый суицид	
Тревога	16,78	22,25	23,50	0,25
Депрессия	15,50	21,45	25,54	0,06

Разницы в выраженности симптомов тревоги между группами нет. Различия по показателям симптомов депрессии — на уровне тенденции. При отдельном сравнении подгруппы родственников лиц с завершённым суицидом с подгруппой родственников после первой попытки выявлены статистически значимые различия по выраженности симптомов депрессии (U критерий Манна—Уитни, $p < 0,05$). Только в подгруппе родственников, переживших завершённый суицид, есть обратившиеся за стационарной медицинской помощью. Средние ранги по шкалам депрессии и тревоги также постепенно возрастают: самые низкие значения — у родственников лиц с однократной попыткой, средние — у родственников лиц с хроническим суицидом и самые высокие — у родственников лиц с завершённым суицидом. Возможно, при расширении выборки эта тенденция будет статистически подтверждена.

При сравнении групп по шкалам опросника жизнестойкости выявлены значимые различия по показателям вовлеченности и принятия риска. Различия по общему показателю жизнестойкости — на уровне тенденции. Самый низкий показатель вовлеченности — у родственников пациентов после многократных попыток. Та же тенденция наблюдается и в общем показателе жизнестойкости, что говорит о возможной хронификации напряжения и стресса, а также о большем риске возникновения соматических заболеваний в этой группе (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

**Межгрупповые различия по жизнестойкости у родственников
пациентов с разными формами суицидального поведения
(критерий Краскела—Уоллиса)**

Шкалы жизне- стойкости	Средний ранг			р
	Родственники лиц с первой по- пыткой	Родственники лиц с многократ- ными суицидаль- ными попытками	Родственники лиц, совершив- ших завершён- ный суицид	
Жизнестойкость	25,44	15,10	18,71	0,07
Вовлеченность	25,44	13,75	19,68	0,04
Контроль	23,09	17,40	19,75	0,46
Принятие риска	26,13	16,40	17,00	0,04

Самый низкий показатель вовлеченности и жизнестойкости — у родственников пациентов после многократных попыток, он статистически значимо ниже в сравнении с группой родственников, переживших однократную суицидальную попытку. На уровне средних эти показатели ниже и в сравнении с группой родственников, переживших завершённый суицид, что говорит о большей хронификации напряжения и стресса в этой группе, а также о большем риске возникновения соматических заболеваний.

Результаты сравнения группы по используемым копинг-стратегиям приведены ниже (табл. 9). Группы различаются по частоте использования стратегии психологического и поведенческого избегания. Под психологическим избеганием понимается отвлечение от стрессогенного события через переключение на другие виды деятельности. Поведенческое избегание предполагает отказ от попыток решить проблемную ситуацию. Стратегию избегания в большей степени используют родственники лиц с многократным суицидальным поведением. Суицидальное поведение хронифицируется вследствие непродуктивных защитных механизмов, используемых родственниками. Также избегание может возникать из-за постоянного стресса, ощущения бессмысленности предпринимаемых попыток помощи и желания не думать о случившемся.

Среди показателей семейной системы значимых различий между тремя группами выявлено не было, однако не исключено, что при расширении выборки могут быть получены различия по шкале сплоченности (табл. 10). При попарном сравнении родственников пациентов с хроническим суицидальным поведением с двумя другими группами есть статистически значимые различия (U критерий Манна—Уитни, $p < 0,05$) по шкале сплоченности семейной системы.

Таблица 9

Межгрупповые различия по копинг-стратегиям у родственников пациентов с разными формами суицидального поведения (критерий Краскела— Уоллиса)

Шкалы копинг-стратегий	Средний ранг			p
	Родственники лиц с первой попыткой	Родственники лиц с многократными суицидальными попытками	Родственники лиц, совершивших завершённый суицид	
Позитивное переопределение события и личностный рост	18,44	22,20	21,64	0,65
Психологическое избегание	14,31	26,10	23,57	0,02
Фокусировка на эмоциях и их вентилирование	18,13	19,80	23,71	0,49
Использование инструментальной социальной поддержки	19,72	15,70	24,82	0,16
Активный копинг	21,88	20,15	19,18	0,81
Отрицание	17,84	21,15	23,07	0,46
Религиозный копинг	19,91	16,80	23,82	0,33
Использование юмора	16,59	25,05	21,27	0,16
Самоограничение	18,38	22,80	21,29	0,60
Поведенческое избегание	14,19	26,15	23,68	0,015
Использование эмоциональной социальной поддержки	20,69	16,95	22,82	0,48
Употребление ПАВ	20,41	25,15	17,29	0,19
Принятие	18,19	21,00	22,79	0,55
Отгораживание всех других занятий	20,00	19,15	22,04	0,81
Планирование совладания	20,13	18,35	22,46	0,68

Полученные результаты могут иметь несколько возможных объяснений. Сплоченность семьи снижается при многократном аутодеструктивном поведении. Также возможно другое объяснение. Для всех лиц с завершённым суицидом это была первая суицидальная попытка, т. е. в группах родственников с более высоким показателем сплоченности мы наблюдаем переживания семьи после первой попытки. Таким образом,

Таблица 10

**Межгрупповые различия по шкалам семейной системы
у родственников пациентов с разными формами суицидального поведения
(критерий Краскела—Уоллиса)**

Шкалы семейной системы	Средний ранг			p
	Родственники лиц с первой попыткой	Родственники лиц с многократными суицидальными попытками	Родственники лиц, совершивших завершённый суицид	
Сплоченность семейной системы	22,03	13,30	23,89	0,07
Экспрессивность	20,66	18,45	21,79	0,78
Конфликт	20,53	21,60	19,68	0,92
Независимость	22,47	20,75	18,07	0,57
Ориентация на достижения	20,09	21,80	20,04	0,92
Интеллектуально-культурная ориентация	17,53	22,95	22,14	0,41
Ориентация на активный отдых	19,75	21,45	20,68	0,93
Морально-нравственная ориентация	19,31	22,25	20,61	0,82
Организация	21,38	19,25	20,39	0,90
Контроль	18,69	19,05	23,61	0,45

можно предположить, что летальность суицидальной попытки не влияет на показатель сплоченности семейной системы. А.Г. Амбрумова писала о том, что в первый момент после суицида семья может сплотиться, чтобы помочь друг другу справиться со страхом, болью и стыдом [1]. Завершённый суицид может приводить к изменениям в семейных отношениях, которые приводят к увеличению сплоченности.

Обсуждение результатов

Зарубежные исследования свидетельствуют о влиянии суицидального поведения на членов семьи суицидента, а также на функционирование семейной системы в целом. Известно, что родственники суицидентов находятся в группе риска развития депрессии, ПТСР, патологического горя, а также суицидального поведения. Данные нашего пилотного исследования подтверждают, что не только сам суицидент, но и члены его семьи

нуждаются в психологической помощи. У 70% родственников, переживающих суицидальное поведение близкого, присутствуют симптомы депрессии разной степени тяжести, у 30% наблюдаются симптомы тревоги, у 40% снижена жизнестойкость. При этом тяжесть симптомов депрессии отрицательно связана с уровнем жизнестойкости и использованием копинг-стратегии позитивного переопределения и личностного роста.

Ранее оценки различий между эмоциональным благополучием, копинг-стратегиями и характеристиками семейной системы у членов семьи лиц с разными формами суицидального поведения не проводилось. Выраженность симптомов депрессии выше у родственников лиц, совершивших заверченный суицид. В то время как родственники пациентов после многократных суицидальных попыток оказались менее благополучными в сравнении с родственниками лиц после первой суицидальной попытки и заверченного суицида по уровню жизнестойкости и принятию риска.

Психологическое и поведенческое избегание наиболее характерно для родственников пациентов с хроническим суицидальным поведением. Родственники лиц с однократной суицидальной попыткой в наименьшей степени прибегают к этой копинг-стратегии. Стратегия избегания может приводить к отсутствию своевременной помощи суициденту и быть следствием выученной беспомощности у родственников.

У группы родственников лиц с хроническим суицидальным поведением ниже показатель сплоченности семейной системы в сравнении с группами родственников лиц с заверченным суицидом и однократной суицидальной попыткой. Современные модели суицидального поведения отводят важную роль межличностной ситуации в генезе суицидального поведения [7]. Так, в трехшаговой модели Дэвида Клонски (*E.D. Klonsky*) ослабление связей с внешним миром выступает как фактор, усиливающий интенсивность суицидальных мыслей, а интерперсональная теория Джойнера (*T.E. Joiner*) обращает внимание на утраченное чувство принадлежности к группе. Таким образом, снижение сплоченности может быть не только результатом хронического суицидального поведения, но и фактором, хронифицирующим его. На данном этапе исследования не представляется возможным говорить о причинно-следственных связях, однако, по опыту наблюдения и практической работы, можем предположить взаимообусловленность данных конструктов. Полученные результаты указывают на необходимость дальнейшего изучения данной проблемы.

Выводы

Таким образом, по результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы.

У родственников лиц с разными формами суицидальным поведения повышены симптомы депрессии и тревоги, в то время как показатель жизнестойкости снижен.

Симптомы эмоционального неблагополучия отрицательно связаны с использованием копинг-стратегии позитивного переопределения и личностного роста у родственников лиц с разными формами суицидальным поведения. Копинг-стратегия психологического и поведенческого избегания чаще используется родственниками лиц с хроническим суицидальным поведением и реже всего родственниками лиц с первой суицидальной попыткой.

Родственники лиц, совершивших завершённый суицид, отличаются более высокими показателями симптомов депрессии, в то время как у родственников лиц с хроническим суицидальным поведением ниже показатель жизнестойкость. Эта группа также характеризуется более низкой сплоченностью семейной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А.Г., Постовалова Л.И. Семейная диагностика и вопросы профилактики суицидального поведения // Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии / Под ред. А.Г. Амбрумовой. М.: Изд-во НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1984. С. 62—77.
2. Борисоник Е.В., Любов Е.Б. Клинико-психологические последствия суицида для семьи жертвы // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 25—41. doi:10.17759/cpp.2016240303
3. Борисоник Е.В., Любов Е.Б., Паршин А.Н., Цупрун В.Е. Бремя семьи, вызванное суицидальной попыткой близкого родственника // Материалы 5-й международной научно-практической конференции «Душевное здоровье населения на границе Европы и Азии» (г. Оренбург, 26—28 октября 2015 г.). Оренбург, 2015. С. 18—19.
4. Иванов П.А., Гаранян Н.Г. Апробация опросника копинг-стратегий (COPE) // Психологическая наука и образование. 2010. №1. С. 82—93.
5. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147—165.
6. Польская Н.А. Роль социальных факторов в развитии самоповреждающего поведения [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2012. № 2. С. 40—52. URL: <http://psyjournals.ru/en/psyclin/2012/n2/54581.shtml> (дата обращения: 20.12.2017).
7. Сырокашина К.В. Современные психологические модели суицидального поведения в подростковом возрасте // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 3. С. 60—75. doi:10.17759/cpp.2017250304
8. Сырокашина К.В., Дозорцева Е.Г. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 8—24. doi:10.17759/cpp.2016240302
9. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.

10. Тукаев Р.Д. Психическая травма и суицидальное поведение: аналитический обзор литературы с 1986 по 2001 годы // Социальная и клиническая психиатрия. 2003. № 1. С. 151—163.
11. Федунина Н.Ю., Банников Г.С. Связь семейной сплоченности и адаптивности по опроснику faces-3 с проявлениями социально-психологического неблагополучия несовершеннолетних // Тюменский медицинский журнал. 2016. Т. 18. № 4. С. 22—35.
12. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Горшкова Д.А., Мельник А.М. Суицидальное поведение в студенческой популяции // Культурно-историческая психология. 2009. № 3. С. 101—110.
13. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учеб. пособие для врачей и психологов / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2006. 352 с.
14. Ahookhosh P., Bahmani B., Asgari A., Hassanian Moghaddam H. Family Relationships and Suicide Ideation: The Mediating Roles of Anxiety, Hopelessness, and Depression in Adolescents [Электронный ресурс] // International Journal of High Risk Behaviors and Addiction. 2017. Vol. 6 (1). URL: <http://jhrba.com/en/articles/13233.html> (Accessed 20.11.2013). doi:10.5812/jhrba.31573
15. Asare-Doku W., Osafo J., Akotia C.S. The experiences of attempt survivor families and how they cope after a suicide attempt in Ghana: a qualitative study // BMC Psychiatry. 2017. Vol. 17 (1). doi:10.1186/s12888-017-1336-9
16. Buus N., Caspersen J., Hansen R., Sienager E., Fleischer E. Experiences of parents whose sons or daughters have (had) attempted suicide // Journal of Advanced Nursing. 2014. Vol. 70 (4). P. 823—832. doi:10.1111/jan.12243
17. Cerel J., Jordan J., Duberstein P. The impact of suicide on the family // Crisis. 2008. Vol. 29 (1). P. 38—44. doi:10.1027/0227-5910.29.1.38
18. Daly P. Mothers living with suicidal adolescents: a phenomenological study of their experience // Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services. 2005. Vol. 43 (3). P. 22—28.
19. de Groot M., Kollen B.J. Course of bereavement over 8—10 years in first degree relatives and spouses of people who committed suicide: Longitudinal community based cohort study [Электронный ресурс] // BMJ. 2013. Vol. 347. URL: <http://www.bmj.com/content/347/bmj.f5519> (дата обращения: 15.01.2018). doi:10.1136/bmj.f5519
20. Ferrey A. Hughes N.D., Simkin S., Locock L., Stewart A., Kapur N., Gunnell D., Hawton K. Changes in parenting strategies after a young person's self-harm: a qualitative study // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2016. Vol. 10 (1). doi:10.1186/s13034-016-0110-y
21. Lohan J.A., Murphy S.A. Family functioning and family typology after an adolescent or young adults' sudden violent death // Journal of Family Nursing. 2002. Vol. 8 (1). P. 32—49. doi:10.1177/107484070200800103
22. McGivern F.E. The personal impact of uncompleted suicide on partners: transformations for better, for worse: Doctor of Psychotherapy thesis. Dublin, 2014. 204 p.
23. Rutherford P. An Exploration by Interview of the Feelings of Mothers of Adolescent Children who have attempted Suicide. Dissertation theses ... Master of Arts. London, 2005.

24. Sands D., Tennant M. Transformative learning in the context of suicide bereavement // *Adult Education Quarterly*. 2010. Vol. 60 (2). P. 99–121. doi:10.1177/0741713609349932
25. Torraville M.A. Adolescent Suicidal Behaviours: A Phenomenological Study of Mothers' Experiences. Dissertation Theses ... Master of Nursing. St. John's Newfoundland, 2000. 92 p.
26. Tousignant M., Hamel S., Bastien M.F. Family structure, parent-child relationships and suicidal behavior in high-school // *Santé mentale au Québec*. 1988. Vol. 13 (2). P. 79–93.
27. Young I.T., Iglewicz A., Glorioso D., Lanouette N., Seay K., Ilapakurti M., Zisook S. Suicide bereavement and complicated grief // *Dialogues in Clinical Neuroscience*. 2012. Vol. 14 (2). P. 177–186.

THE PSYCHOLOGICAL STATE OF FAMILY MEMBERS WHO HAVE EXPERIENCED VARIOUS FORMS OF SUICIDE OF A LOVED ONE (SINGLE ATTEMPT, CHRONIC SUICIDE, COMPLETED SUICIDE)

E.V. BORISONIK*,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
borisonik-ev@mail.ru

A.B. KHOLMOGOROVA**,

Moscow Research Institute of Psychiatry —

Branch of The Serbsky Federal

Medical Research Center for Psychiatry and Narcology,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
psylab2006@yandex.ru

For citation:

Borisonik E.V., Kholmogorova A.B. The Psychological State of Family Members Who Have Experienced Various Forms of Suicide of a Loved One (Single Attempt, Chronic Suicide, Completed Suicide). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [*Counseling Psychology and Psychotherapy*], 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 56–75. doi: 10.17759/cpp.2018260105. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Borisonik Evgeniya Vladimirovna*, lecturer, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, e-mail: borisonik-ev@mail.ru

** *Kholmogorova Alla Borisovna*, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Clinical Psychology and Psychotherapy, Moscow Research Institute of Psychiatry — Branch of The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology; Head of the Chair of Clinical Psychology and Psychotherapy, acting dean of the Department of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, e-mail: psylab2006@yandex.ru

The suicidal behavior of a member of a family influences the emotional well-being of his/her relatives. This paper presents the results of a pilot study of emotional well-being, coping strategies and characteristics of the family system among relatives of persons with suicidal behavior. The study involved 40 people, the total sample was divided into three subgroups: relatives of patients who survived the first suicide attempt (n = 16); relatives of patients after multiple suicide attempts (n = 10); relatives of persons who committed suicide (n = 14). In the first part of the study, the symptoms of emotional distress were analyzed for the entire sample. Relatives of people with different forms of suicidal behavior are at risk of depression: two-thirds of the combined sample showed increased symptoms of depression. The coping strategies of positive redefinition and personal growth are negatively correlated with symptoms of depression. In the second part of the study, we analyzed differences between subgroups. The severity of the symptoms of depression is significantly higher in the subgroup of relatives of people with completed suicide compared to relatives of those who survived a single suicide attempt, the indicators of hardiness and cohesion of the family system are lower in the families of people with multiple suicide attempts compared to other forms of suicidal behavior.

Keywords: suicide, family members, suicide survivors, suicide attempt, suicidal behavior, chronically suicidal patient.

REFERENCES

1. Ambrumova A.G., Postovalova L.I. Semeinaya diagnostika i voprosy profilaktiki suitsidal'nogo povedeniya [Family diagnostics and prevention of suicidal behavior]. In A.G. Ambrumova (ed.). *Problemy profilaktiki i reabilitatsii v suitsidologii* [Problems of prevention and rehabilitation of suicidology]. Moscow: Publ. NII psikiatrii MZ RSFSR, 1984, pp. 62—77.
2. Borisonik E.V., Lyubov E.B. Kliniko-psikhologicheskie posledstviya suitsida dlya sem'i zhertvy [Clinical and psychological consequences for the families of suicide victim]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24 (3), pp. 25—41. doi:10.17759/cpp.2016240303. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Borisonik E.V., Lyubov E.B., Parshin A.N., Tsuprun V.E. Breyma sem'i, vyzvannee suitsidal'noi popytkoi blizkogo rodstvennika [The burden of the family caused by the suicidal attempt of a close relative]. *Materialy 5-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Dushevnoe zdorov'e naseleniya na granitse Evropy i Azii"* (g. Orenburg, 26—28 oktyabrya 2015 g.) [Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference "Mental Health of the Population on the Border between Europe and Asia"]. Orenburg, 2015, pp. 18—19.
4. Ivanov P.A., Garanyan N.G. Aprobatsiya oprosnika koping-strategii (COPE) [Validation of the Coping Strategies Questionnaire COPE]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2010, no. 1, pp. 82—93. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Osin E.N., Rasskazova E.I. Kratkaya versiya testa zhiznestoikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primenenie v organizatsionnom kontekste [A short version of the

- hardiness test: psychometric characteristics and application in the organizational context]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Herald. Series 14. Psychology], 2013, no. 2, pp. 147—165.
6. Pol'skaya N.A. Rol' sotsial'nykh faktorov v razvitii samopovrezhdayushchego povedeniya [Elektronnyi resurs] [The role of social factors in the development of self-injurious behavior]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 2012, no. 2, pp. 40—52. Available at: <http://psyjournals.ru/en/psyclin/2012/n2/54581.shtml> (Accessed: 20.12.2017). (In Russ., abstr. in Engl.).
  7. Syrokvashina K.V. Sovremennye psikhologicheskie modeli suitsidal'nogo povedeniya v podrostkovom vozraste [Modern psychological models of suicidal behavior in adolescents]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2017. Vol. 25 (3), pp. 60—75. doi:10.17759/cpp.2017250304. (In Russ., abstr. in Engl.).
  8. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Psikhologicheskie faktory riska suitsidal'nogo povedeniya u podrostkov [Psychological factors of risk of suicidal behavior in adolescents]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24 (3), pp. 8—24. doi:10.17759/cpp.2016240302. (In Russ., abstr. in Engl.).
  9. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa [Practical guide to the psychology of post-traumatic stress]. Saint Petersburg: Piter, 2001. 272 p.
  10. Tukaev R.D. Psikhicheskaya travma i suitsidal'noe povedenie: analiticheskii obzor literatury s 1986 po 2001 gody [Mental trauma and suicidal behavior: review of the literature from 1986 to 2001]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 2003. Vol. 13 (1), pp. 151—163.
  11. Fedunina N.Yu., Bannikov G.S. Svyaz' semeinoi splochnosti i adaptivnosti po oprosniku faces-3 s proyavleniyami sotsial'no-psikhologicheskogo neblagopoluchiya nesovershennoletnikh [Association of family cohesion and adaptation measured by faces-3 scale with psychological wellbeing in adolescence]. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal* [Tyumen Medical Journal], 2016. Vol. 18 (4), pp. 22—35.
  12. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G., Gorshkova D.A., Mel'nik A.M. Suitsidal'noe povedenie v studencheskoi populyatsii [Suicidal behavior in the student population]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2009, no. 3, pp. 101—110. (In Russ., abstr. in Engl.).
  13. Eidemiller E.G., Dobryakov I.V., Nikol'skaya I.M. Semeinyi diagnoz i semeinaya psikhoterapiya. Uchebnoe posobie dlya vrachei i psikhologov. Izd. 2-e, ispr. i dop. [Family diagnosis and family psychotherapy. Handbook for doctors and psychologists. 2nd edition, revised and expanded]. Saint Petersburg: Rech', 2006. 352 p.
  14. Ahookhosh P., Bahmani B., Asgari A., Hassanian Moghaddam H. Family Relationships and Suicide Ideation: The Mediating Roles of Anxiety, Hopelessness, and Depression in Adolescents. *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*, 2017. Vol. 6 (1). Available at: <http://jhrba.com/en/articles/13233.html> (Accessed 20.11.2013). doi:10.5812/ijhrba.31573
  15. Asare-Doku W., Osafo J., Akotia C.S. The experiences of attempt survivor families and how they cope after a suicide attempt in Ghana: a qualitative study. *BMC Psychiatry*, 2017. Vol. 17 (1). doi:10.1186/s12888-017-1336-9

16. Buus N., Caspersen J., Hansen R., Stenager E., Fleischer E. Experiences of parents whose sons or daughters have (had) attempted suicide. *Journal of Advanced Nursing*, 2014. Vol. 70 (4), pp. 823—832. doi:10.1111/jan.12243
17. Cerel J., Jordan J., Duberstein P. The impact of suicide on the family. *Crisis*, 2008. Vol. 29 (1), pp. 38—44. doi:10.1027/0227-5910.29.1.38
18. Daly P. Mothers living with suicidal adolescents: a phenomenological study of their experience. *Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services*, 2005. Vol. 43 (3), pp. 22—28.
19. de Groot M., Kollen B.J. Course of bereavement over 8-10 years in first degree relatives and spouses of people who committed suicide: Longitudinal community based cohort study. *BMJ*, 2013. Vol. 347. Available at: <http://www.bmj.com/content/347/bmj.f5519> (Accessed 15.01.2018). doi:10.1136/bmj.f5519
20. Ferrey A. Hughes N.D, Simkin S., Locock L., Stewart A., Kapur N., Gunnell D., Hawton K. Changes in parenting strategies after a young person's self-harm: a qualitative study. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 2016. Vol.10 (1). doi:10.1186/s13034-016-0110-y
21. Lohan J.A., Murphy S.A. Family functioning and family typology after an adolescent or young adults' sudden violent death. *Journal of Family Nursing*, 2002. Vol. 8 (1), pp. 32—49. doi:10.1177/107484070200800103
22. McGivern F.E. The personal impact of uncompleted suicide on partners: transformations for better, for worse: Doctor of Psychotherapy thesis. Dublin, 2014. 204 p.
23. Rutherford P. An Exploration by Interview of the Feelings of Mothers of Adolescent Children who have attempted Suicide. Dissertation theses ... Master of Arts. London, 2005.
24. Sands D., Tennant M. Transformative learning in the context of suicide bereavement. *Adult Education Quarterly*, 2010. Vol. 60 (2), pp. 99—121. doi:10.1177/0741713609349932
25. Torraville M.A. Adolescent Suicidal Behaviours: A Phenomenological Study of Mothers' Experiences. Dissertation Theses ... Master of Nursing. St. John's Newfoundland, 2000. 92 p.
26. Tousignant M., Hamel S., Bastien M.F. Family structure, parent-child relationships and suicidal behavior in high-school. *Santé mentale au Québec*, 1988. Vol. 13 (2), pp. 79—93.
27. Young I.T., Iglewicz A., Glorioso D., Lanouette N., Seay K., Ilapakurti M., Zisook S. Suicide bereavement and complicated grief. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 2012. Vol. 14 (2), pp. 177—186.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПАТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М.А. КОНИНА*,
ГБУЗ «НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия,
muza-@list.ru

Промискуитет и полная потеря интереса к физиологическому сексу рассмотрены как феномены современной сексуальной культуры, формирующейся в условиях интенсивного развития информационных технологий. Представлены результаты эмпирического исследования связи личностных дисфункциональных установок с проявлениями неограниченного сексуального поведения. Выборка: 50 мужчин, зарегистрированных на сайте знакомств. Методики: опросник оценки социально-сексуальных стратегий (SOI-R), шкала оценки дисфункциональных убеждений при патологии личности (PBQ-SF), опросник выраженности психологического симптоматического статуса (SCL-90-R). Выводы: убеждения о приемлемости промискуитета связаны с зависимым, обсессивно-компульсивным, антисоциальным, шизоидным и параноидным типами личностной патологии. Промискуитет связан с враждебностью и недоверием к людям, в первую очередь, к партнерам в близких межличностных отношениях.

Ключевые слова: патология культуры, неограниченное сексуальное поведение, промискуитет, расстройство личности, сексуальность мужчины.

Для цитаты:

Кони́на М.А. Феноменология и патология современной сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 76—94. doi: 10.17759/cpp.2018260106

* Кони́на Муза Александровна, медицинский психолог, ГБУЗ «НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ», Москва, Россия, e-mail: muza-@list.ru

Патология культуры и феноменология сексуального поведения

Сексуальное для Фрейда — признак любой живой материи. Либи́до понимается как склонность быть живым и воспроизводить жизнь [18, с. 23]. Феномены сексуального поведения становятся формами, в которых человек утверждает свою жизнечность. Феноменология *сексуальной* культуры является знакомым выражением смысловых конфликтов существования человека в социуме и утверждения им себя и своего продолжения.

Феноменология современной *культуры* (и современной сексуальной культуры как ее части) неразрывно связана с постоянным совершенствованием информационных технологий и технологий социокультурной манипуляции [20]. Но если в центре актуальной научной проблематики психологии сексуальности 2000—2010-х годов был процесс влияния информатизации и виртуализации культуры на падение границ в сексуальном поведении, предметом изучения становились феномены вседозволенности — «неограниченного сексуального поведения» (*unrestricted sexual behaviour*) и смежные феномены — проектности, героизации проституции [8; 9; 10; 11], то на пороге 2020-х годов становится все более очевидным, что все эти феномены являются лишь одной из цепочек общего феноменологического поля, где культурные тренды рождаются на границе столкновения символической, интеллектуальной, виртуальной и натуральной, физиологической, реальной составляющих либи́до.

Проблематика асексуальности и потери интереса к физиологическому сексу становится ключевой в больших психологических исследованиях и злободневной публицистике: «У молодых японцев возрастает апатия к сексу. Даже супружеские пары все реже занимаются любовью. ... это уже настолько распространенный феномен, что таких асексуальных мужчин называют “сошоку данши” — то есть “травоядные”, в отличие от “плотоядных”, которым секс все еще интересен» [3, с. 41—42]. Для секса появляются юмористические эпитеты и заголовки, такие как «трение тел» или «...для тех, кто не может найти себе нормальный сериал» [16]. Следуя метафоре Зигмунда Фрейда, открывшего либидозную первооснову душевной жизни человека, его психики как силу, энергию, неуправляемый поток, прорывающийся «коллотеральными путями» при возникновении препятствий в основном русле [21], к началу 21 века русло обжито человеком и поток социально управляем. Разные типы сексуального поведения, включая промискуитет, стали стратегиями социального выбора [9; 11; 25; 26; 27; 28; 29]. К сегодняшнему дню сексуальное поведение теряет первостепенность своей биологической детерминации, дальнейшее усиление социальной регуляции либи́до ставит под угрозу существование секса в его традиционном (в форме взаимодействия телами биологических индивидов *homo sapiens*) виде.

Наступает эпоха суррогатного секса и суррогатных сексуальных партнеров. Главными героями современных романов и кино (и сексуальными партнерами человека) становятся: «сура» — женщина-робот Кая [15]; операционная система Саманта¹ — искусственный интеллект, без своего тела, к которому может по желанию полагаться суррогатный сексуальный партнер (ультра-современная вариация «секса втроем»). Герои, воплотившие феномены современной сексуальности: один вступает в беспорядочные сексуальные контакты и теряет способность совмещать секс с эмоциональным увлечением², другой выбирает виртуального сексуального партнера — искусственный интеллект³. Это идущий по улице человек, произносящий вслух слова, адресованные чипу, встроенному в ухо, напоминает безумца, говорящего с самим собой, среди таких же людей, проходящих мимо, полностью погруженных каждый в свой монитор.

Канадские ученые объявили о наступлении новой эры — виртуального секса, секса с погружением и появлении новой сексуальной ориентации — «цифросексуалов», людей, которые будут удовлетворять свои сексуальные потребности исключительно с помощью технологий виртуальной реальности [27]. Робот-любовник воплощает мечту человека об идеальном партнере, которого можно самостоятельно настроить. Вслед за писателями-футуристами о такой перспективе пишут исследователи Центра прикладной и профессиональной этики Университета Манитобы [27]. «Маниту и этот мир — одно и то же... Если мы перестанем заботиться о Маниту, Маниту перестанет заботиться о нас. Иссякнет свет Маниту. И тогда угаснет не только солнце, погаснут все экраны... А потом кончатся маниту и в кошельках у их пап и мам» [15, с. 409—410]. Маниту (*manitou*) — так обозначил главный символ (дух) современной культуры Виктор Пелевин по аналогии со словами близкими по звучанию: монитор (*monitor*) и «мани» (*money*/деньги), показав неразрывную связь мегапотребления и постоянной сверхстимуляции психической активности.

Беспорядочный секс и беспорядочное потребление есть суть одного процесса [20]. Продолжается героическое шествие «стимуляторов» сексопотребления — проституток, порноактрис. Брук Магнанти — доктор медицинских наук, она же знаменитая лондонская проститутка, Бель де Жур стала известна благодаря своему блогу, книге и телесериалу, снятому по мотивам дневниковых записей о рабочих буднях «девочки по вызову» [4]. История студентки МГИМО Ангелины Дорошенковой, променявшей учебу в престижном вузе на «порно карьеру», до сих пор выпадает первой ссылкой в поиске google по запросу «студентка МГИМО» [1].

---

¹ Художественный фильм «Она» (2013).

² Художественный фильм «Стыд» (2011).

³ Художественный фильм «Она» (2013).

Потребление исключает эмоциональную близость. Сексуальный партнер становится знаковым выражением финансовой состоятельности и осмысливается по аналогии с дорогим автомобилем: «Мне кажется, что промискуитет — как все равно, что ездить на пяти машинах. У меня в Италии две машины. Мне было бы лень иметь пять машин» [6]. Промискуитет не является проституцией в узком смысле, однако начинает стираться грань между свободным и несвободным (для заработка) выбором сексуального поведения.

Тогда тело человека, призванное символизировать роскошный товар, должно быть вечно цветущим, юным, красивым и бессмертным. Пластическая хирургия является частью современной культуры мегапотребления, отрицающей смерть как часть человеческой природы: ... «лица у них не помолодевшие, а какие-то как лица роботов, как нечеловеческие лица. Так что это даже не про гендерную привлекательность, не про возраст, а просто про стремление перейти в какое-то другое качество» [5].

Современная сексуальная культура безгранична: от выбора вида/рода сексуального партнера (канадские ученые предполагают, что использование секс-роботов или кукол в ближайшем будущем станет статистической нормой [27]), сексуальной ориентации партнера или собственной (медицина отказалась от понимания однополой ориентации как патологии [2]) до выбора возраста (одобряются манипуляции с возрастными телесными изменениями) и пола (человеку предоставляется сделать социальный выбор вне зависимости от биологического соответствия; в современной сексологии вводятся соответствующие для этой задачи термины: «пол, приписанный при рождении» и «ассоциированный пол»). В 2016 году представители Всемирной Психиатрической Ассоциации официально заявили о существовании реальной необходимости в переходе к недвойной гендерной идентичности [2, с. 294] — человечество стоит на пороге отмены биологической основы пола.

Сравнение списка сексуальных девиаций действующего классификатора МКБ-10 с аналогичным — проекта МКБ-11 — выявляет тенденцию к нормированию девиаций путем исключения части их из списка патологий. Пресыщение идет как в физической реальности (промискуитет, доступность любого сексуального партнера и формы сексуального контакта, при взаимном желании), так и в реальности виртуальной — это множественные отношения одновременно с десятками, сотнями, тысячами сексуальных партнеров. Сайты знакомств и порноиндустрия поддерживают суррогатное эмоциональное и сексуальное удовлетворение. Сексуальная неограниченность и потеря интереса к сексу на противоположном полюсе становится частью культуры «визуально пресыщенных людей» [15, с. 369]. «Специфическая функция культуры заключается в возможности удовлетворения потребности перенесением действия в

символический пласт. Опосредованное удовлетворение позволяет расширить возможности человека за счет ускорения этого удовлетворения («оргазма»), однако при этом лишая человека самостоятельного усилия, а его действия — реальности, превращая процесс и результат этого действия в символический суррогат» [20, с. 24].

Однако при тенденции к полной свободе, как в выборе субъекта для секса, так и способа сексуального контакта с ним, происходит усиление социального нормирования сексуального поведения через принятие законов, регулирующих половые контакты. Получение согласия партнеров на половой акт законодательно утверждено в Швеции (причем данный закон будет распространяться не только на случайные половые контакты, но и на супружеские пары) [31], вызвал бурные дискуссии в интернет-сетях. Куда ведет жесткая законодательная регуляция, хорошо описано в романе Пелевина «S.N.U.F.F.», где «возраст согласия» сексуальных партнеров достиг 46 лет и продолжает расти при доступности суррогата педофилии; а также в фильме «Лобстер», где любая социальная регуляция сексуальной жизни ведет к физическому истреблению человека⁴.

«Все было устроено для того, чтобы мы спали с манекенами и размножались только через пробирку... Работа шла по двум направлениям — сделать это законным и одновременно криминализировать почти все естественные сексуальные действия, даже интенции одного живого человека по отношению к другому» [14, с. 51]. И далее там же: «Вам, господа, никто не мешает заниматься телесным сексом друг с другом... Но вы должны соблюдать законы и понимать, что многим в современном обществе такое поведение кажется мерзким и оскорбительным».

Человек теряет свою биологическую, натуральную первооснову, это происходит как на уровне сексуальных отношений, так и на уровне собственного тела. Потеря биологической первоосновы ведет к потере либидо как жизненной сущности. Одним из феноменов современной сексуальной культуры является неограниченное сексуальное поведение, причем если в узком смысле происходит отмена ограничений на количество сексуальных связей, то в широком смысле речь идет о переходе на внетелесные, виртуальные, суррогатные, знаковые формы секса, об отвержении биологической первоосновы на уровне биологического тела.

В российской психологии, тесно связанной с традициями культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, всегда большое значение уделялось исследованию культуральных факторов. Патологическому влиянию современной информационной культуры на психику человека посвящены исследования А.Ш. Тхостова, выдвинувшего концепцию

⁴ Художественный фильм «Лобстер» (2015).

формирования особых форм дезадаптации, связанных с нерациональным использованием человеком технологий современной культуры [20]. Информационные технологии провоцируют субъекта к пассивному удовлетворению потребностей путем перенесения действия в символический пласт (например, просмотр порно вместо реального сексуального контакта). Скорость удовлетворения потребности повышается, однако сам процесс действия и его результат представляют собой суррогат и ведут к формированию инфантилизма, к нарушениям идентичности, снижению способности прилагать усилия в деятельности. Макросоциальные факторы выделены в отдельный уровень многофакторной психосоциальной модели А.Б. Холмогоровой и Н.Г. Гаранян, таким образом, подчеркивается влияние культуры в формировании психопатологической симптоматики [22].

Сексуальная культура является той макросоциальной средой, в которой оформляются те или другие стратегии сексуального поведения. Неограниченное сексуальное поведение поддерживается современной культурой и является феноменом современной культуры. Поэтому представляется важным изучение связи выбора такой стратегии с современной культурой, с убеждениями современного человека о нормальности и приемлемости неограниченного сексуального поведения.

Эмпирическое исследование патологии личности и психопатологии у мужчин с неограниченным сексуальным поведением

Неограниченное сексуальное поведение (сюда включают раннее начало половой жизни, беспорядочные половые связи и частую смену сексуальных партнеров) как стратегия сексуального поведения попадает в фокус зарубежных популяционных исследований с конца прошлого века [25; 26; 28; 29; 30; 32; 33 и др.]. В России до 2010-х гг. исследования промискуинного сексуального поведения были единичны и проводились в узкоспециализированных выборках. Соколова Е.Т., Ильина С.В., Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. изучали различные факторы проституции [17; 12], Максимов М.А., Холмогорова А.Б. — пограничные черты в выборке гомосексуалов [13].

В широкой популяционной выборке неограниченное сексуальное поведение впервые исследовали Конина М.А., Холмогорова А.Б. в 2014 г.: в 2014—2016 гг. представлены данные о распространенности такого поведения в российской популяции [9], исследована связь неограниченного сексуального поведения с факторами пограничной патологии [11], изучены половозрастные аспекты промискуинного поведения [8].

Была подтверждена гипотеза о высокой распространенности неограниченного сексуального поведения в российской популяции — 16,7% от общего числа опрошенных (N=492, пользователи российского интернета) [9]. Было установлено, что пол не является фактором выбора промискуинной стратегии: т. е. у российских женщин количество сексуальных партнеров не сильно отличается от того же параметра у обследованных мужчин [8; 9]. Были получены данные о том, что с возрастом стратегии неограниченного сексуального поведения закрепляются, промискуитет не является феноменом юношеского возраста, связанным с поиском и установлением своей сексуальной идентичности [8; 11]. Была выдвинута и опровергнута гипотеза о значимой связи стратегий неограниченного сексуального поведения с пограничными чертами личности [11], в связи с чем возникли гипотезы о связи неограниченного сексуального поведения с другими типами личностных патологий, представленных через дисфункциональные убеждения.

Неограниченное сексуальное поведение связано с совершенствованием информационных технологий, поддерживается современной культурой и является феноменом современной культуры, свидетельствующим о ее патологичности.

Были выдвинуты две **гипотезы**: 1) о наличии связей между проявлениями неограниченного сексуального поведения и дисфункциональными убеждениями, характеризующими патологию личности; 2) о наличии связей между проявлениями неограниченного сексуального поведения и симптомами психической патологии. Через обнаружение этих связей можно установить патологию современной сексуальной культуры.

Метод

Выборка. В исследовании приняли участие 50 мужчин, зарегистрированных на сайте знакомств *tamba.ru*. Отбор испытуемых проходил по признаку наличия 5 сексуальных партнеров за последний год. Обследование прошли мужчины в возрасте от 22 до 57 лет (средний возраст 33,8 лет), среди которых преобладали люди, имеющие высшее и неполное высшее образование (84%). Респонденты были обследованы очно.

Методики. Были использованы следующие методики. Опросник оценки социально-сексуальных стратегий (SOI-R), апробированный в российской выборке в 2014 г. Кониной М.А., Холмогоровой А.Б. [7; 9; 11; 29]. Шкала оценки дисфункциональных убеждений при патологии

личности (PBQ-SF) [23]. Опросник выраженности психологического симптоматического статуса (SCL-90-R) в адаптации Тарабриной Н.В. [19; 24].

Результаты

Согласно результатам по опросникам оценки дисфункциональных убеждений при патологии личности (PBQ-SF) и выраженности психопатологического симптоматического статуса (SCL-90), в исследуемой выборке показатели психопатологии соответствуют нормальным, тогда как показатели по шкалам личностной патологии превышают аналогичные в выборке здоровых людей, а по некоторым из шкал превышают аналогичные в выборке пациентов клиники с диагностированными расстройствами личности (табл. 1)⁵.

Таблица 1
Средние показатели выраженности типов личностной патологии
в разных группах

Типы личностной патологии (PBQ-SF)	M (SD)		
	Российские мужчины с неограниченным сексуальным поведением (N=50)	Американские пациенты с расстройством личности соответствующего типа	Психически здоровые американцы
Избегающий	11,97 (5.64)	15,05 (5.47) N=79	7,05 (5.27)
Зависимый	8,32 (4.10)	14,08 (6.90) N=26	4,69 (5.28)
Пассивно-агрессивный	14,00 (5.22)	нет данных	нет данных
Обсессивно-компульсивный	<u>16,73 (5.51)</u>	12,81 (7.23) N=58	8,14 (6.23)
Антисоциальный	14,23 (5.63)	нет данных	нет данных
Нарциссический	<u>11,89 (6.39)</u>	8,00 (5.87) N=26	2,14 (3.19)
Гистрионный	11.35 (5.76)	нет данных	нет данных
Шизоидный	16.57 (4.95)	нет данных	нет данных
Параноидный	<u>13.49 (5.67)</u>	13.00 (7.13) N=27	4.51(4.88)
Пограничный	8.64 (4.22)	нет данных	нет данных

⁵ Данные для сравнения по группам нормы и патологий личности разных типов цит. по: *Butler A., Beck A., Cohen L.* The Personality Belief Questionnaire-Short Form: Development and Preliminary Findings. Springer Science+Business Media, Inc., 2006. P. 357—370.

Показатели личностной патологии по всем доступным для сравнения шкалам среди российских мужчин с промискуинным сексуальным поведением превышают аналогичные показатели в группе нормы. По шкалам обсессивно-компульсивного, нарциссического и параноидного типа дисфункций показатели среди российских мужчин выше аналогичных показателей в группе пациентов американской клиники с диагностированными расстройствами личности соответствующих типов.

Связи показателей неограниченного сексуального поведения по шкалам опросника оценки социально-сексуальных стратегий SOI-R с показателями выраженности личностной патологии по шкале PBQ-SF отражены в табл. 2.

Таблица 2

**Значения коэффициентов корреляции между показателями
опросников PBQ-SF и SOI-R (N=50)**

Типы личностной патологии (PBQ-SF)	Коэффициент корреляции Спирмена			
	Социально-сексуальные стратегии (SOI-R)			
	Сексуальное поведение	Сексуальные убеждения	Сексуальные предпочтения	Индекс социаль- но-сексуальных стратегий
Зависимый	0,12	0,37**	0,01	0,19
Обсессивно- компульсивный	-0,15	0,31*	-0,05	0,08
Антисоциальный	0,16	0,38**	0,14	0,29*
Шизоидный	-0,02	0,36**	0,08	0,21
Параноидный	0,10	0,32*	0,12	0,24

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$

Статистически достоверные корреляции выявлены между убеждениями о приемлемости неограниченного сексуального поведения и личностной патологией зависимого, обсессивно-компульсивного, антисоциального, шизоидного и параноидного типов. Также выявлена статистически значимая корреляция общего индекса социально-сексуальных стратегий с личностной патологией антисоциального типа.

Таким образом, мужчины, убежденные в допустимости и нормальности промискуинного поведения, как правило, могут иметь убеждения, свойственные:

— зависимому типу личностной патологии (например: «Я нуждаюсь в других людях, чтобы они помогли мне принимать решения или говорили, что делать», «Я беспомощен, если остаюсь один», «Мне нужно, чтобы рядом всегда был кто-то, кто помогал бы мне выполнять то, что мне нужно сделать, а также на случай, если произойдет что-то плохое»);

— обсессивно-компульсивному типу (например: «Недостатки, дефекты и ошибки невыносимы», Детали крайне важны», «Важно все делать идеально», «Необходимо всегда придерживаться высочайших стандартов, иначе все может развалиться»);

— антисоциальному типу (например: «Я должен делать все, чтобы избежать наказания», «Жизнь — это джунгли, в которых выживает сильнейший», «Если я хочу чего-то, то должен сделать что угодно, чтобы получить это», «Если я не буду притеснять других людей, то они будут мною помыкать», «Лучший способ добиться своего — это применить силу или хитрость»);

— шизоидному типу (например: «Мне нравится все делать самому, нежели вместе с другими людьми», «Взаимоотношения с людьми слишком запутаны и ограничивают мою свободу», «Для меня важно быть свободным и независимым от окружающих», «Во многих ситуациях мне лучше, чтобы меня оставили одного»);

— параноидному типу (например: «Если я не буду бдителен, окружающие постараются использовать меня или будут манипулировать мною», «У других имеются скрытые мотивы», «Другие люди будут намеренно унижать меня», «Если другие люди получают информацию обо мне, то они будут использовать ее против меня»).

Из всех описанных выше характеристик складывается портрет современного мужчины, проживающего в России и склонного к неограниченному сексуальному поведению.

Корреляции симптоматических показателей психической патологии с показателями неограниченного сексуального поведения представлены в табл. 3.

Таблица 3

Значения коэффициентов корреляции между показателями опросников SCL-90-R и SOI-R (N=50)

Шкалы SCL-90-R	Коэффициент корреляции Спирмена			
	Социально-сексуальные стратегии (SOI-R)			
	Сексуальное поведение	Сексуальные убеждения	Сексуальные предпочтения	Индекс социально-сексуальных стратегий
Враждебность	0,35*	0,15	0,09	0,23
Параноидное мышление	0,2	0,19	0,22	0,29*
Индекс интенсивности психопатологических проявлений	0,28*	0,19	0,18	0,29*

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$

В наибольшей степени с выраженностью неограниченного сексуального поведения связана шкала враждебности. Это означает, что чем более у респондентов выражены проявления негативного аффективного состояния злости в отношении других людей, тем выше у них уровень неограниченного сексуального поведения. Установлены связи между общим индексом социально-сексуальных стратегий и показателем по шкале параноидного мышления. Это означает, что чем в большей степени у мужчин выражена подозрительность и чувство собственной неполноценности, тем в большей степени такие мужчины склонны придерживаться стратегий сексуальной неограниченности.

Выявлены статистически значимые связи между показателями сексуального поведения и общим индексом социально-сексуальных стратегий с одним из общих показателей уровня психопатологической симптоматики. Это значит, что чем в большей степени у респондентов выражена психопатологическая симптоматика, тем в большей степени они склонны придерживаться стратегий неограниченного сексуального поведения.

Обсуждение результатов

Неограниченное сексуальное поведение было представлено как феномен современной культуры, свидетельствующий о ее патологичности. В выборке мужчин, придерживающихся таких стратегий, были установлены высокие баллы по шкалам личностной патологии. По некоторым из шкал (обсессивно-компульсивная, нарциссическая, параноидная) выраженность симптоматики превышает аналогичные показатели в выборке пациентов с диагностированными расстройствами личности, что свидетельствует о том, что промискуинное сексуальное поведение предпочитают люди с выраженной личностной патологией.

Были выявлены связи выраженности убеждений о приемлемости неограниченного сексуального поведения с выраженностью личностной патологии зависимого, обсессивно-компульсивного, антисоциального, шизоидного и параноидного типов. Таким образом, подтвердилась гипотеза о связи показателей неограниченного сексуального поведения с выраженностью личностной патологии.

Можно констатировать, что убеждения о приемлемости неограниченного сексуального поведения связаны с целой системой дисфункциональных убеждений, характеризующих личность как патологическую. Мужчину, убежденного в приемлемости неограниченного сексуального

поведения, можно описать как постоянно нуждающегося в одобрении, поддержке, силе (шкала расстройств зависимого типа), задающего высокие стандарты и крайне нетерпимого к изъянам и дефектам (шкала расстройства обсессивно-компульсивного типа), идущего к своим целям любыми способами, ведь все в этом мире устроено «по законам джунглей» (шкала расстройства антисоциального типа). Для такого мужчины высока ценность независимости и свободы, близкие отношения с людьми для него обременительны, а одиночество более приемлемо, нежели попытки вторжения в его личное пространство (шкала расстройства шизоидного типа), он не доверяет людям, ожидает, что они могут скрывать от него свои истинные мотивы, использовать и унижать (шкала расстройства параноидного типа).

Показатели параноидного мышления (SCL-90) также коррелируют со шкалой сексуального поведения (SOI-R). Можно говорить о том, что рост недоверия и подозрительности к партнеру, неуверенности в себе связан с принятием приемлемости промискуитета как на уровне убеждений, так и в поведении. Связи параноидного мышления (ожидание враждебности от окружающих, восприятие партнера как враждебного) и собственной агрессивности (проявляющейся в раздражении, вспышках гнева и других агрессивных импульсах) с показателями неограниченного сексуального поведения — это две связи, образующие одну систему: они могут, усиливая друг друга, с одной стороны, поддерживать постоянную неудовлетворенность собой и партнером в отношениях, с другой — приводить к прерыванию прежних контактов и поиску новых.

Выявлены статистически значимые связи между показателями сексуального поведения и интенсивностью психопатологической симптоматики. Таким образом, гипотеза о связи между показателями неограниченного (промискуитного) сексуального поведения и показателями психической патологии подтвердилась. Показатель интенсивности психопатологической симптоматики (PSDI) включает все симптоматические шкалы опросника SCL-90, и связь этого показателя с показателем стратегий неограниченности сексуального поведения (общим индексом по шкале SOI-R) является принципиально значимой в рамках данного исследования. Если расстройство личности, как показали выявленные в нашем исследовании связи, может быть обнаружено через убеждения о приемлемости неограниченного сексуального поведения (поскольку связаны с выраженностью ряда дисфункциональных убеждений, характеризующих личность как патологическую), то промискуитет оказывается «лакмусовой бумажкой» психопатологии, одним из возможных ее симптомов на уровне стратегий поведения.

Выводы

Феноменология современной сексуальной культуры неразрывно связана с постоянным совершенствованием информационных технологий и влиянием информатизации и виртуализации на падение границ в сексуальном поведении. Феномены неограниченного сексуального поведения рождаются на границе столкновения символической, интеллектуальной, виртуальной и натуральной, физиологической, реальной составляющих либидо. Среди них такие, как проектность, героизация проституции, порнозависимость, переход на внетелесные, виртуальные, суррогатные, знаковые формы секса, отвержение натуральной первоосновы секса на уровне биологического тела. Неограниченное сексуальное поведение поддерживается современной культурой и указывает на ее патологичность.

Полученные в эмпирическом исследовании данные представляют феномен неограниченного сексуального поведения в виде системы, где убеждения о приемлемости промискуитета связаны с дисфункциональными убеждениями, которые выражаются в современной культуре через обсессивно-компульсивные, антисоциальные, шизоидные и параноидные черты; а промискуитет — с массовой патологизацией психики, что проявляется в целом наборе симптомов, среди которых на первый план выходят враждебность и недоверие к людям, в том числе и в первую очередь к партнерам в близких межличностных отношениях. Наличие связей между проявлениями неограниченного сексуального поведения и дисфункциональными убеждениями, характеризующими патологию личности, а также симптомами психической патологии свидетельствует о патологичности современной сексуальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова О.* Студентка МГИМО стала известной в Европе порномоделью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26410.4/3284825/> (дата обращения: 25.02.2018).
2. Заявление о позиции ВПА в отношении гендерной идентичности и однополой ориентации, влечения и поведения [Электронный ресурс] // *World Psychiatry (на русском)*. 2016. Т. 15. № 3. С. 294—295. URL: <http://psychiatr.ru/magazine/wra/80/1034> (дата обращения: 25.02.2018).
3. *Зимбардо Ф., Коломбе Н.* Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 343 с.
4. Интервью с Брук Магнанти [Электронный ресурс] // *Сноб*. 2010. № 1—2 (16). URL: <https://snob.ru/magazine/entry/11937?v=1456319172> (дата обращения: 25.02.2018).

5. *Кони́на М.А.* Перверсии и феномены сексуальной культуры. Интервью с Эстеллой В. Уэлдон [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psypublic.com/articles/245/> (дата обращения: 25.02.2018).
6. *Кони́на М.А.* Промискуитет в культуре потребления. Интервью с Леонидом Кролем [Электронный ресурс]. URL: <http://psypublic.com/articles/242/> (дата обращения: 25.02.2018).
7. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности (PBQ-BPD): адаптация для русскоязычной выборки // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 126—143. doi:10.17759/cpp.2016240308
8. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Половозрастные аспекты неограниченного сексуального поведения в современной культуре // Горизонты зрелости. Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 157—164.
9. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Стратегии сексуального поведения в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2015. № 1. С. 61—70. doi:10.17759/chp.2015110108
10. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Феномен неограниченного сексуального поведения в историческом контексте разных типов сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 3. С. 119—140.
11. *Кони́на М.А., Холмогорова А.Б.* Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры и патология личности // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2. С. 88—118.
12. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Проституция: психология, психотерапия. М.: Институт консультирования и системных решений, 2013. 248 с.
13. *Максимов А.М., Холмогорова А.Б.* Социальные и психологические аспекты феномена мужской проституции в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 80—89.
14. *Пелевин В.О.* iPhuck 10. М.: Эксмо, 2017. 416 с.
15. *Пелевин В.О.* S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2014. 512 с.
16. *Санаева П.* Обойдемся без трения тел [Электронный ресурс] // Сноб. 17.01.18. URL: <https://snob.ru/profile/28443/blog/133389> (дата обращения: 25.02.2018).
17. *Соколова Е.Т., Ильина С.В.* Роль эмоционального опыта жертв насилия для самоидентичности женщин, занимающихся проституцией // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 70—81.
18. *Столлер Р.Дж.* Перверсия: эротическая форма ненависти: пер. с англ. Ижевск: ERGO, 2016. 220 с.
19. *Тарабина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
20. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Культура и патология: побочные эффекты социализации // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 20—27.
21. *Фрейд З.* Психоанализ и теория сексуальности: пер. с нем. 2-е изд. Минск: Попурри, 2010. 608 с.

22. Холмогорова А.Б., Гараян Н.Г. Многофакторная модель депрессивных, тревожных и соматоформных расстройств как основа их интегративной психотерапии // Социальная и клиническая психиатрия, 1998. № 1. С. 94—102.
23. Butler A., Beck A., Cohen L. The personality belief questionnaire-short form: Development and preliminary findings // Cognitive Therapy and Research. 2007. Vol. 31 (3). P. 357—370. doi:10.1007/s10608-006-9041-x
24. Derogatis L.R., Rickels K, Rock A.F. The SCL-90 and the MMPI: a step in the validation of a new self-report scale // The British Journal of Psychiatry. 1976. Vol. 128 (3). P. 280—289. doi:10.1192/bjp.128.3.280
25. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. 804 p.
26. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard E. Sexual behavior in the human female. Philadelphia: Saunders, 1953. 842 p.
27. McArthur N., Twist M.L.C. The rise of digisexuality: Therapeutic challenges and possibilities // Sexual and Relationship Therapy. 2017. Vol. 32 (3—4). P. 334—344. doi:10.1080/14681994.2017.1397950
28. Penke L., Asendorpf J.B. Beyond global sociosexual orientations: a more differentiated look at sociosexuality and its effects on courtship and romantic relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95 (5). P. 11—13. doi:10.1037/0022-3514.95.5.1113
29. Penke L. SOI-R-Revidiertes soziosexuelles Orientierungsvinventar // Psychologische und sozialwissenschaftliche Kurskalen / C.J. Kemper, E. Brähler, M. Zenger (eds.). Berlin: Medizinisch-Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2013. P. 283—291.
30. Schmitt D.P. Sociosexuality from Argentina to Zimbabwe: A 48-nation study of sex, culture, and strategies of human mating // Behavioral and Brain Sciences. 2005. Vol. 28 (2). P. 247—275. doi:10.1017/S0140525X05000051
31. Sweden plans change in law to require explicit consent before sexual contact [Электронный ресурс] // The Guardian. 21.12.2017 URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/20/sweden-to-move-burden-of-proof-in-rare-cases-from-claimant-to-the-accused-explicit-consent> (дата обращения: 02.03.2018).
32. Westerlund M., Santtila P., Johansson A., Varjonen M., Witting K., Jern P., Alanko K., Sandnabba N.K. Does unrestricted sociosexual behavior have a shared genetic basis with sexual coercion? // Psychology, Crime & Law. 2010. Vol. 16 (1—2). P. 5—23. doi:10.1080/10683160802621925
33. Yost M.R., Zurbriggen E.L. Gender differences in the enactment of sociosexuality: an examination of implicit social motives, sexual fantasies, coercive sexual attitudes, and aggressive sexual behavior // Journal of Sex Research. 2006. Vol. 43 (2). P. 163—173. doi:10.1080/00224490609552311

PHENOMENOLOGY AND PATHOLOGY OF MODERN SEXUAL CULTURE

M.A. KONINA*,

Sukhareva Center for Scientific and Applied Research of the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow Health Department, Moscow, Russia, muza-@list.ru

Promiscuity and complete loss of interest in physiological sex are considered as phenomena of modern sexual culture that are formed by intensively emerging technologies. We present the results of the empiric study of the relationship between personal dysfunctional attitudes (traits) and manifestations of unrestricted (promiscuous) sexual behavior. Sample: 50 men with profiles on a dating website. Methods: revised Sociosexual Orientation Inventory (SOI-R), short version of the Personality Beliefs Questionnaire (PBQ-SF), Symptom Checklist-90 Revised (SCL-90-R). Conclusions: convictions on the acceptance of promiscuity are linked to dependent, obsessive-compulsive, antisocial, schizoid and paranoid personality disorders. Promiscuity is related to hostility and distrust in people, first of all, in intimate partners.

Keywords: culture pathology, unrestricted sexual behavior, promiscuity, personality disorder, male sexuality.

REFERENCES

1. Aleksandrova O. Studentka MGIMO stala izvestnoi v Evrope pornomodel'yu [Elektronnyi resurs] [A MGIMO student became a well-known pornographic model in Europe]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26410.4/3284825/> (Accessed 25.02.2018).
2. Zayavlenie o pozitsii VPA v otnoshenii gendernoi identichnosti i odnopoloi orientatsii, vlecheniya i povedeniya [Elektronnyi resurs] [Statement on the position of the WPA regarding gender identity and same-sex orientation, inclination and behavior]. *World Psychiatry*, 2016. Vol. 15 (3), pp. 294—295. Available at: <http://psychiatr.ru/magazine/wpa/80/1034> (Accessed 25.02.2018). (In Russ.).
3. Zimbardo P., Coulombe N. Muzhchina v otrывe: igry, porno i poterya identichnosti [Man disconnected: How technology has sabotaged what it means to be male]. Moscow: Al'pina Publ., 2017. 343 p. (In Russ.).

For citation:

Konina M.A. Phenomenology and Pathology of Modern Sexual Culture. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 76—94. doi: 10.17759/cpp.2018260106. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Konina Muza Aleksandrovna, Clinical psychologist, Sukhareva Center for Scientific and Applied Research of the Mental Health of Children and Adolescents, Moscow Health Department, Moscow, Russia, e-mail: muza-@list.ru

4. Interv'yu s Bruk Magnanti [Elektronnyi resurs] [Interview with Brooke Magnanti]. *Snob* [*Snob*], 2010, no. 1—2 (16). Available at: <https://snob.ru/magazine/entry/11937?v=1456319172> (Accessed 25.02.2018).
5. Konina M.A. Perversii i fenomeny seksual'noi kul'tury. Interv'yu s Esteloi V. Ueldon [Elektronnyi resurs] [Perversions and the phenomena of sexual culture. Interview with Estela V. Wellton]. Available at: <http://www.psypublic.com/articles/245/> (Accessed 25.02.2018).
6. Konina M.A. Promiskuitet v kul'ture potrebleniya. Interv'yu s Leonidom Krolem [Elektronnyi resurs] [Promiscuity in the culture of consumption. Interview with Leonid Krol]. Available at: <http://psypublic.com/articles/242/> (Accessed 25.02.2018).
7. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Oprosnik disfunktsional'nykh ubezhdenii pri pogranichnom rasstroistve lichnosti (PBQ-BPD): adaptatsiya dlya russkoyazychnoi vyborki [The Personality Beliefs Questionnaire in Borderline Personality Disorder (PBQ-BPD): Adaptation for Russian-speaking selection]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [*Counseling Psychology and Psychotherapy*], 2016. Vol. 24 (3), pp. 126—143. doi:10.17759/cpp.2016240308. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Polovozrastnye aspekty neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v sovremennoi kul'ture [Sex and age aspects of unlimited sexual behavior in modern culture]. *Gorizonty zrelosti. Sbornik tezisov uchastnikov Pyatoj vsrossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya* [*Horizons of maturity. Conference proceedings of the 5th All-Russian scientific and practical conference on developmental psychology*]. Moscow: GBOU VPO MGPPU, 2015, pp. 157—164.
9. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Strategii seksual'nogo povedeniya v sovremennoi kul'ture. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [*Cultural-Historical Psychology*], 2015, no. 1, pp. 61—70. doi:10.17759/chp.2015110108. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v istoricheskom kontekste raznykh tipov seksual'noi kul'tury. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [*Counseling Psychology and Psychotherapy*], 2014, no. 3, pp. 119—140. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Konina M.A., Kholmogorova A.B. Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v sovremennom obshchestve: patologicheskie tendentsii kul'tury i patologiya lichnosti [The phenomenon of unrestricted sexual behavior in modern society: pathological culture tendency or personality pathology?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [*Counseling Psychology and Psychotherapy*], 2014, no. 2, pp. 88—118. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. Prostitutsiya: psikhologiya, psikhoterapiya [Prostitution: psychology, psychotherapy]. Moscow: Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii, 2013. 248 p.
13. Maksimov A.M., Kholmogorova A.B. Sotsial'nye i psikhologicheskie aspekty fenomena muzhskoi prostitutsii v sovremennoi kul'ture [Social and psychological aspects of a phenomenon of man's prostitution in modern culture]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [*Cultural-Historical Psychology*], 2011, no. 1, pp. 80—89. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Pelevin V.O. iPhuck 10. Moscow: Eksmo, 2017. 416 p.

15. Pelevin V.O. S.N.U.F.F. Moscow: Eksmo, 2014. 512 p.
16. Sanaeva P. Oboidemsa bez treniya tel [Elektronnyi resurs] [We can do without friction of the bodies]. *Snob* [Snob], 17.01.18. Available at: <https://snob.ru/profile/28443/blog/133389> (Accessed 25.02.2018).
17. Sokolova E.T., Il'ina S.V. Rol' emotsional'nogo opyta zhertv nasiliya dlya samoidentichnosti zhenshchin, zanimayushchikhsya prostitutsieĭ [The role of emotional experience of victims of violence for the self-identity of women engaged in prostitution]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2000. Vol. 21 (5), pp. 70—81.
18. Stoller R.J. Perversiya: eroticheskaya forma nenavisti [Perversion: the erotic form of hatred]. Izhevsk: ERGO, 2016. 220 p. (In Russ.).
19. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa. Saint Petersburg: Piter, 2001. 272 p.
20. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Kul'tura i patologiya: pobochnye efekty sotsializatsii [Culture and pathology: the side effects of socialization]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2006, no. 1(1), pp. 20—27.
21. Freud S. Psikhoeanaliz i teoriya seksual'nosti. 2-e izd. [Psychoanalysis and theory of sexuality. 2nd ed.]. Minsk: Popurri, 2010. 608 p. (In Russ.).
22. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Mnogofaktornaya model' depressivnykh, trevozhnykh i somatoformnykh rasst roĭstv kak osnova ikh integrativnoĭ psikhoterapii [Multiple factor model of depressive, disturbing and somato formnykh of frustration as fundamentals of their integrative psychotherapy]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya* [Social and clinical psychiatry], 1998, no. 1, pp. 94—102.
23. Butler A., Beck A., Cohen L. The personality belief questionnaire-short form: Development and preliminary findings. *Cognitive Therapy and Research*, 2007. Vol. 31 (3), pp. 357—370. doi:10.1007/s10608-006-9041-x
24. Derogatis L.R., Rickels K., Rock A.F. The SCL-90 and the MMPI: a step in the validation of a new self-report scale. *The British Journal of Psychiatry*, 1976. Vol. 128 (3), pp. 280—289. doi:10.1192/bjp.128.3.280
25. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. 804 p.
26. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard E. Sexual behavior in the human female. Philadelphia: Saunders, 1953. 842 p.
27. McArthur N., Twist M.L.C. The rise of digisexuality: Therapeutic challenges and possibilities. *Sexual and Relationship Therapy*, 2017. Vol. 32 (3—4), pp. 334—344. doi:10.1080/14681994.2017.1397950
28. Penke L., Asendorpf J.B. Beyond global sociosexual orientations: a more differentiated look at sociosexuality and its effects on courtship and romantic relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95 (5), pp. 11—13. doi:10.1037/0022-3514.95.5.1113
29. Penke L. SOI-R-Revidiertes soziosexuelles Orientierungsinventar. In C.J. Kemper, E. Brähler, M. Zenger (eds.). *Psychologische und sozialwissenschaftliche Kurskalen*. Berlin: Medizinisch-Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2013, pp. 283—291.
30. Schmitt D.P. Sociosexuality from Argentina to Zimbabwe: A 48-nation study of sex, culture, and strategies of human mating. *Behavioral and Brain Sciences*, 2005. Vol. 28 (2), pp. 247—275. doi:10.1017/S0140525X05000051

31. Sweden plans change in law to require explicit consent before sexual contact [Elektronnyi resurs]. *The Guardian*, 21.12.2017 Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/20/sweden-to-move-burden-of-proof-in-rape-cases-from-claimant-to-the-accused-explicit-consent> (Accessed 02.03.2018).
32. Westerlund M., Santtila P., Johansson A., Varjonen M., Witting K., Jern P., Alanko K., Sandnabba N.K. Does unrestricted sociosexual behavior have a shared genetic basis with sexual coercion? *Psychology, Crime & Law*, 2010. Vol. 16 (1–2), pp. 5–23. doi:10.1080/10683160802621925
33. Yost M.R., Zurbriggen E.L. Gender differences in the enactment of sociosexuality: an examination of implicit social motives, sexual fantasies, coercive sexual attitudes, and aggressive sexual behavior. *Journal of Sex Research*, 2006. Vol. 43 (2), pp. 163–173. doi:10.1080/00224490609552311

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ
RESEARCH REVIEWS

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ В КОРРЕКЦИИ ДЕПРЕССИВНЫХ И ТРЕВОЖНЫХ НАРУШЕНИЙ ПОСЛЕ ИНСУЛЬТА

Д.А. ЗАХАРЧЕНКО*,
ФГБУ «Национальный медико-хирургический центр
имени Н.И. Пирогова», Москва, Россия,
d.a.zaharchenko@gmail.com

С.С. ПЕТРИКОВ**,
ГБУЗ «НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского»,
Москва, Россия,
korrida@mail.ru

Для цитаты:

Захарченко Д.А., Петриков С.С. Возможности применения когнитивно-поведенческой терапии в коррекции депрессивных и тревожных нарушений после инсульта // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 95—111. doi: 10.17759/cpp.2018260107

* *Захарченко Дарья Александровна*, медицинский психолог, ФГБУ «Национальный медико-хирургический центр имени Н.И. Пирогова», Москва, Россия, e-mail: d.a.zaharchenko@gmail.com

** *Петриков Сергей Сергеевич*, доктор медицинских наук, профессор РАН, директор, ГБУЗ «НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского», Москва, Россия, e-mail: korrida@mail.ru

Представлен обзор исследований эффективности когнитивно-поведенческой психотерапии в работе с пациентами с тревожными и депрессивными расстройствами после острого нарушения мозгового кровообращения. Обсуждены возможности адаптации и модификации когнитивно-поведенческих методов интервенции к нуждам и специфическим особенностям пациентов этой группы. Дано описание организации терапевтических сессий в условиях когнитивных и эмоциональных нарушений в период восстановления после острого нарушения мозгового кровообращения. Рассмотрены общая структура процесса психотерапии и особенности поведенческих и когнитивных интервенций.

Ключевые слова: нейрореабилитация, нейропсихологическая реабилитация, когнитивно-поведенческая терапия, острые нарушения мозгового кровообращения, инсульт, депрессия, тревога.

В современном мире инсульт является одной из острых медико-социальных проблем. Обладая высокой летальностью и являясь одной из основных причин смертности населения (по данным ВОЗ, 2014) [1], это заболевание имеет для больных серьезные последствия, ограничивающие в большей или меньшей степени их жизнедеятельность. У многих перенесших инсульт пациентов наблюдаются двигательные расстройства, расстройства чувствительности, нарушения речи, поведенческие и эмоциональные нарушения. Последние на фоне более явного, очевидного даже для неспециалиста, дефицита зачастую остаются незамеченными, в то время как аффективные нарушения не только снижают качество жизни больного, но могут значительно затруднить процесс реабилитации. Так, например, пациенты, столкнувшиеся с депрессией после инсульта, в среднем проводят больше времени в стационаре, демонстрируя более медленное улучшение нарушенных функций в процессе восстановительного лечения [20]. Кроме того, среди пациентов с депрессией отмечается большая смертность в течение нескольких лет после острого нарушения мозгового кровообращения [23].

Эмоциональные нарушения у больных после инсульта могут принимать различные формы. Наиболее часто встречаются депрессия (31%) [18] и тревожные расстройства (18–25%) [8]. Ряд авторов сообщают о достаточно высокой частоте агрессивных реакций (17–35%) [5; 10; 25]. До 60% больных инсультом испытывают страх падения [42] и различные насильственные эмоциональные реакции. В 10–30% случаев отмечаются посттравматические реакции, которые являются чрезвычайно опасными в связи с риском развития выраженной психопатологической симптоматики в будущем [3; 9; 16; 38]. Кроме того, многие пациенты переживают страх перед повторным инсультом, боясь не достичь желаемого

емых результатов восстановления, навсегда утратить возможность вести привычный образ жизни.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) в настоящее время является одним из ведущих направлений в психотерапии. В ряде исследований представлены результаты высокой эффективности методов КПТ в лечении различных аффективных расстройств, в том числе депрессивных и тревожных. Разработана модель КПТ для работы с посттравматическим расстройством [2]. Опубликованы работы, описывающие возможности КПТ при коррекции депрессивных и тревожных расстройств в неврологической практике: к примеру, при черепно-мозговых травмах [39; 40], болезни Паркинсона [4; 15] и рассеянном склерозе [22]. При этом публикаций, посвященных КПТ эмоциональных нарушений после инсульта, недостаточно, несмотря на то, что пациенты этой группы имеют особые нужды, обусловленные, в том числе, когнитивными нарушениями.

Задача данной работы — обобщить опыт применения КПТ для коррекции эмоциональных нарушений после острого нарушения мозгового кровообращения (ОНМК) и описать возможные пути адаптации методов КПТ к специфическим нуждам пациентов, перенесших инсульт.

Исследования эффективности КПТ тревожного расстройства после ОНМК

Несмотря на то, что расстройства тревожного спектра являются распространенными среди больных после ОНМК, их немедикаментозной терапией уделяется мало внимания. Как указано в последнем обзоре методов коррекции тревожных расстройств после инсульта, доказательств эффективности какого-либо психотерапевтического метода в этом случае пока не выявлено [11].

В последние годы данную проблематику активно разрабатывает И.И. Нибоун (*I.I. Kneebone*) из Университета Западного Сиднея (Австралия). Им был сделан вывод о том, что КПТ позволяет достичь значительного улучшения при тревожных расстройствах после инсульта при условии, что интервенции модифицированы с учетом имеющегося у пациента неврологического дефицита (речевых нарушений, снижения памяти и произвольной регуляции деятельности). В качестве основных компонентов КПТ тревожного расстройства авторы выделили психообразование, обучение навыкам релаксации и работу с когнициями [27]. Но данное исследование анализирует всего 2 случая КПТ тревожных расстройств после инсульта. Этого недостаточно для того, чтобы говорить об эффективности метода в целом.

Представлены данные по оценке эффективности релаксационного тренинга в коррекции повышенного уровня тревоги у больных с инсультом ($n=55$). Авторы исследования сообщают, что пациенты отмечали субъективное снижение уровня напряжения, при этом более удовлетворены результатами были те из них, которые прошли большее количество сеансов [26]. В продолжение этого исследования была опубликована работа, посвященная самостоятельному релаксационному тренингу с помощью аудиозаписей для пациентов после инсульта (с баллом по шкале тревоги HADS более 6). При контрольном обследовании после одного, двух и трех месяцев с момента начала тренинга авторы отметили у испытуемых положительную динамику, при этом один месяц указан как оптимальная длительность для применения данного метода [17].

Учитывая недостаточность имеющихся данных об эффективности методов КПТ при тревожных расстройствах после инсульта, необходимо дальнейшее исследование этой проблемы. Важным преимуществом методов релаксационного тренинга является их доступность пациентам с инсультом и возможность самостоятельного освоения релаксационных техник при помощи аудиозаписей. Более сложные интервенции требуют модификации с учетом неврологического дефицита (в частности, имеющихся когнитивных нарушений).

Исследования эффективности КПТ депрессивных расстройств после ОНМК

Использованию КПТ при депрессии после инсульта уделено большее внимание. В первом исследовании, опубликованном в 1985 г., был описан отдельный случай эффективного применения КПТ при депрессии у пациента с ОНМК [19]. Данное исследование инициировало попытки изучить возможности КПТ при постинсультной депрессии более пристально. Так, в одном из исследований по коррекции постинсультной депрессии применялся модифицированный вариант КПТ. Была сокращена продолжительность сессий, это сочеталось с частыми перерывами, ключевые моменты сессии периодически повторялись для улучшения понимания со стороны пациента, использовались записи (на бумаге или с помощью аудиотехники) для фиксации информации. Как указывают авторы, данные меры учитывают когнитивный дефицит пациента и позволяют адаптировать к нему ход терапии [21].

Два исследования по применению КПТ при постинсультной депрессии были проведены Н.Б. Линкольн (*N.B. Lincoln*) и Т. Фланнаган (*T. Flannaghan*). В исследовании 1997 года, позволившем заключить,

что КПТ постинсультной депрессии может быть эффективна, терапия включала в себя психообразование, общую активизацию пациента, работу с мыслями и методы отвлечения [34]. Работа, опубликованная в 2003 году, стала продолжением исследования 1997 года и показала иные результаты — различий между эффектами в трех группах (группе, получившей 10 сессий КПТ; группе, получившей ненаправленное воздействие; а также в группе, которая была оставлена без какого-либо психологического воздействия) не наблюдалось [33]. Авторы связали это с трудностями при рандомизации выборки, коротким курсом терапии и ее низкой интенсивностью.

В 2009 году было опубликовано исследование, авторы которого также пришли к выводу о возможной эффективности КПТ в качестве метода коррекции постинсультной депрессии. Ими была предложена программа, состоящая из 8 сессий, включавших в себя релаксацию, работу с мыслями и планирование активности [36].

Н.М. Брумфилд (*N.M. Broomfield*) и соавторы предположили, что методы КПТ должны быть адаптированы не к пациентам с инсультом в целом, а к каждому конкретному пациенту, приходящему на терапию. Среди возможных интервенций были предложены: мотивационное интервью, психообразование, работа с мыслями и поведением, работа с реакцией горя, адаптация к имеющемуся дефициту [8]. Оценка эффективности данного подхода с помощью проведения рандомизированного контролируемого исследования не проводилась.

Дж. Куткер (*J. Kootker*) и соавторы сообщили о том, что их рандомизированное контролируемое исследование эффективности КПТ при постинсультной депрессии показало, что и модифицированная КПТ, и компьютерный тренинг когнитивных функций одинаково эффективны и помогают достичь улучшений [30].

Следует отметить подход, который подразумевает совмещение методов КПТ для коррекции постинсультной депрессии с когнитивным тренингом. Описан случай коррекции депрессии у пациента с нарушением в сфере произвольной регуляции деятельности. Каждая сессия была разделена на три части: тренировка навыков произвольного контроля, непосредственно КПТ, обсуждение домашнего задания (как предыдущего, так и задаваемого для выполнения) [35]. В данном случае, однако, встает вопрос о целесообразности совмещения когнитивной реабилитации с сессиями по коррекции эмоциональных нарушений. Вероятно, отдельные занятия могли быть более эффективными уже в силу того, что на каждое из них можно было уделить больше времени.

Исследование групповой КПТ для пациентов с постинсультной депрессией показало, что группа может быть подходящим форматом работы [41].

При исследовании возможностей КПП для коррекции постинсультной депрессии следует учитывать ряд моментов. Так, во многих исследованиях наблюдались сложности при сборе данных, которые могли несколько исказить результаты. В частности, были обследованы пациенты с различной давностью инсульта (от нескольких дней до 13 лет), не были описаны методы рандомизации выборки (при малых ее размерах в большинстве работ), применялись различные протоколы вмешательства, наблюдались различия в квалификации специалистов.

Таким образом, исследование эффективности КПП при депрессии после ОНМК требует продолжения в условиях установленных рамок, позволяющих осуществить больший контроль при сборе данных для анализа. Однако существует тенденция, отмечающаяся в большинстве работ — практически все авторы говорят о необходимости адаптации методов КПП к нуждам пациентов с ОНМК.

Возможности адаптации и модификации КПП для работы с пациентами с ОНМК

Как упоминалось ранее, наиболее важный момент, который следует учитывать при терапии эмоциональных расстройств после ОНМК — когнитивный дефицит у пациентов. С одной стороны, он является остро возникшим и достаточно выраженным, пациенты еще не имеют стратегий совладания с ним, что отличает их от пожилых пациентов без инсульта. С другой стороны изменения вследствие ОНМК зачастую накладываются на различные уже имевшие место когнитивные изменения, что также отличает их и от большего количества больных с черепно-мозговой травмой. Наиболее распространенными когнитивными нарушениями, которые могут оказывать влияние на успешность работы с эмоциональными расстройствами, являются снижение в сфере произвольной регуляции деятельности и поведения, нарушения памяти, снижение концентрации внимания. Могут наблюдаться речевые нарушения, связанные, в том числе, с нарушением понимания обращенной речи.

Модификация КПП при терапии эмоциональных расстройств после инсульта должна проводиться в нескольких направлениях. С учетом отсутствия полной информации о помощи данной специфической группе пациентов, нами были заимствованы некоторые идеи из работ, связанных с иными неврологическими состояниями. Данные идеи могут быть полезны и при работе с пациентами после ОНМК.

В первую очередь, необходимо изменение организации сессий. Также требуются изменение характера воздействия и учет специфических

механизмов возникновения эмоциональных нарушений у пациентов с ОНМК в парадигме КПТ.

Организация сессий

С учетом того, что пациентам трудно удерживать внимание в течение длительного периода времени, а произвольная регуляция деятельности зачастую снижена, длительность встреч может быть сокращена со стандартных 50—60 минут до 20—30 минут с перерывами (в случае необходимости) [8; 24; 26; 29]. При этом важно чередовать задания, избегать монотонности [24; 29]. Во время сессий необходимо минимизировать побочные раздражители и потенциальные отвлекающие факторы, выбрав для проведения сессий тихое уединенное помещение с максимальным лаконичным интерьером [24; 29].

На повестку встречи следует выносить ограниченное количество пунктов, которые должны быть важны и понятны для пациента, иметь отношение к его повседневной жизни [13; 24; 26]. Интенсивность и темп воздействия следует снизить, регулярно возвращаясь к уже имеющимся результатам [24; 29; 37]. Учитывая снижение памяти у многих пациентов, требуется регулярное повторение материала (как непосредственное, так и в несколько измененной форме), также следует обратить внимание на ведение записей в процессе сессии, чтобы пациент мог вернуться к ним самостоятельно после встречи со специалистом [24; 29; 36; 37]. Записанные формулировки должны быть максимально простыми и емкими, для чего в процессе сессии следует регулярно выделять ключевые пункты [24; 36; 37].

Вопросы, задаваемые пациенту терапевтом, также должны быть максимально простыми и конкретными [24]. С пациентом следует общаться в достаточно медленном темпе, при необходимости повторяя обращенные к нему предложения [24; 37]. Допускаются телефонные звонки пациенту для напоминания о домашнем задании, подведении кратких итогов за прошедший с момента встречи период [26]. В некоторых случаях целесообразно отказаться от домашнего задания, выполняя работу совместно с пациентом, так как ее самостоятельное выполнение может быть затруднено [24].

Процесс терапии

Цели терапии должны быть важны для пациента и регулярно пересматриваться [24]. Важно, чтобы цели были достижимыми, конкретными, измеряемыми.

Многие авторы считают, что начинать необходимо с простых задач, которые смогут повысить уверенность пациента в собственных силах и его мотивацию [13; 14]. Это может быть особенно важно для пациентов с депрессией, которые испытывают чувство бессилия и считают, что терапия не может им помочь. Существует мнение, что фокус работы следует сместить с когнитивных интервенций на поведенческие [26].

Учитывая эффективность, которую показал релаксационный тренинг, следует уделять время подобным методам [14; 26]. Возможно привлечение родственников к процессу терапии [14]. Они могут помогать пациенту при выполнении домашних заданий и повторении материала, а также давать обратную связь относительно функционирования пациента в повседневных обстоятельствах.

Поведенческие интервенции. Поведенческие интервенции в процессе КПТ пациентов после инсульта могут быть ориентированы как на развитие навыков решения конкретных проблем, так и на общую активизацию пациента [26]. При этом следует четко определить шаги, необходимые для поведенческих интервенций, для удобства пациента они могут быть записаны [24; 31; 37]. Задания следует ранжировать по сложности, не предлагать пациенту сразу комплексных задач. Так, например, для повышения уровня активности пациента с грубыми речевыми нарушениями И.И. Нибуон (*I.I. Kneebone*) предлагает следующий пример градуированных поведенческих интервенций, которые строятся вокруг значимого для пациента занятия — садоводства [26].

Первый этап — поливка растений из лейки. Второй — непосредственная работа в саду. Третий — поход в магазин за необходимыми для выращивания растений товарами (семенами, горшками и т. д.). Заключительным этапом становится высаживание растений дома и осуществление ухода за ними. С учетом наличия у пациента грубых речевых нарушений, автор предлагает для объяснения задач использовать не только вербальные инструкции, но и специальные карточки и символы, которые помогают пациенту понять необходимые на данном этапе шаги. Выполнять многие из поставленных задач пациент может не в одиночку, а совместно с другими пациентами, проявившими интерес к подобной активности, что способствует социализации. В целом, такого рода интервенции относительно просты для реализации, повышают фон настроения пациента, активизируют его, развивают навыки планирования и решения проблем, позволяют пациенту чувствовать свою состоятельность в важных вопросах.

Также для организации поведенческих интервенций может быть полезна теория селективной оптимизации и компенсации (*selective*

optimization with compensation) [6; 7]. Ее суть в том, чтобы справиться с имеющимися нарушениями при помощи стратегий селекции, оптимизации и компенсации. Селекция заключается в выборе наиболее значимых форм активности. Пациенту следует решить, выполнение каких действий является для него наиболее важным и, возможно, отказаться от тех видов активности, которые имеют меньшую ценность, чтобы уделять больше времени тем, которые он счел более значимыми. Оптимизация несет в себе, главным образом, распределение ресурсов, прежде всего, энергии; пациент продумывает, как сделать задачу выполнимой с точки зрения энергозатрат. Значимая активность может стать более короткой, редкой или включать те действия, которые пациенту даются наиболее хорошо. Прибегая к методам компенсации, пациент находит способы поведения, позволяющие восстановить силы в данный момент, компенсировать их дефицит — в частности, если он ощутит, что энергозатраты превысили ожидаемые. Это могут быть паузы в ходе выполнения деятельности, обращение за помощью, чередование задач по уровню сложности и т. д.

Особенности когнитивных интервенций. Несмотря на общие закономерности формирования эмоциональных нарушений при различных формах патологии, существуют и особые моменты, касающиеся ОНМК.

У пациентов с инсультом наиболее часто наблюдаются следующие поведенческие и мыслительные паттерны, основанные на неверных интерпретациях происходящих событий.

1. Усиленное внимание к возможным симптомам повторного инсульта как следствия когнитивных искажений — катастрофизации и предсказания будущего. В определенный момент может сформироваться своего рода порочный круг, при котором тревога пациента за свое состояние провоцирует ряд соматических проявлений (усиленное сердцебиение, затруднение дыхания, подъем артериального давления и т. п.), которые пациент интерпретирует как ухудшение собственного состояния и предвестника повторного инсульта, что, в свою очередь, поддерживает эту симптоматику и усугубляет ее выраженность.

2. Неадекватные сравнения как следствие дихотомического мышления и негативного фильтра.

3. Негативное отношение к будущему, проистекающее из селективного абстрагирования и предсказания будущего.

4. Нереалистичные представления о процессе реабилитации, связанные с селективным абстрагированием, дихотомическим мышлением и обесцениванием.

5. Ощущение собственной несостоятельности, ненужности, что является следствием персонализации и генерализации [32].

Для преодоления части указанных трудностей может быть полезна организация специальных групп. Пациент должен иметь возможность получить достоверную информацию о причинах инсульта, возможностях вторичной профилактики, процессе восстановления, а также задать вопросы на интересующие его темы, связанные с заболеванием. Подобные группы также полезны и для родственников пациентов.

Важно обсуждать с пациентом возможные последствия его образа мышления — насколько оно полезно для него, какие преимущества и недостатки имеет. Для оценки результатов восстановления могут использоваться объективные методы, такие как: составление «линии изменений», видеосъемка, опрос окружения пациента.

Выводы

Несмотря на ограниченное число исследований, посвященных изучению эффективности КПТ депрессивных и тревожных расстройств после инсульта, данное направление психологической работы представляется перспективным в случае, если его методы будут адаптированы и модифицированы в соответствии с особенностями и нуждами пациентов с ОНМК. При этом необходимы изменения в организации сессий (в частности, их продолжительности, периодичности и темпа) и в самом процессе терапии (упор на поведенческие техники, учет специфических мыслительных и поведенческих паттернов). Не менее важно соблюдать четкие критерии включения пациентов в исследование, протокол работы, требования к квалификации терапевтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная организация здравоохранения. Мировая статистика здравоохранения, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/world-health-statistics-2014/ru/> (дата обращения: 24.02.2018)
2. *Гаряня Н.Г.* Когнитивно-бихевиоральная психотерапия посттравматического стрессового расстройства // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3. С. 46—72.
3. *Холмогорова А.Б., Горчакова В.А.* Травматический стресс и его влияние на субъективное благополучие и психическое здоровье: апробация эссенского опросника травматических событий // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3. С. 120—137.
4. *Armento M.E., Stanley M.A., Marsh L., Kunik M.E., York M.K., Bush A.L., Calleo J.S.* Cognitive behavioral therapy for depression and anxiety in Parkinson's disease: A clinical review // Journal of Parkinson's Disease. 2012. Vol. 2 (2). P. 135—151. doi:10.3233/JPD-2012-12080

5. Aybek S., Carota A., Ghika-Schmid F., Berney A., Melle G.V., Guex P., Bogousslavsky J. Emotional behavior in acute stroke: The Laussane emotion in stroke study // *Cognitive and Behavioral Neurology*. 2005. Vol. 18 (1). P. 37—44. doi:10.1097/01.wnn.0000152226.13001.8a
6. Baltes P.B. On the incomplete architecture of human ontogeny: Selection, optimization, and compensation as foundation of developmental theory // *American Psychologist*. 1997. Vol. 52 (4). P. 366—380. doi:10.1037/0003-066X.52.4.366
7. Baltes P.B., Smith J. The psychology of wisdom and its ontogenesis // *Wisdom: Its nature, origins, and development* / R.J. Sternberg (ed.). New York: Cambridge University Press, 1990. P. 87—120.
8. Broomfield N.M., Laidlaw K., Hickabottom E., Murray M.F., Pendrey R., Whittick J.E., Gillespie D.C. Post-Stroke Depression: The Case for Augmented, Individually Tailored Cognitive Behavioural Therapy // *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2011. Vol. 18 (3). P. 202—217. doi:10.1002/cpp.711
9. Bruggimann L., Annoni J., Staub F., von Steinbuchel N., Van Der Linden M., Bogousslavsky J. Chronic posttraumatic stress symptoms after nonsevere stroke // *Neurology*. 2006. Vol. 66 (4). P. 513—516. doi:10.1212/01.wnl.0000194210.98757.49
10. Caeiro L., Ferro J., Santos C., Figueira M. Depression in acute stroke // *Journal of Psychiatry and Neuroscience*. 2006. Vol. 31 (6). P. 377—383.
11. Campbell Burton C.A., Holmes J., Murray J., Gillespie D., Lightbody C.E., Watkins C.L., Knapp P. Interventions for treating anxiety after stroke // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. 2011. doi:10.1002/14651858.CD008860.pub2
12. Campbell Burton C.A., Murray J., Holmes J., Astin F., Greenwood D., Knapp P. Frequency of anxiety after stroke: A systematic review of observational studies // *International Journal of Stroke*. 2013. Vol. 8 (7). P. 545—559. doi:10.1111/j.1747-4949.2012.00906.x
13. Chand S.T., Grossberg G.T. How to adapt cognitive-behavioral therapy for older adults // *Current Psychiatry*. 2013. Vol. 12 (3). P. 10—15.
14. Dobkin R.D., Allen L.A., Menza M. A cognitive-behavioral treatment package for depression in Parkinson's disease // *Psychosomatics*. 2006. Vol. 47 (3). P. 259—263. doi:10.1176/appi.psy.47.3.259
15. Dobkin R.D., Menza M., Allen L.A., Gara M.A., Mark M.H., Tiu J., Bienfait K.L., Friedman J. Cognitive-behavioral therapy for depression in Parkinson's disease: A randomized, controlled trial // *American Journal of Psychiatry*. 2011. Vol. 168 (10). P. 1066—1074. doi:10.1176/appi.ajp.2011.10111669
16. Field E.L., Norman P., Barton J. Cross-sectional and prospective associations between cognitive appraisals and posttraumatic stress disorder symptoms following stroke // *Behaviour Research and Therapy*. 2008. Vol. 46 (1). P. 62—70. doi:10.1016/j.brat.2007.10.006
17. Golding K., Kneebone I.I., Fife-Schaw C. Self-help relaxation for post-stroke anxiety: A randomised controlled pilot study // *Clinical Rehabilitation*. 2016. Vol. 30 (2). P. 174—180. doi:10.1177/0269215515575746
18. Hackett M.L., Pickles K. Part I: Frequency of depression after stroke: An updated systematic review and meta-analyses of observational studies // *International Journal of Stroke*. 2014. Vol. 9 (8). P. 1017—1025. doi:10.1111/ij.s.12357

19. Hatcher B.J., Durham J.D., Richey M. Overcoming stroke-related depression // Journal of Gerontological Nursing. 1985. Vol. 11 (11). P. 34—39. doi:10.3928/0098-9134-19851101-10
20. Herrmann N., Black S.E., Lawrence J., Szekeley C., Szalai J.P. The Sunnybrook stroke study: A prospective study of depressive symptoms and functional outcome // Stroke. 1998. Vol. 29 (3). P. 618—624. doi:10.1161/01.STR.29.3.618
21. Hibbard M.R., Grober S., Gordon W.A., Aletta E.G. Modification of cognitive therapy for the treatment of post-stroke depression // The Behaviour Therapist. 1990. Vol. 13. P. 15—17.
22. Hind D., Cotter J., Thake A., Bradburn M., Cooper C., Isaac C., House A. Cognitive behavioural therapy for the treatment of depression in people with multiple sclerosis: a systematic review and meta-analysis [Электронный ресурс] // BMC Psychiatry. 2014. Vol. 14 (1). URL: <https://bmcpsychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-244X-14-5> (дата обращения: 02.02.2018). doi:10.1186/1471-244X-14-5
23. House A., Knapp P., Bamford J., Vail A. Mortality at 12 and 24 month after stroke may be associated with depressive symptoms at 1 month // Stroke. 2001. Vol. 32 (3). P. 696—701. doi:10.1161/01.STR.32.3.696
24. James I.A., Reichelt F.K., Carlsson P., McAnaney A. Cognitive behavior therapy and executive functioning in depression // Journal of Cognitive Psychotherapy. 2008. Vol. 22 (3). P. 210—218. doi:10.1891/0889-8391.22.3.210
25. Kim J.S., Choi S., Kwon S.U., Seo Y.S. Inability to control anger or aggression after stroke // Neurology. 2002. Vol. 58 (7). P. 1106—1108. doi:10.1212/WNL.58.7.1106
26. Kneebone I.I. A Framework to Support Cognitive Behavior Therapy for Emotional Disorder After Stroke // Cognitive and Behavioral Practice. 2016. Vol. 23 (1). P. 99—109. doi:10.1016/j.cbpra.2015.02.001
27. Kneebone I.I., Jeffries F.W. Treating anxiety after stroke using cognitive behaviour therapy: Two cases // Neuropsychological Rehabilitation. 2013. Vol. 23 (6). P. 798—810. doi:10.1080/09602011.2013.820135
28. Kneebone I.I., Walker-Samuel N., Swanston J., Otto E. Relaxation training after stroke: Potential to reduce anxiety // Disability and Rehabilitation. 2014. Vol. 36 (9). P. 771—774. doi:10.3109/09638288.2013.808275
29. Knouse L.E., Safren S.A. Current status of cognitive behavioral therapy for adult attention-deficit hyperactivity disorder // Psychiatric Clinics of North America. 2010. Vol. 33 (3). P. 497—509. doi:10.1016/j.psc.2010.04.001
30. Kootker J.A., Rasquin S.M., Lem F.C., van Heugten C.M., Fasotti L., Geurts A.C. Augmented cognitive behavioral therapy for post stroke depressive symptoms: a randomized controlled trial // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. 2017. Vol. 98 (4). P. 687—694. doi:10.1016/j.apmr.2016.10.013.
31. Laidlaw K. Post-stroke depression and CBT with older people // Handbook of Behavioral and Cognitive Therapies with Older Adults / D. Gallagher-Thompson, A.M. Steffen, L.W. Thompson (eds.). New York: Springer, 2008. P. 233—248. doi:10.1007/978-0-387-72007-4_15
32. Laidlaw K., Thomson A.S. Psychological consequences of stroke: The management of depression and anxiety following stroke. Paper presented at the Stanford

University Medical School Veterans Affairs Palo Alto Health Care Systems, Palo Alto, CA, USA, 1999.

33. *Lincoln N.B., Flannaghan T.* Cognitive behavioural psychotherapy for depression following stroke // *Stroke*. 2003. Vol. 34 (1). P. 111—115.
34. *Lincoln N.B., Flannaghan T., Sutcliffe L., Rother L.* Evaluation of cognitive behavioural treatment of depression after stroke: A pilot study // *Clinical Rehabilitation*. 1997. Vol. 11 (2). P. 114—122. doi:10.1177/026921559701100204
35. *Mohlman J., Cedeno L.A., Price R.B., Hekler E.B., Yan G.W., Fishman D.B.* Deconstructing demons: The case of Geoffrey // *Pragmatic Case Studies In Psychotherapy*. 2008. Vol. 4 (3). P. 1—39. doi:10.14713/pcsp.v4i3.936
36. *Rasquin S.M.C., van de Sande P., Praamstra A.J., van Heugten C.M.* Cognitive-behavioural intervention for depression after stroke: Five single case studies on effects and feasibility // *Neuropsychological Rehabilitation*. 2009. Vol. 19 (2). P. 208—222. doi:10.1080/09602010802091159
37. *Scholey K.A., Woods B.T.* A series of brief cognitive therapy interventions with people experiencing both dementia and depression: a description of techniques and common themes // *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2003. Vol. 10 (3). P. 175—185. doi:10.1002/cpp.368
38. *Sembi S., Tarrier N., O'Neill P., Burns A., Faragher B.* Does post-traumatic stress disorder occur after stroke: A preliminary study // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. 1998. Vol. 13 (5). P. 315—322. doi: 10.1002/(SICI)1099-1166(199805)13:5<315::AID-GPS766>3.0.CO;2-P
39. *Stalder-Lüthy F., Messerli-Bürgy N., Hofer H., Frischknecht E., Znoj H., Barth J.* Effect of psychological interventions on depressive symptoms in long-term rehabilitation after an acquired brain injury: A systematic review and meta-analysis // *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 2013. Vol. 94 (7). P. 1386—1397. doi:10.1016/j.apmr.2013.02.013
40. *Waldron B., Casserly L.M., O'Sullivan C.* Cognitive behavioural therapy for depression and anxiety in adults with acquired brain injury. What works for whom? // *Neuropsychological Rehabilitation*. 2013. Vol. 23 (1). P. 64—101. doi:10.1080/09602011.2012.724196
41. *Ward S.K., Turner A., Hambridge J.A., Halpin S.A., Valentine M.E., Sweetapple A.L., White J.H., Hackett M.L.* Group cognitive behavioural therapy for stroke survivors with depression and their carers // *Topics in Stroke Rehabilitation*. 2016. Vol. 23 (5). P. 358—365. doi:10.1080/10749357.2016.1143706
42. *Watanabe Y.* Fear of falling among stroke survivors after discharge from inpatient rehabilitation // *International Journal of Rehabilitation Research*. 2005. Vol. 28 (2). P. 149—152. doi:10.1097/00004356-200506000-00008

POSSIBILITIES OF USING COGNITIVE BEHAVIORAL THERAPY FOR THE TREATMENT OF DEPRESSION AND ANXIETY AFTER STROKE

D.A. ZAKHARCHENKO*,
National Pirogov Medical Surgical Center, Moscow, Russia,
d.a.zaharchenko@gmail.com

S.S. PETRIKOV**,
N.V. Sklifosovsky Research Institute Of Emergency Medicine,
Moscow, Russia,
korrida@mail.com

The paper presents the review of studies of cognitive behavioral therapy efficacy for patients with depression and anxiety after acute cerebral blood flow disturbance. The possibilities of adapting and modifying cognitive behavior methods of intervention to suit the needs and specific features of these patients are discussed. Organization of therapy sessions for patients with cognitive and emotional impairments during rehabilitation after acute cerebral blood flow disturbance is described. The common structure of the psychotherapeutic process and the peculiarities of behavioral and cognitive interventions are considered.

Keywords: neurorehabilitation, neuropsychological rehabilitation, cognitive behavioral therapy, cerebral blood flow disturbance, stroke, depression, anxiety.

REFERENCES

1. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. Mirovaya statistika zdavookhraneniya, 2014 [World Health Organization. World Health Statistics, 2014]. Available at: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/world-health-statistics-2014/ru/> (Accessed: 24.02.2018) (In Russ.).
2. Garanyan N.G. Kognitivno-bikhevioral'naya psikhoterapiya posttravmaticheskogo stressovogo rasstroistva [Cognitive-behavioral treatment in posttraumatic stress disorder]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2013, no. 3, pp. 46—72. (In Russ., abstr. in Engl.).

For citation:

Zakharchenko D.A., Petrikov S.S. Possibilities of Using Cognitive Behavioral Therapy for the Treatment of Depression and Anxiety after Stroke. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 95—111. doi: 10.17759/cpp.2018260107. (In Russ., abstr. in Engl.)

* *Zakharchenko Daria Aleksandrovna*, clinical psychologist, National Pirogov Medical Surgical Center, Moscow, Russia, e-mail: d.a.zaharchenko@gmail.com

** *Petrikov Sergey Sergeevich*, Doctor of Medicine, professor, N.V. Sklifosovsky Research Institute Of Emergency Medicine, Moscow, Russia, e-mail: korrida@mail.com

3. Kholmogorova A.B., Gorchakova V.A. Travmaticheskii stress i ego vliyanie na sub"ektivnoe blagopoluchie i psikhicheskoe zdorov'e: aprobatsiya essenskogo oprosnika travmaticheskikh sobytii [Traumatic stress and its influence on subjective wellbeing and mental health: validation of the Essen trauma inventory]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2013, no. 3, pp. 120—137. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Armento M.E., Stanley M.A., Marsh L., Kunik M.E., York M.K., Bush A.L., Calleo J.S. Cognitive behavioral therapy for depression and anxiety in Parkinson's disease: A clinical review. *Journal of Parkinson's Disease*, 2012. Vol. 2 (2), pp. 135—151. doi:10.3233/JPD-2012-12080
5. Aybek S., Carota A., Ghika-Schmid F., Berney A., Melle G.V., Guex P., Bogousslavsky J. Emotional behavior in acute stroke: The Laussane emotion in stroke study. *Cognitive and Behavioral Neurology*, 2005. Vol. 18 (1), pp. 37—44. doi:10.1097/01.wnn.0000152226.13001.8a
6. Baltes P.B. On the incomplete architecture of human ontogeny: Selection, optimization, and compensation as foundation of developmental theory. *American Psychologist*, 1997. Vol. 52 (4), pp. 366—380. doi:10.1037/0003-066X.52.4.366
7. Baltes P.B., Smith J. The psychology of wisdom and its ontogenesis. In R.J. Sternberg (ed.). *Wisdom: Its nature, origins, and development*. New York: Cambridge University Press, 1990, pp. 87—120.
8. Broomfield N.M., Laidlaw K., Hickabottom E., Murray M.F., Pendrey R., Whittick J.E., Gillespie D.C. Post-Stroke Depression: The Case for Augmented, Individually Tailored Cognitive Behavioural Therapy. *Clinical Psychology and Psychotherapy*, 2011. Vol. 18 (3), pp. 202—217. doi:10.1002/cpp.711
9. Bruggimann L., Annoni J., Staub F., von Steinbuechel N., Van Der Linden M., Bogousslavsky J. Chronic posttraumatic stress symptoms after nonsevere stroke. *Neurology*, 2006. Vol. 66 (4), pp. 513—516. doi:10.1212/01.wnl.0000194210.98757.49
10. Caeiro L., Ferro J., Santos C., Figueira M. Depression in acute stroke. *Journal of Psychiatry and Neuroscience*, 2006. Vol. 31 (6), pp. 377—383.
11. Campbell Burton C.A., Holmes J., Murray J., Gillespie D., Lightbody C.E., Watkins C.L., Knapp P. Interventions for treating anxiety after stroke. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2011. doi:10.1002/14651858.CD008860.pub2
12. Campbell Burton C.A., Murray J., Holmes J., Astin F., Greenwood D., Knapp P. Frequency of anxiety after stroke: A systematic review of observational studies. *International Journal of Stroke*, 2013. Vol. 8 (7), pp. 545—559. doi:10.1111/j.1747-4949.2012.00906.x
13. Chand S.T., Grossberg G.T. How to adapt cognitive-behavioral therapy for older adults. *Current Psychiatry*, 2013. Vol. 12 (3), pp. 10—15.
14. Dobkin R.D., Allen L.A., Menza M. A cognitive-behavioral treatment package for depression in Parkinson's disease. *Psychosomatics*, 2006. Vol. 47 (3), pp. 259—263. doi:10.1176/appi.psy.47.3.259
15. Dobkin R.D., Menza M., Allen L.A., Gara M.A., Mark M.H., Tiu J., Bienfait K.L., Friedman J. Cognitive-behavioral therapy for depression in Parkinson's disease: A randomized, controlled trial. *American Journal of Psychiatry*, 2011. Vol. 168 (10), pp. 1066—1074. doi:10.1176/appi.ajp.2011.10111669
16. Field E.L., Norman P., Barton J. Cross-sectional and prospective associations between cognitive appraisals and posttraumatic stress disorder symptoms following

- stroke. *Behaviour Research and Therapy*, 2008. Vol. 46 (1), pp. 62—70. doi:10.1016/j.brat.2007.10.006
17. Golding K., Kneebone I.I., Fife-Schaw C. Self-help relaxation for post-stroke anxiety: A randomised controlled pilot study. *Clinical Rehabilitation*, 2016. Vol. 30 (2), pp. 174—180. doi:10.1177/0269215515575746
  18. Hackett M.L., Pickles K. Part I: Frequency of depression after stroke: An updated systematic review and meta-analyses of observational studies. *International Journal of Stroke*, 2014. Vol. 9 (8), pp. 1017—1025. doi:10.1111/ij.s.12357
  19. Hatcher B.J., Durham J.D., Richey M. Overcoming stroke-related depression. *Journal of Gerontological Nursing*, 1985. Vol. 11 (11), pp. 34—39. doi:10.3928/0098-9134-19851101-10
  20. Herrmann N., Black S.E., Lawrence J., Szekely C., Szalai J.P. The Sunnybrook stroke study: A prospective study of depressive symptoms and functional outcome. *Stroke*, 1998. Vol. 29 (3), pp. 618—624. doi:10.1161/01.STR.29.3.618
  21. Hibbard M.R., Grober S., Gordon W.A., Aletta E.G. Modification of cognitive therapy for the treatment of post-stroke depression. *The Behaviour Therapist*, 1990. Vol. 13, pp. 15—17.
  22. Hind D., Cotter J., Thake A., Bradburn M., Cooper C., Isaac C., House A. Cognitive behavioural therapy for the treatment of depression in people with multiple sclerosis: a systematic review and meta-analysis [Elektronnyi resurs]. *BMC Psychiatry*, 2014. Vol. 14 (1). Available at: <https://bmcp psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-244X-14-5> (Accessed: 02.02.2018). doi:10.1186/1471-244X-14-5
  23. House A., Knapp P., Bamford J., Vail A. Mortality at 12 and 24 month after stroke may be associated with depressive symptoms at 1 month. *Stroke*, 2001. Vol. 32 (3), pp. 696—701. doi:10.1161/01.STR.32.3.696
  24. James I.A., Reichelt F.K., Carlsson P., McAnaney A. Cognitive behavior therapy and executive functioning in depression. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 2008. Vol. 22 (3), pp. 210—218. doi:10.1891/0889-8391.22.3.210
  25. Kim J.S., Choi S., Kwon S.U., Seo Y.S. Inability to control anger or aggression after stroke. *Neurology*, 2002. Vol. 58 (7), pp. 1106—1108. doi:10.1212/WNL.58.7.1106
  26. Kneebone I.I. A Framework to Support Cognitive Behavior Therapy for Emotional Disorder After Stroke. *Cognitive and Behavioral Practice*, 2016. Vol. 23 (1), pp. 99—109. doi:10.1016/j.cbpra.2015.02.001
  27. Kneebone I.I., Jeffries F.W. Treating anxiety after stroke using cognitive behaviour therapy: Two cases. *Neuropsychological Rehabilitation*, 2013. Vol. 23 (6), pp. 798—810. doi:10.1080/09602011.2013.820135
  28. Kneebone I.I., Walker-Samuel N., Swanston J., Otto E. Relaxation training after stroke: Potential to reduce anxiety. *Disability and Rehabilitation*, 2014. Vol. 36 (9), pp. 771—774. doi:10.3109/09638288.2013.808275
  29. Knouse L.E., Safren S.A. Current status of cognitive behavioral therapy for adult attention-deficit hyperactivity disorder. *Psychiatric Clinics of North America*, 2010. Vol. 33 (3), pp. 497—509. doi:10.1016/j.psc.2010.04.001
  30. Kootker J.A., Rasquin S.M., Lem F.C., van Heugten C.M., Fasotti L., Geurts A.C. Augmented cognitive behavioral therapy for post stroke depressive symptoms: a

- randomized controlled trial. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, 2017. Vol. 98 (4), pp. 687—694. doi:10.1016/j.apmr.2016.10.013.
31. Laidlaw K. Post-stroke depression and CBT with older people. In D. Gallagher-Thompson, A.M. Steffen, L.W. Thompson (eds.). *Handbook of Behavioral and Cognitive Therapies with Older Adults*. New York: Springer, 2008, pp. 233—248. doi:10.1007/978-0-387-72007-4_15
  32. Laidlaw K., Thomson A.S. Psychological consequences of stroke: The management of depression and anxiety following stroke. Paper presented at the Stanford University Medical School Veterans Affairs Palo Alto Health Care Systems, Palo Alto, CA, USA, 1999.
  33. Lincoln N.B., Flannaghan T. Cognitive behavioural psychotherapy for depression following stroke. *Stroke*, 2003. Vol. 34 (1), pp. 111—115.
  34. Lincoln N.B., Flannaghan T., Sutcliffe L., Rother L. Evaluation of cognitive behavioural treatment of depression after stroke: A pilot study. *Clinical Rehabilitation*, 1997. Vol. 11 (2), pp. 114—122. doi:10.1177/026921559701100204
  35. Mohlman J., Cedeno L.A., Price R.B., Hekler E.B., Yan G.W., Fishman D.B. Deconstructing demons: The case of Geoffrey. *Pragmatic Case Studies In Psychotherapy*, 2008. Vol. 4 (3), pp. 1—39. doi:10.14713/pcsp.v4i3.936
  36. Rasquin S.M.C., van de Sande P., Praamstra A.J., van Heugten C.M. Cognitive-behavioural intervention for depression after stroke: Five single case studies on effects and feasibility. *Neuropsychological Rehabilitation*, 2009. Vol. 19 (2), pp. 208—222. doi:10.1080/09602010802091159
  37. Scholey K.A., Woods B.T. A series of brief cognitive therapy interventions with people experiencing both dementia and depression: a description of techniques and common themes. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 2003. Vol. 10 (3), pp. 175—185. doi:10.1002/cpp.368
  38. Sembi S., Tarrrier N., O'Neill P., Burns A., Faragher B. Does post-traumatic stress disorder occur after stroke: A preliminary study. *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 1998. Vol. 13 (5), pp. 315—322. doi: 10.1002/(SICI)1099-1166(199805)13:5<315::AID-GPS766>3.0.CO;2-P
  39. Stalder-Lüthy F., Messlerli-Bürgy N., Hofer H., Frischknecht E., Znoj H., Barth J. Effect of psychological interventions on depressive symptoms in long-term rehabilitation after an acquired brain injury: A systematic review and meta-analysis. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, 2013. Vol. 94 (7), pp. 1386—1397. doi:10.1016/j.apmr.2013.02.013
  40. Waldron B., Casserly L.M., O'Sullivan C. Cognitive behavioural therapy for depression and anxiety in adults with acquired brain injury. What works for whom? *Neuropsychological Rehabilitation*, 2013. Vol. 23 (1), pp. 64—101. doi:10.1080/09602011.2012.724196
  41. Ward S.K., Turner A., Hambridge J.A., Halpin S.A., Valentine M.E., Sweetapple A.L., White J.H., Hackett M.L. Group cognitive behavioural therapy for stroke survivors with depression and their carers. *Topics in Stroke Rehabilitation*, 2016. Vol. 23 (5), pp. 358—365. doi:10.1080/10749357.2016.1143706
  42. Watanabe Y. Fear of falling among stroke survivors after discharge from inpatient rehabilitation. *International Journal of Rehabilitation Research*, 2005. Vol. 28 (2), pp. 149—152. doi:10.1097/00004356-200506000-00008

**МАСТЕРСКАЯ И МЕТОДЫ
WORKSHOP AND METHODS**

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ГРУППОВОЙ РАБОТЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ТРЕНИНГЕ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

А.Н. МОЛОСТОВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
Molostova.psychotherapy@yandex.ru

Представлен подход к анализу процесса работы психологического тренинга и терапевтической группы. Рассмотрены два аспекта функционирования психологической группы: аспект развития проблематики и аспект развития отношений участников. Развитие проблематики — движение в поле содержания проблем, которые оказываются в фокусе внимания участников. Развитие отношений — углубление контакта между участниками в динамике развития группы. Анализируется, каким образом меняется баланс соотношения дух аспектов в зависимости от направления групповой психологической работы. Оба аспекта рассмотрены в контексте стадий развития тренинговой или терапевтической

Для цитаты:

Молостова А.Н. Сравнительный анализ процесса групповой работы в психологическом тренинге и психотерапевтической группе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 112—128. doi: 10.17759/cpp.2018260108

* *Молостова Анна Николаевна*, кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии, ФГБОУ ВО МГППУ; член Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии, групповой психотерапевт, Москва, Россия, e-mail: Molostova.psychotherapy@yandex.ru

группы. В результате формулируются различия баланса развития отношений и развития проблематики в двух видах групп. В психологическом тренинге развитие отношения между участниками имеет вспомогательное значение при доминировании уровня развития проблематики. В групповой терапии развитие отношений — ключевой процесс, обеспечивающий терапевтические изменения.

Ключевые слова: психологическая группа, психологический тренинг, групповая психотерапия, развитие отношений, развитие проблематики, этапы развития группы.

Данная статья является откликом на взаимодействие со студентами факультета консультативной и клинической психологии в рамках курсов, посвященных групповым методам работы. Отклик этот возник на дезориентацию потенциальных, настоящих и бывших участников групп, а в каких-то случаях и самих ведущих в возможностях разнообразных форм групповой работы. Стихийно развивающаяся в нашей стране психологическая практика продолжает вносить сумятицу в представления о том, что есть помощь — индивидуальная и групповая. К примеру, заявленная форма групповой работы далеко не всегда влечет за собой ту методическую составляющую, которая соответствует данной форме. Тренингами называют семинары, терапевтическими группами тренинги. В одном и том же формате психологической группы обнаруживаются сумбурно возникающие самые разные и противоречивые цели работы. Смещение целей — обучения, развития, психотерапии — само по себе не является чем-то недопустимым. Более того, данные исследований лечебных факторов, приведенные И. Яломом [12], говорят о том, что в групповой работе часто присутствуют факторы изменений, весьма разнообразные по своей направленности. Это и социальное научение, и катарсис, и самораскрытие, и ряд других факторов, свидетельствующих о потенциально разнообразных возможностях групповой работы. Проблемой является недостаточная осознанность, дефицит рефлексии тех способов, которые ведущий использует для достижения целей группы.

Даже хорошо обученный и рефлексирующий ведущий, например, тренинговой группы, рано или поздно сталкивается с необходимостью отступления от усвоенных схем и приемов. Обычно это происходит в трудных с точки зрения динамики развития группы случаях. Ведущий попадает в ловушку усвоенных схем, которые помогают ему только до определенного момента. Трудно представить, что на каждую групповую ситуацию может найтись самый подходящий припрятанный в запасе способ. Следовательно, мы сталкиваемся с необходимостью поиска более устойчивых внутренних условий, которые будут определять в том числе и способы работы с группой.

Таким внутренним условием успешной человеческой деятельности Ф.Е. Василюк считает «упование» [2], упование на процесс, который возникнет «в ответ на усилия человека» [1, с. 23]. В отношении психотерапии Ф.Е. Василюк обозначает «упование» как «главный механизм, основной продуктивный процесс, который непосредственно обеспечивает достижение терапевтических целей» [1, с. 23]. Основываясь на этом определении, сформулируем вопрос, который существенно важен для наших рассуждений: «Каков в представлении конкретного ведущего группы основной продуктивный процесс, обеспечивающий достижение групповых целей?». Попытаемся обнаружить его в универсальных закономерностях развития группы.

Два аспекта работы группы

Представим психологическую группу как малую социальную группу, функционирование которой инвариантно в отношении ключевых групповых процессов и вариативно в отношении проявления этих процессов в каждом конкретном случае. Мы говорим о психологической группе обобщенно как о форме специально организованных групп, целью которых являются психологические изменения ее участников. Итак, о каких аспектах функционирования группы идет речь?

Основываясь на исследовании Ч. Барнарда о двухуровневом функционировании группы, Р.Л. Кричевский и Е.М. Дубовская предлагают рассмотреть групповые процессы в двух аспектах [5]. Первый — инструментальный — аспект отражает работу группы над теми задачами, которые перед ней поставлены: получение результата, достижение конечных целей. Второй аспект — социально-эмоциональный или экспрессивный — связан с межличностным общением участников, поддержанием в группе внутреннего равновесия, «сохранением ее как целого, сплочения» [5, с. 48]. Оба аспекта тесно связаны друг с другом, взаимно влияют друг на друга и находятся в отношениях подчинения.

В психологической группе как разновидности малой социальной группы также обнаруживаются инструментальный и экспрессивный аспекты.

Инструментальный аспект работы группы выражается в следующем. Участники приходят в группу с трудностями, которые преобразуются в соответствующую типу психологической работы проблему. Так, например, жалоба участника на неуверенность в общении с противоположным полом может рассматриваться в обучающем тренинге как дефицит необходимых навыков, а в аналитической группе —

как проявление тревоги, связанной с опытом ранних стадий развития. Трансформация проблем участников также происходит в направлении специфики функционирования конкретного типа группы. В нашем примере в первом случае проявлением инструментального аспекта будет обучение знаниям, умениям и навыкам, необходимым для успешного взаимодействия с противоположным полом. Во втором случае инструментальный аспект работы будет проявляться в анализе и проработке реакций переноса и контрпереноса в соответствии с заявленной проблематикой.

Итогом работы оказывается степень достижения целей: общих, соответствующих типу психологической группы, и конкретных, индивидуальных. Например, в обучающем психологическом тренинге общая групповая цель — обучение модели эффективного поведения. В аналитической группе — «реструктурирование характера клиента и его личности» [3, с. 192]. Индивидуальные цели так или иначе располагаются в контексте общих групповых целей, однако имеют конкретное выражение в зависимости от проблематики каждого участника. Так, например, в обучающем тренинге участнику окажется важнее овладеть отдельными, вызывающими особые затруднения, элементами модели. Предположим, в нашем примере таким наиболее существенным элементом станет навык установления и поддержания контакта. В аналитической группе результатом работы может стать снижение уровня тревоги у участника, проявляющееся и во взаимодействии с членами группы, и в межличностных отношениях за ее пределами.

Таким образом, проявление инструментального аспекта функционирования представлено в самых разных вариантах *развития проблематики* участников психологической группы.

Экспрессивный аспект функционирования группы проявляется в динамике ее развития. Впервые термин «групповая динамика» был использован Куртом Левиним в контексте изучения процессов, происходящих в малых группах [6]. «Он обозначает взаимодействие различных факторов, определяющих функционирование группы» [11, с. 50]. К факторам групповой динамики относят: распределение статусов в группе (роль здесь — динамическая характеристика статуса), выделение и функционирование в группе лидера, образование групповых норм и групповой культуры, достижение сплоченности, давление и конформность, принятие групповых решений. Указанные факторы не существуют сами по себе, а разворачиваются и трансформируются в процессе развития группы. Любая группа проходит цикл своего развития от момента формирования до окончательного распада. Полный цикл жизни группы представлен в стадиях развития. Каждая стадия именуется в соответствии с ключевыми значимыми для развития груп-

пы процессами. Первая — стадия формирования, адаптации, проверки и зависимости; вторая — стадия брожения, группирования, внутреннего конфликта; третья — стадия нормирования, кооперации, развития групповой сплоченности; четвертая — стадия деятельности, функционирования, функционально-ролевой согласованности [5]. Большинство авторов, изучающих развитие малой группы, не включают в цикл развития ее распад, останавливаясь на высшей точке функционирования группы как целого образования. Психологическая группа, как разновидность малой социальной группы, проходит все указанные стадии развития. Однако с учетом целей образования и функционирования психологической группы, а цели эти касаются психологических изменений ее участников, следует уточнить этапы, которые проходят группы такого типа.

Из всего многообразия классификаций стадий развития — тренинговых, консультативных или терапевтических групп — остановимся на классификации, предложенной Дж. Кори [3]. Автор выделяет шесть стадий, из которых первая и шестая не относятся непосредственно к работе группы, но при этом влияют на ее развитие. Кратко охарактеризуем каждую из стадий. Название первой стадии «предгрупповые трудности — формирование группы» отражает необходимость серьезной подготовки, планирования и предварительной работы с участниками до запуска группового процесса. Совместная работа участников начинается на второй стадии — «начальная — ориентация и исследование». Здесь участники знакомятся с правилами функционирования группы, определяют свои цели, ориентируются и начинают завязывать отношения. Первичные задачи начальной стадии — включение и самоопределение. Третья стадия — «переходная — работа с сопротивлением». Продолжение развития отношений в группе усиливает тревогу участников «из боязни позволить другим увидеть себя за маской публичного образа» [3, с. 145]. Прохождение трудностей третьей стадии: переживание сопротивления, возникновение конфликтов, борьба за контроль и влияние, необходимо для достижения участниками подлинной открытости и доверия, которые являются ключевыми характеристиками отношений участников на следующей стадии. Это четвертая «рабочая стадия — сплоченность и продуктивность». Работа группы на данной стадии характеризуется более глубоким и интенсивным уровнем взаимодействия. В условиях групповой сплоченности, которая проявляется в солидарности участников, в чувстве принадлежности, включенности и близости, доверия и принятия, члены группы получают возможность исследовать наиболее глубокие и болезненные темы. На заключительной стадии работы — «объединение и завершение» — участники интегрируют групповой опыт, подводят итоги, обсуждают степень дости-

жения индивидуальных целей. Особое внимание уделяется переносу результатов работы в жизнь, обсуждению возможностей участников справляться с трудностями без группы. Важной частью работы на пятой стадии становится исследование чувств, возникающих в связи с завершением группы и расставанием участников. Последняя стадия «постгрупповая работа — контрольная встреча и оценка» — необходима для обсуждения с участниками успехов и трудностей в реализации полученных результатов, поиска «альтернативных возможностей работы над собой» [3, с. 177].

Таким образом, исключив предгрупповой и постгрупповой этапы, мы говорим о четырех стадиях работы группы: начальной — ориентации и исследования, переходной — работы с сопротивлением, рабочей — сплоченности и продуктивности, заключительной — объединения и завершения.

Конкретное проявление стадий развития группы будет варьироваться в зависимости от ряда факторов: и теоретического направления, и целей работы, и временных возможностей, и конкретных характеристик участников. К примеру, в экзистенциальной группе краткосрочного формата (до 30 часов) работа на стадии сплоченности будет осуществляться вовсе не с той степенью глубины, близости и доверия, с какой данная стадия может разворачиваться в группе длительного формата. Достижение данных характеристик требует углубления в отношения, столкновения и проработки трудных взаимодействий, на что элементарно не хватает времени и пространства в краткосрочной группе. Но даже в длительной группе участники не всегда имеют возможность в полной мере погрузиться в весьма важную для изменений стадию сплоченности. Смена состава, недостаточная мотивация к изменениям, психологические особенности участников и другие факторы могут создавать препятствия для углубления межличностных отношений. Каждая группа обладает уникальным динамическим потенциалом, ориентация в котором позволяет ведущему создать условия для достижения участниками целей работы.

Таким образом, группа проходит стадии своего развития посредством углубления отношений между участниками — от установления социальных контактов к подлинной глубине и близости. Второй аспект функционирования психологической группы — **развитие межличностных отношений ее участников**.

Представив два аспекта функционирования группы — развитие проблематики и межличностных отношений, перейдем к центральной части нашей работы. Она касается различий во взаимосвязи двух уровней, в балансе их соподчинения в зависимости от вида психологической группы.

Баланс уровней функционирования группы в психологическом тренинге и групповой психотерапии

Психологический тренинг и групповая психотерапия относятся к двум широко используемым формам групповой психологической работы. Разнообразие направлений, школ, методов и подходов к проведению обеих форм создает довольно существенное препятствие к однозначному утверждению конфигурации функционирования группы. Более того, тренинг и групповая терапевтическая работа имеют довольно много точек взаимного пересечения и взаимного влияния. Так, например, в 60-е годы XX века в Америке под влиянием традиций гуманистической психологии К. Роджерса возникает движение тренинга социальных и жизненных умений [9], а в основу обучающих тренингов закладываются способы работы, развитые в бихевиоральном подходе [10]. В связи с указанными трудностями уточним, какие направления и конкретные виды психологических групп имеются в виду.

В формате психологического тренинга представлены самые разные направления психологической работы. Психологическое просвещение, обучение умениям и навыкам, развитие способностей, сплочение групп и коллективов — далеко не исчерпывающий список направлений работы, которые вполне успешно осуществляются в тренинге. С целью уточнения ключевых характеристик психологического тренинга как метода работы используем определение, предложенное С.И. Макшановым и Н.Ю. Хрящевой. *Тренинг — это ... «многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации с целью гармонизации профессионального и личного бытия человека»* [9, с. 8]. Исходя из предложенного определения, мы делаем вывод о том, что ведущим в психологическом тренинге является движение в проблематике. На это указывает в первую очередь преднамеренность изменений, которая означает необходимость планирования достижения участниками желаемых результатов. При этом планируемые результаты работы могут быть более или менее конкретными. Так, в обучающих тренингах результат, сформулированный в виде усвоения участниками модели успешного поведения, оказывается достаточно конкретизированным. Например, в тренинге успешного разрешения конфликтов ведущий в качестве преднамеренного изменения рассматривает умение использовать приемы эмоциональной саморегуляции, установления и поддержания контакта и др. В личностно-ориентированных тренингах преднамеренные изменения представлены не так конкретно и однозначно. Достижение результата планируется с учетом индивидуальных возможностей и готовности к изменениям. К примеру, в тренинге, ориентированном на исследование жизненных целей участников, в качестве преднамеренного изменения может рассматриваться их уточнение,

возможно, иерархизация, но содержание целей, безусловно, будет сугубо индивидуальным.

Представим баланс развития проблематики и отношений участников, характерный для психологического тренинга. Для наглядной демонстрации интенсивности проявления каждого из уровней, их взаимного сочетания и влияния используется условная схема (рис. 1). По горизонтали отмечены стадии работы группы: начальная, переходная, рабочая и заключительная. По вертикали — условная столбальная интенсивность проявления уровней развития проблематики и развития межличностных отношений участников группы.

На начальной стадии работы в тренинговой группе доминирует уровень развития отношений участников. Отметим, что психологический тренинг в основе своей использует потенциал взаимодействия участников. Наглядно это представлено в известной модели «Окно Джогарри» [10, с. 60], проясняющей механизмы работы тренинговой группы. Кратко сформулируем эти механизмы. Их два: механизм обратной связи и механизм самораскрытия (рис. 2). Метафора окна иллюстрирует 4 области представления личности о себе, из которых арена является открытой, требующей расширения в сторону других областей. За счет получения обратной связи человек лучше понимает, как его видят другие (уменьшение слепого пятна), а открытое обсуждение маскируемых трудностей позволяет не только ослабить напряжение, но и произвести их коррекцию в направлении большей открытости (уменьшение фасада). Оба механизма создают условия для расширения области арены, а за счет понимания — проникновения в область неведомого — области потенциальных возможностей личности.

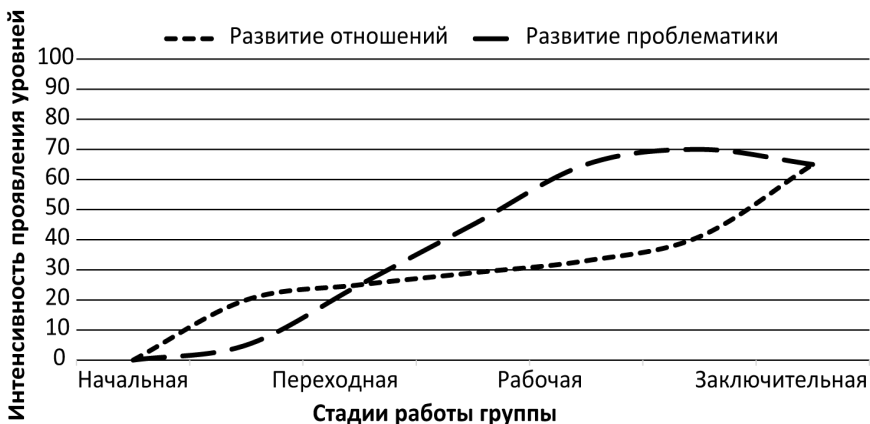

Рис. 1. Баланс развития проблематики и развития межличностных отношений в психологическом тренинге

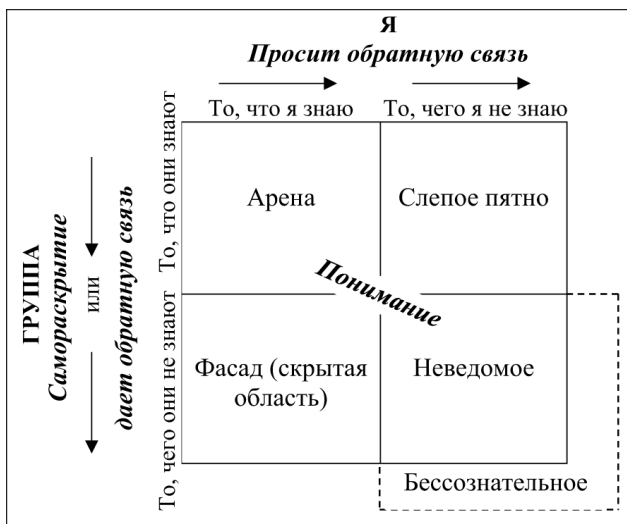

Рис. 2. «Окно Джогарри»

Описанные механизмы не возникают в тренинге автоматически. Их появление связано с достижением необходимой групповой атмосферы: доверия, безопасности, открытости. Решение этих задач происходит на начальной стадии — в тренинге стадии работоспособности. Создание условий для возникновения работоспособной группы — ключевая цель первой стадии тренинга. Такое состояние достигается за счет углубления контакта участников, их ориентации в условиях работы группы. Для этого ведущий структурирует работу на первом этапе посредством ряда процедур: знакомство участников, обсуждение ожиданий и опасений, введение норм и правил работы.

Аспект развития проблематики так или иначе возникает в группе — во вступлении ведущего, в постановке участниками целей, но активной целенаправленной работы с ними — исследования, обучения, развития на первом этапе не происходит. Ведущий совместно с участниками только осуществляет подготовку к планируемой работе с содержанием тренинга.

На следующей стадии (в тренинге она называется стадией мотивации) начинает доминировать уровень развития содержания. Особенно ярко это проявляется в обучающих тренингах. Ведущий предлагает участникам моделировать проблемную ситуацию, которая позволяет обнаружить умения и навыки, планируемые для последующего обучения. Кульминацией работы на уровне развития проблематики становится третий этап. В обучающем тренинге — это стадия обучения, цель которой освоение участниками навыков, необходимых для успешно-

го поведения в проблемных ситуациях. При этом целенаправленного развития межличностных отношений у участников на этих стадиях не совершается. Достигнутый уровень контакта участников, позволяющий открыто предоставлять обратную связь и осуществлять самораскрытие, способствует продвижению в проблематике, но не является отдельным предметом работы. Но отношения между участниками так или иначе продолжают развиваться посредством совместной работы [8]. Поэтому ведущий, помимо непосредственной задачи продвижения группы в содержании, должен осуществлять и систематическую рефлексию отношений в группе. Особенно важным это становится в ситуациях интенсификации конфронтационных межличностных отношений участников. В момент эскалации конфронтаций участники перестают включаться в процесс развития проблематики или включаются фрагментарно. В этом случае работа в тренинге оказывается для них неэффективной с точки зрения планируемых результатов. В другом формате психологической работы ситуация конфронтации (ее исследование, проработка) могут принести пользу участникам. Но в условиях конкретного тренинга такая работа не соответствует целям группы. Сложность в том, что ведущий не может игнорировать возникшую ситуацию. Игнорирование происходящего в группе усугубит отношения участников, не говоря уже о торможении развития проблематики (содержания) тренинга. Для восстановления процесса работы с содержанием ведущему необходимо до некоторой степени восстановить отношения: прояснить трудности, ослабить напряжение, минимально обозначить ситуацию, обсудив с участниками возможность продолжения освоения планируемой программы тренинга в сложившихся условиях. Но в полной мере проработать отношения не представляется возможным, более того, это небезопасно для участников. Исключение составляют тренинги, непосредственно направленные на проработку актуальных трудностей, к примеру, в рабочей группе. Здесь планируемая проработка трудных групповых ситуаций может совпасть с эскалацией проблемных отношений участников в тренинге.

Таким образом, восстановление процесса продвижения в проблематике будет для ведущего ориентиром, позволяющим оценить готовность группы продолжать работать с актуальным содержанием.

На заключительной стадии функционирование уровня проблематики связано с подведением итогов работы в тренинге. Но развитие этого уровня практически не происходит, то есть специальная направленная работа с содержанием не осуществляется. Внимание ведущего вновь перемещается в план межличностных отношений. Задача заключительной стадии — создать условия для осмысления совместной работы в тренинге и опыта отношений членов группы. Таким образом, в последнем

периоде развитие отношений между участниками вновь становится доминирующим уровнем работы.

Итак, мы видим, что преднамеренность и конкретность планируемых изменений в тренинге определяет основное влияние уровня развития проблематики и вспомогательное — уровня развития отношений. Атмосфера, достигнутая в группе на первой стадии, является условием для работы с центральными темами тренинга, но не становится отдельным ее предметом. В зависимости от того, насколько круг планируемой проблематики касается более личных тем, как, например, в ряде тренингов личностного развития [7], создание глубокого, доверительного и безопасного контакта становится отдельной важной и требующей особых усилий задачей ведущего. Установление, а возможно и углубление достигнутого на первой стадии контакта будет требовать его поддержки и на последующих этапах работы. Но в случае, когда тренинг демонстрационный, особенно если участники такого тренинга слабо мотивированы к изменениям, процедуры начального этапа будут достаточно поверхностными.

Ниже показано, что развитие отношений в личностно-ориентированном тренинге происходит более интенсивно, но все-таки не становится отдельным предметом работы (рис. 3).

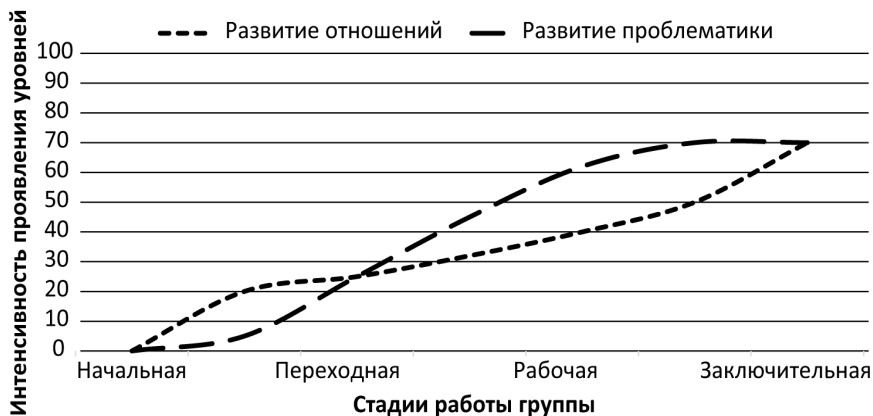

Рис. 3. Баланс развития проблематики и развития межличностных отношений в личностно-ориентированном тренинге

Для сравнения на рисунке 4 показан баланс развития двух уровней в демонстрационном тренинге, тренинге-семинаре, участники которого недостаточно мотивированы на совместную работу в группе. В данном случае мы не анализируем степень эффективности усвоения содержания. Мы лишь показываем баланс сочетания двух уровней.

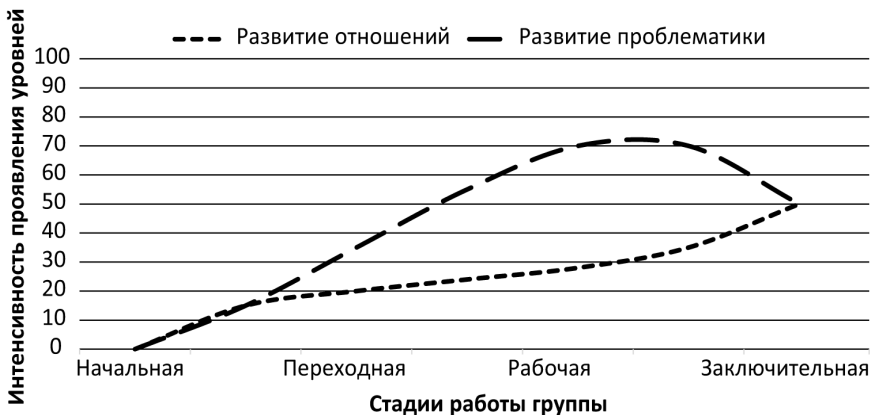

Рис. 4. Баланс развития проблематики и развития межличностных отношений демонстрационном тренинге

Перейдем к анализу уровней функционирования группы — развития проблематики и развития межличностных отношений — в условиях групповой психотерапии.

Для начала уточним, о каком методе идет речь. Как пишет Р. Кочюнас, термин «групповая психотерапия» имеет две трактовки. Первая более узкая — «использование группового метода в лечебных целях», вторая более широкая — «психотерапевтический метод, использующий факторы групповой динамики для решения эмоциональных, личностных, поведенческих проблем людей, а также для совершенствования личности» [4, с. 4].

В данной статье использована вторая, более широкая, трактовка, в определении которой уже есть указание на ведущую роль групповой динамики для достижения целей. По мнению И. Ялома, «терапия интерперсональна — и в своих целях, и в своих средствах. Пациенты, проходящие групповую терапию, где-то между третьим и шестым месяцем часто изменяют первоначальные терапевтические цели. Изначальная цель — ослабление страданий — преобразуется и в конце концов заменяется новыми целями, обычно интерперсональными по своей природе... Одна из первых задач терапевта — облегчить перевод симптомов в интерперсональные конструкты» [12, с. 25]. Рассмотрим функционирование уровней развития проблематики и развития отношений в свободной интерактивной группе, какой ее описывает И. Ялом. В данной группе участники только отчасти касаются личных историй. Основная работа происходит, когда проблемы участников разворачиваются в отношениях с другими членами группы. Ведение такой группы требует от терапевта иной ориентации — «упования» на межличностные отношения участников, на динамику их развития, на их достаточные воз-

возможности, целительную силу. Что касается движения в проблематике, обращение к ней несомненно происходит. Но в данном случае речь не идет об индивидуальной, ориентированной на работу с проблемой психотерапии отдельных участников на фоне группы. Существуют и такие формы работы, баланс развития отношений и развития проблематики которых скорее приближен к модели, представленной для тренинга личностного развития. В свободной интерактивной группе появление проблем и их трансформация происходят в отношениях. Ведущий не задает специального, тематического направления работы группы. В ней могут возникать самые разные проблемы и темы. Но для этого группа должна стать интерактивной. Как это происходит?

Представим характерный для работы интерактивной группы баланс развития проблематики и развития межличностных отношений (рис. 5).

Развитие межличностных отношений участников в данной группе является центральным предметом работы и осуществляется на протяжении всего времени функционирования группы.

На начальной стадии участники изолированы друг от друга, ведущий совершает ряд интервенций для того, чтобы наладить отношения между ними. Он перенаправляет внимание участников в группу, например, переадресует вопросы и высказывания, инициирует появление откликов друг на друга, стимулирует обмен чувствами и т. д. Таким образом, ведущий запускает интенсивное взаимодействие между участниками. Развитие проблематики на данной стадии происходит в направлении обсуждения проблем, целей, историй, которыми участники делятся в группе. При этом ведущий не спешит прорабатывать заявленные проблемы. Он позволяет им проявиться, разместиться в пространстве межличностных отношений.

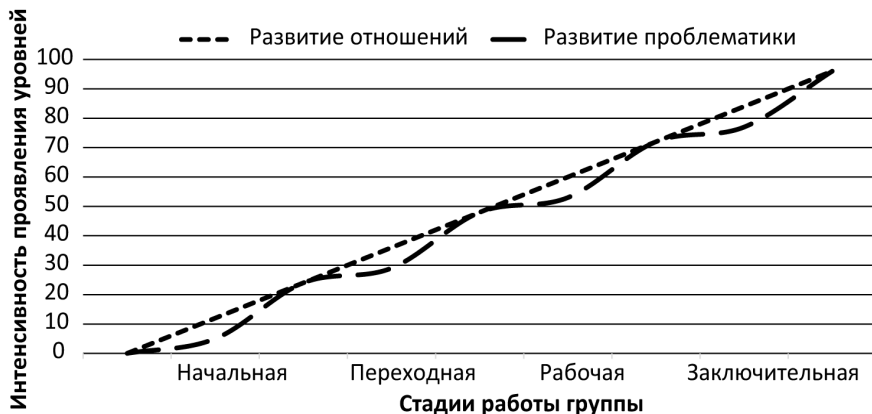

Рис. 5. Баланс развития проблематики и развития межличностных отношений в терапевтической группе свободного интерактивного типа

И далее на последующих этапах мы видим, что отношения непрерывно развиваются. При этом проработка конкретной проблематики имеет волнообразную динамику развития. В какой-то момент она находится в латентном состоянии, хотя на самом деле продолжает развиваться и интенсифицируется в ситуациях межличностного взаимодействия. Приведем пример. Группа достигла переходной стадии. Ее функционирование характеризуется появлением конфликтов, которые связаны с обнаружением в группе не только социально-приемлемых чувств (что характерно для первой стадии), но и таких трудных чувств, как раздражение, злость, страх, обида. Участники, которым трудно удерживаться в подобных ситуациях в жизни, обнаружат тревогу, желание уйти из группы, бессилие и другие реакции, наглядно демонстрирующие наличие проблем, требующих особого внимания. Таким образом, даже если участник не заявлял в качестве цели уменьшение тревоги, например, в ситуации конфликта, он получает возможность исследовать возникшую проблему. Более того, зачастую она оказывается связана с первоначальной целью.

Пиком развития отношений считается третий этап. Специалисты описывают характер отношений на этой стадии, используя термин «сплоченность» [3; 4; 11; 12]. Сплоченной считается группа, в которой установлены близкие глубокие доверительные отношения, в которой есть взаимное притяжение и взаимное принятие участников. Достижение такого состояния является условием появления наиболее глубоких и болезненных тем, которые участники готовы открыть, доверить друг другу. На последней стадии развитие отношений происходит в контексте завершения функционирования группы. Благодарность за совместную работу и прощение с членами группы может стать для участников искренним и глубоким, наполненным самыми разными чувствами. В этом периоде завершается работа и на уровне проблематики — обсуждение результатов, возможности их переноса в жизнь за группой. Таким образом, оба уровня соединяются в оценке межличностных отношений и терапевтических целей.

Итак, не имея возможности углубиться в тонкости и сложности функционирования терапевтической интерактивной группы, мы представили существенно иные, в отличие от тренинговой группы, динамические характеристики баланса развития межличностных отношений и развития проблематики. Сформулируем основные выводы сравнения баланса развития указанных уровней в тренинге и терапевтической группе.

Выводы

Различия баланса уровня развития отношений и уровня проблематики касаются соподчинения этих уровней. Начальная и заключительная

стадии работы в тренинге и терапевтической группе довольно похожи. Основные задачи начала и завершения связаны с уровнем межличностных отношений, поскольку любая психологическая группа базируется на механизмах социального взаимодействия. На первой стадии — это установление и развитие контакта между участниками, на последней — его завершение. Характер работы групп на центральных стадиях имеет значительные различия. Они касаются процессуальных ориентиров работы ведущего. В психологическом тренинге эти ориентиры лежат в области развития проблематики, а взаимодействие рассматривается как вспомогательный уровень, на фоне которого происходят изменения. В групповой терапии — это развитие отношений как ключевой процесс, обеспечивающий изменения участников.

Необходимо отметить, что описанные варианты процесса работы психологических групп представлены укрупненно и обобщенно. Каждая группа имеет свою уникальную конфигурацию движения.

В данной статье сделан шаг в направлении осмысления ведущим тех процессов, которые являются важными ориентирами в планировании и проведении групповой работы. Работа ведущего требует осознания, более того, упования на такой процесс работы, который позволит группе быть полезной, целебной для участников. В этом случае стратегия и тактика работы с группой появляются естественно и непротиворечиво. Такая основательная осознанность позволяет ведущему быть достаточно свободным в регуляции необходимого баланса развития проблематики и отношений участников в психологической группе. Осознанная работа в контексте необходимого и достаточного для продвижения конкретной группы балансирования указанных аспектов является ключевым комплексным умением ведущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
2. *Василюк Ф.Е., Карягина Т.Д.* Личность и переживание в контексте экспириентальной психотерапии // *Консультативная психология и психотерапия.* 2017. Т. 25. № 3. С. 11—32. doi:10.17759/cpp.2017250302
3. *Кори Д.* Теория и практика группового консультирования: пер. с англ. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
4. *Кочюнас Р.* Психотерапевтические группы: теория и практика. М.: Академический проспект, 2000. 240 с.
5. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Социальная психология малой группы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 318 с.
6. *Левин К.* Теория поля в социальных науках: пер. с англ. М.: Академический проспект, 2017. 313 с.

7. *Никандров В.В.* Антитренинг, или Контуры нравственных и теоретических основ психотренинга: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003. 176 с.
8. *Петровский В.А.* Деятельностное опосредование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 5—16.
9. Психогимнастика в тренинге / Под ред. Н.Ю. Хрящевой. СПб.: Ювента, И.Т., 1999. 256 с.
10. *Рудестам К.* Групповая психотерапия: пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 384 с.
11. *Рутан Дж., Стоун У.* Психодинамическая групповая психотерапия: пер с англ. СПб.: Питер, 2002. 400 с.
12. *Ялом И.* Групповая психотерапия. Теория и практика: пер. с англ. М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2001. 576 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROCESSES OF GROUP WORK IN PSYCHOLOGICAL TRAINING AND PSYCHOTHERAPEUTIC GROUPS

A.N. MOLOSTOVA*,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
Molostova.psychotherapy@yandex.ru

The article presents an approach to the analysis of the functioning of psychological training group and therapy group. The following aspects of the functioning of the psychological group are considered: evolution of the problematics and evolution of the relationships. Evolution of the problematics refers to the movement in the field of the content of the problems on which participants focus. Evolution of the relationships signifies the deepening of the contact between the participants in the dynamics of the group's development. The author analyzes how the balance between these two aspects changes depending on the approach to group psychological work. Both aspects are considered in the context of the development stages of a training or therapy group. As a result, differences in the balance between the evolution of the relationships and evolution of the problematics in two types of

For citation:

Molostova A.N. Comparative Analysis of the Processes of Group Work in Psychological Training and Psychotherapeutic Groups. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 112—128. doi: 10.17759/cpp.2018260108. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Molostova Anna Nikolaevna*, Ph.D. in Psychology, assistant professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Counseling and Clinical Psychology Department, Moscow State University of Psychology & Education, Member of the Eastern European Association for Existential Therapy, group psychotherapist, Moscow, Russia, e-mail: Molostova.psychotherapy@yandex.ru

groups are formulated. In psychological training evolution of the relationships between participants has an auxiliary value while the evolution of the problematics dominates. In group therapy evolution of the relationships is a key process that provides therapeutic changes.

Keywords: psychological group, psychological training group, group therapy, evolution of relationships, evolution of problematics, development stages of the group.

REFERENCES

1. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii analiz v psikhologii [Methodological analysis in psychology]. Moscow: MGPPU; Smysl, 2003. 240 p.
2. Vasilyuk F.E., Karyagina T.D. Lichnost' i perezhivanie v kontekste v kontekste eksperimental'noi psikhoterapii [Personality and Experiencing in the Context of Experiential Psychotherapy]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2017, no. 3, pp. 11–32. doi:10.17759/cpp.2017250302. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Corey G. Teoriya i praktika gruppovogo konsul'tirovaniya [Theory and practice of group counseling]. Moscow: Eksmo, 2003. 640 p. (In Russ.)
4. Kociunas R. Psikhoterapevticheskie gruppy: teoriya i praktika [Psychotherapeutic groups: theory and practice]. Moscow: Akademicheskii prospekt, 2000. 240 p.
5. Krichevskii R.L., Dubovskaya E.M.. Sotsial'naya psikhologiya maloi gruppy: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Social psychology of a small group. Textbook for high schools]. Moscow: Aspekt Press, 2001. 318 p.
6. Lewin K. Teoriya polya v socialnikh naukakh [Field theory in social science]. Moscow: Akademicheskii prospekt, 2017. 313 p. (In Russ.)
7. Nikandrov V.V. Antitrening, ili Kontury нравstvennykh i teoreticheskikh osnov psikhotreninga: Uchebnoe posobie [Antitrening or Contours of the moral and theoretical foundations of psychological training]. Saint Petersburg: Rech', 2003. 176 p.
8. Petrovskii V.A. Deyatel'nostnoe oposredovanie mezhlichnostnykh otnoshenii: fenomeny, sushchnost' [Activity mediation of interpersonal relationships: phenomena and subject-matter]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2011, no. 1, pp. 5–16. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Khryashcheva N.Yu. (ed.). *Psikhogimnastika v treninge* [Psychogymnastics during training]. Saint Petersburg: Yuventa, I.T., 1999. 256 p.
10. Rudestam K. Gruppovaya psikhoterapiya [Experiential Groups in Theory and Practice]. Saint Petersburg: Piter, 2001. 384 p. (In Russ.)
11. Rutan J., Stone W. Psikhodinamicheskaya gruppovaya psikhoterapiya [Psychodynamic group psychotherapy]. Saint Petersburg: Piter, 2002. 400 p. (In Russ.)
12. Yalom I. Gruppovaya psikhoterapiya. Teoriya i praktika [Theory and practice of group psychotherapy]. Moscow: Aprel' Press, EKSMO-Press, 2001. 576 p. (In Russ.)

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
PSYCHOANALYTICAL STUDIES

ИПОСТАСИ И ТРАНСФОРМАЦИИ РОЛИ ОТЦА В ПСИХОАНАЛИЗЕ

М.А. ГУЛИНА*,
СИТИ Университет, Лондон, Великобритания,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
marinagulina@mail.ru

Осуществлен анализ различных психоаналитических точек зрения на роль отца в психической жизни, в развитии человека и общества. Подчеркивается идея принесения в жертву сексуальности как неизбежного и трагического элемента эдипальной ситуации. Рассмотрены материнские и отцовские функции в развитии ребенка. Проведен сравнительный анализ понятия «отец», представленного в работах Фрейда, Лакана, Грина, Малера, Кляйн, Бриттона и других психоаналитиков. Обсуждается понятие Третьести в современном психоанализе, сравниваются теории Третьего, представленные работами Бенджамин и Огдена.

Ключевые слова: мертвый отец, символический отец, идеализированный (нарциссический) отец, убитый отец, доисторический отец, воображаемый отец, реальный отец, отцовские функции, разделенный Третий, энергетический Третий.

Для цитаты:

Гулина М.А. Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 129—145. doi: 10.17759/cpp.2018260109

* Гулина Марина Анатольевна, доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор, СИТИ Университет, Лондон, Великобритания, e-mail: marinagulina@mail.ru

До возникновения отца, возможно,
существует общество, но не семья.
До возникновения отца есть предыстория,
но нет истории цивилизации.

Л. Зойя. Созидание души

Сила и могущество фигуры и образа отца прослеживались во все времена, во всех культурах и религиях. Если обратиться к истории рассмотрения психоаналитиками роли отца в развитии ребенка, то изначально Фрейд делал акцент на подавляющих, наказующих аспектах репрезентации отца, и кульминацией этого было создание концепции эдипального отца [15; 16]. Однако уже в 1951 году Левальд несколько отошел от этого взгляда, указав на то, что роль отца значительно более обширна и что он служит буфером между ребенком и матерью для детей обоих полов [33].

Во второй половине XX века, во многом благодаря работам Малер и ее последователей, можно было наблюдать сфокусированность эго-психологии на единой диаде «мать и ребенок» что отводило отцу второстепенную роль в раннем развитии ребенка [34; 35]. Гринэйкр предположила, что пренебрежение ролью отцов произошло потому, что экспериментальные условия, в которых изучались мать и ребенок, хотя и непреднамеренно, но исключали отцов из поля зрения исследователей [22].

Термин «мертвый отец» был введен Фрейдом в работе «Тотем и табу», где он использовал понятия «символического» и «мертвого» отца взаимозаменяемо. Эта линия была далее разработана Лаканом, который считал, что смерть отца является серьезным рубежом в развитии личности, и Росолато, который предложил различать «идеализированного» отца и «мертвого» отца [40]. В дальнейшем Столов ввел термин «отцовская функция» [41]. И, наконец, Хассон [24] предложил концептуально различать понятия «убитого» и «мертвого» отца. Он считает, что трансформация понятия «убитого» отца в «мертвого» вводит понятия закона и генеалогии в жизнь общества [24, с. 17]. Согласно Перелберг, история Эдипа показывает нам, что «мертвый» отец является символическим третьим, а поворот от «убитого» отца к «мертвому» отцу представляет собой попытку регулировать сексуальность вплоть до отказа от нее [39]. Заметим, что здесь все авторы говорят о метафорическом убийстве отца, поскольку психоаналитические клинические исследования показали также, что исключение реального отца из жизни ребенка ведет к многочисленным психическим нарушениям: психозам, перверсиям, насилию по отношению к окружающим. В области психологических исследований ярким примером, подтверждающим эту идею на эмпирическом уровне, является исследование, проведенное Калиной и Холмогоровой [2]. Это обширное количественное исследование показало, что по-

зитивный отцовский образ может влиять на эмоциональное благополучие и формирование полоролевой идентичности подростков и является особенно значимым в ситуации отсутствующего в семье отца.

Прежде чем двинуться дальше, необходимо отметить, что термин «мертвый отец» используется в психоаналитической литературе и в другом смысле, а именно, как аналогия с «мертвой матерью» — широко известным понятием, введенным Андре Грином [20]. Напомним, что Грин описывает внутренний недостаток альтруизма, заботы и щедрости у матери, из-за которого она не может осуществлять свои материнские функции, например, посвящать себя ребенку, отказываться от своих интересов, прощать, успокаивать, питать. Другими словами, это женщина, которая жива как человек, но мертва как мать. Она в основном поглощена своим собственным внутренним миром, полным траура, ангедонии и мертвости. Несколько схожим образом трактует этот термин и Мак-Дугалл [36], описывая свой собственный случай. Ее отец умер, когда ей было 15 месяцев. Мать, впадшая в депрессию, отвернулась от ребенка, и автор связывает эти обстоятельства своего раннего детства со своими последующими отклонениями в творчестве и сексуальности. Позже Калинин и Тэйлор использовали термин «мертвый отец» для описания недостатков отцовской функции у отца, когда отец не столько заботится о своем потомстве, сколько наказывает, преследует его [42].

Согласно психоаналитической парадигме, сексуальность никогда не может быть редуцирована к биологическому, и это приношение в жертву человеческой сексуальности законам культуры, рода, общества является часто забытым при размышлениях об Эдиповом комплексе.

Так, Грин считает, что Эдипов комплекс представляет собой первую базовую символическую структуру и включает связь таких понятий, как убийство отца, начало формирования Эго-идеала, идентификация, формирование Супер-эго, утрата, кастрация, десексуализация и сублимация [19; 21]. Эти идеи отличаются от позиции Кляйн, которая считала, что мать или утрата матери является источником символизации: что отец «следует» за матерью, и пенис становится заместителем груди [29]. Для Фрейда же отец является первоначальной фигурой, которая присутствует в психике матери и является тем третьим элементом, который запрещает инцест в отношениях с матерью [8].

«Убитый отец» и «мертвый отец»

Тема убийства отца пронизывает многие литературные произведения, а также работы Фрейда, принимая различные формы. Иногда он обсуждает это как миф, иногда — как то, что вытеснено, но парадокс

остается тем же самым: убийство отца, по мнению Фрейда, является необходимым требованием для возникновения социального порядка, а значит, запрещения всех убийств.

Еще в 1897 году Фрейд в своем знаменитом письме Флиссу пишет о наблюдении, поразившем его: во всех его клинических случаях именно отец является виновником перверсии пациента, не исключая своего собственного отца. Однако через анализ своих собственных сновидений он смог увидеть бессознательную природу этих универсальных запретных желаний, присущих и ему и его пациентам. Эта история об убитом отце будет присутствовать в бессознательном каждого отдельного человека.

Рассмотрим подробнее ход мысли Фрейда и трансформацию его точки зрения на функцию отца. В анализе собственных сновидений Фрейд обнаружил амбивалентные чувства относительно своих собственных родителей: инцестуозные желания, с одной стороны, и желание убить своих родителей, с другой. Изучение мифов, культуры и антропологии подтвердило универсальный статус подобных желаний. Хорошо известно, что Фрейд написал «Интерпретацию сновидений» после смерти своего отца, и в предисловии он указывает, что эта книга содержит его собственный самоанализ, его реакцию на смерть отца, которую он называет «наиболее значимым событием и наиболее важной потерей в жизни человека» [16, с. X].

В то же время он подчеркивает важность освобождения от власти отца: ... «доктор имеет возможность часто видеть, что сын, в горе оплакивающий потерю своего отца, не может подавить, скрыть своего удовлетворения из-за обретения своей свободы» [11, с. 255]. Хотя на этот период понятие Эдипова комплекса не было еще сформулировано, Фрейд пишет в этом труде об отцовском комплексе, имея в виду амбивалентные чувства по поводу отца и желание власти над матерью [11, с. 363]. Заметим, что сам термин «комплекс» был введен не Фрейдом, а Брейером в 1895 году в «Очерках об истерии». В настоящий момент Оксфордский словарь психологии, например, дает следующий список комплексов: кроме Эдипова комплекса, это комплекс Дианы, комплекс Электры, комплекс Иокасты, комплекс Ореста и комплекс Федры.

Позже в книге «Тотем и табу» [17] Фрейд формулирует положение о том, что культура берет свое начало в комплексе отца. Он начинает разрабатывать идеи о роли реального отца, о процессе интернализации его образа ребенком, а также начинает понимать роль символического отца, которого он видит теперь как мертвого отца, который представляет собой интернализацию опыта поколений, а также закон и культуру. В этой же работе Фрейд говорит о том, что первичное отцеубийство, совершаемое ордой, приносит не только вседозволенность и террор, но также — сожаление и вину, поскольку сыновья не только ненавидят, но и любят своего отца. Это усложняется тем, что, хотя братья были спо-

собны собраться вместе и убить отца, в последующем они оказались в ситуации, когда каждый хотел власти над всеми женщинами для себя, и чтобы предотвратить эту катастрофу, деструкцию, им приходится вводить запрет на инцест, что создает институт экзогамии и вводит идею взаимности, а это уже представляет собой начало зарождения общества. Другими словами, убийство отца заставляет понять, что отречение и жертвенность необходимы, если общество хочет выжить. Это, с одной стороны, открытие «другого» — т. е. отказ от полного нарциссизма, а, с другой стороны, своего рода социальный контракт. Бессознательное начало всех религий становится родительским комплексом, где подчеркиваются амбивалентные чувства и любви, и ненависти к отцу. В 1939 году в работе «Моисей и монотеизм» Фрейд сформулировал это с предельной ясностью: «религии должны были быть изобретены как противоядие желанию убивать» [13, с. 188]. Он также отмечает, что мертвый отец, который теперь существует как символический отец, становится более могущественным, чем когда он был жив [12, с. 144]. Там же Фрейд упоминает запоздалое послушание, которое в архаичных культурах легко распознать в поклонении тотему [17]. Похожие идеи были предложены в антропологии: например, Леви-Стросс считал, что инцестуозное табу — это «фундаментальный шаг от природы к культуре» [32, с. 25].

Размышляя о роли и значении фигуры отца, важно обратиться и к работе «Я и Оно» [15], где Фрейд выдвинул идею первичной идентификации с доисторическим отцом, поясняя, однако, что этот термин подразумевает родителей, взятых как целое. Другими словами, это поворот к родительской функции в целом. Так, он пишет: ... «последствия первых идентификаций, сформированных в самом раннем детстве, будут носить общий и долговременный характер» [15, с. 31]. Это снова приводит нас к происхождению Эго-идеала, за которым всегда скрывается первая и наиболее важная идентификация индивида: его идентификация с отцом в его собственной личной предыстории. Это очень созвучно с тем, что пишет о. Павел Флоренский: «Быть без чувства живой связи с дедами и прадедами — это значит не иметь себе точек опоры в истории. А мне хотелось бы быть в состоянии точно определить себе, что именно делал я и где именно находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и всего мира, — я, конечно, в лице своих предков» [3, с. 37].

Важна сноска, которую делает Фрейд к своей фразе: ... «возможно, было бы точнее сказать “с родителями”, потому что первоначально ребенок не имеет ясного знания о различиях между полами, об отсутствии пениса у матери, он не различает значимости отца и матери» [15, с. 43]. Хотя кажется, что понятие Эго-идеала замещает понятие Супер-эго, существует принципиальная разница между ними. Эго-идеал предшествует катексису объекта, за ним скрывается первая и наиболее важная

идентификация с доисторическим отцом. Эго-идеал представляет собой тоску по отцу [15], и это отлично от функции запрета, которую несет Супер-эго. Перелберг видит в этом различие между работами Фрейда «Тотем и табу» и «Я и Оно». Если в первой подчеркивается роль реального отца, то во второй сделан шаг вперед к более абстрактному понятию родительской функции [39]. Разница между первичной идентификацией, которая предшествует объекту, и вторичной идентификацией, связанной с отказом от объекта, устанавливает разницу между нарциссическим отцом и мертвым отцом [41].

Лакан пишет о так называемом «изначальном отце» — это тот отец, который существует до введения табу на инцест, до возникновения Закона, социальной структуры, культуры, морали [30]. В психоаналитической литературе было введено несколько понятий, чтобы обозначить этого изначального отца. Росолато, например, предлагает термин «нарциссический», или «идеализированный», отец, чтобы обозначить этого мифологического/доисторического отца, который всемогущ, обладает всеми женщинами и управляет через насилие [40].

Нелегко догадаться, что образ мертвого отца плавно перетекает в образ Бога в различных монотеистических религиях, особенно в иудаизме и христианстве. Отцовская функция представляет собой всемогущего Бога, который невидим и недоступен напрямую. И, конечно, эта функция не должна смешиваться с биологической реальностью присутствия матери и отца в жизни ребенка.

Размышляя об Отце, Лакан различал три понятия: Символического Отца («Имя Отца»), Воображаемого (либо идеализированного, либо плохого отца, «анального» — в терминологии Жижека) и Реального (тем или иным образом разрушающего символический порядок своим неадекватным реальным поведением). Он также подчеркивал важность третьей составляющей Эдипова комплекса, определяемой им как «место, которое мать оставляет для Имени Отца во имя торжества Закона» [30, с. 51]. Лакан тоже видел важную роль Имени Отца в движении индивидуума от замкнутых, первичных отношений с матерью к вхождению в более широкий мир культуры и символического.

Фрейд также пишет о разнице между отцовской и материнской функцией следующим образом: ... «но этот поворот от матери к отцу, кроме того, указывает на победу мышления над чувственностью, поскольку материнство доказано через очевидность ощущений, в то время как отцовство — это гипотеза, основанная на законе наследования. Таким образом, становится очевидным этот важный шаг в отдавании предпочтения мыслительному процессу в противовес чувственному восприятию» [17, с. 113]. В этом тексте Фрейд не рассматривает материнскую функцию как схожую с отцовской и не рассматривает роль матери в помощи

ребенку символизировать, хотя в других текстах он это делает. В этой работе он подчеркивает несводимость образа отца только к чувственной природе: отец, как монотеистический Бог, невидим и скрыт.

Признавая роль отца, различные специалисты выделяют разные грани его роли и функции. Так, юнгианский аналитик Зойя формулирует это следующим образом: ... «создание роли отца имеет существенное значение для создания модели семьи, то есть первого шага на пути цивилизации» (курсив. — М.Г.) [1, с. 119]. Известная антрополог и культуролог Мид в своей работе «Мужчина и женщина» пишет нечто иное: «Свидетельства показывают, что мы должны считать отцовство чем-то весьма отличным от материнства. Мужчины должны научиться желать заботиться о других... Обратное справедливо и в отношении женщин: если их не учить отвергать материнский инстинкт, они остаются матерями» [37, с. 179].

Передача образа «мертвого отца»

Возникает вопрос, как происходит формирование первичной идентификации? Как этот отцовский запрет передается из поколения в поколение? Этот вопрос был сформулирован Фрейдом в работе «О нарциссизме» следующим образом: как представлена связь между поколениями в формировании психики [14]? Фрейд различает филогенетическое наследование и биологическое наследование. Так, о филогенетическом наследовании Фрейд пишет: ... «это ставит два следующих вопроса: как мы можем пояснить психическую непрерывность в сменяющихся поколениях и каким образом, какими средствами и путями одно поколение передает свои психические состояния другому?... Мне кажется, что часть проблемы может быть описана как наследование психических установок» [12, с. 157]. Это напоминает идею Биона о том, что преконцепции ждут своей реализации. Перелберг также указывает на то, что истинный психоаналитический подход поднимает вопрос этой бессознательной передачи: что именно передается от взрослого к ребенку, от матери к младенцу и так далее [39]? Но что бы это ни было, это всегда бессознательный материал: фантазии, первичное вытеснение, первичные идентификации с обоими родителями. Все это указывает на то, как она считает, что ребенок рожден в треугольной структуре, которая предшествует появлению ребенка, и эта структура будет формировать его идентификации. Таким образом, бессознательные желания и фантазии родителей являются решающими для формирования ребенка. Более того, как считал Лакан, ребенок еще до рождения предуготовлен вступать в «поле Языка» своих родителей, которое уже создано для него.

Сила соблазнения, которому подвергается ребенок, зависит от способности родителей, особенно матери, умерять свои желания [7]. Этот способ размышления очень характерен для французского психоанализа, но мало развит в британской психоаналитической традиции. Передача родительских бессознательных фантазий помещает ребенка в бессознательное Другого и подразумевает неизбежное вытеснение, поэтому Перелберг предлагает называть это достаточно хорошим вытеснением (*good enough repression*) убивающих и инцестуозных (кровосмесительных) фантазий, присутствующих в материнской психике.

Безусловно, материнская функция в процессе символизации рассматривалась другими авторами, включая Винникота и Биона. Файмберг предложила понятие «телескопирование поколений» (*telescoping of generations*) — тип бессознательной отчужденной идентификации, которая конденсирует (содержит) в себе три поколения и показывает себя только в переносе [10]. Она считает, что это связано с определенной нарциссической конфигурацией, исторический аспект которой может быть виден только через интерпретацию. Она подчеркивает, что передача от поколения к поколению часто является невидимым объектом в психоанализе. Фрейд подчеркивал роль языка в этой бессознательной передаче; о роли языка в этом процессе ярко писал и Лакан.

Лапланш и Понталис размышляют об этом в нескольких направлениях: во-первых, они пишут о решающей роли «опыта удовлетворения, галлюцинаторного исполнения желания» [31, с. 35], во-вторых, о тотальной зависимости младенца от материнского всемогущества, и, в-третьих (в рамках второй теории Фрейда о возникновении тревоги, — так называемой сигнальной тревоги) они подчеркивают, что беспомощность младенца становится сигналом, «прототипом травматической ситуации».

Грин неоднократно отмечал, что мать мечется между переизбытком удовлетворения (ребенка) и переизбытком фрустрации (*excess of gratification and excess of frustration*); Фрейд также видел опасность этого материнского переизбытка удовлетворения. Так, в работе о Леонардо он пишет: ... «в самом счастливом молодом браке отец осознает, что младенец, особенно если это мальчик, становится его соперником, и это первоисточник антагонизма по отношению к любимчику, который (антагонизм) глубоко укореняется в бессознательном» [12, с. 116]. Отец становится третьим элементом в этом дуэте, для чего необязательно его реальное присутствие, на что многие авторы уже указывали. Он также является отцом в уме и душе матери, а кроме того, этот третий не обязательно является отцом. Грин также писал о том, что Эдипальная структура является открытым треугольником, где третий может быть заменяем [19, с. 131]. В то же время не

нужно забывать о том дефиците в развитии ребенка, который порождается отсутствующим отцом (*absent father*). Например, Кемпбелл в своих работах особенно подчеркивает роль фактора отсутствующего отца в печально высокой статистике подростковых самоубийств в Англии [9].

Точка зрения Кемпбелла близка к идее «голода по отцу» (*father hunger*), выдвинутой ранее Херцогом [25—28]. Речь идет об эмоциональном состоянии агрессивной дезорганизации, характерном для детей, чьи отцы отсутствуют. Это состояние может быть обратимым, если отец появится вновь. У маленьких мальчиков голод по отцу может выражаться в расстройствах сна (кошмарах, например) и фобиях; у мальчиков постарше — в сверхидентификации с отцом. У девочек чаще наблюдаются депрессивные реакции на отсутствующего или недостаточного отца. Для детей обоих полов отец важен своей помощью в сепарации от матери.

Размышляя о необходимости принесения в жертву сексуальности с целью уменьшения противостояния сексуальности и общества, Годельер подчеркивает факт, что общество подчиняет желания социальному порядку [18]. Это напоминает идею Фрейда о том, что интересы индивидуума поставлены на службу рода.

Говоря о таком жертвоприношении, вновь хочется подчеркнуть продуктивную функцию процесса горевания: объект нужно потерять, чтобы обрести, что Фрейд показал в своем анализе игры «форт-да». И говоря об анализе как о процессе терапии, мы можем увидеть феномен мертвого отца в окончании анализа, когда оба — и аналитик, и пациент — должны отречься от желания иметь отношения для того, чтобы символическая идентификация возникла и была увековечена.

Идея «третьести» в современном психоанализе

Выпуск *The Psychoanalytic Quarterly* 2004 года был полностью посвящен понятию Третьего в психоанализе, и статьи Бенджамин и Огдена из этого выпуска цитируются чаще всего.

Бенджамин отмечает, что теория Эдипа чаще подчеркивает важность Закона как границы, запрета, сепарации, но часто недооценивает или не замечает элемент симметрии, гармонии в Преданности [6]. Она предлагает понятие «энергетического третьего» (*energetic third*). Ее определение третьести — это что-то, что создает иную точку отсчета, вне диады. Третье — это кто-то или что-то, чему мы отдаемся, чтобы принять его точку зрения или его реальность. Этот третий может быть или не быть доступным. Только в случае, когда он доступен, возможна

связь и взаимность с ним, а также возможность разделить его с другими. Возможно, Бенджамин скорее говорит о реальном отце, а не об отцовской структуре, отцовской функции. Это можно увидеть в следующей цитате из ее статьи: «пока третий человек диадически связан с ребенком, он не может функционировать как настоящий третий» [6, с. 12]. Бенджамин ссылается на исследование игры между матерью и ребенком, показывающие, как взрослый и ребенок создают нечто новое, третье, а именно ритм их совместной игры, ритм, который несводим к модели «действие—реакция» (*action-reaction*) [4; 5]. «Действие—реакция» характеризует наш опыт дополнительности, когда один дополняет другого, но оба идут в одном направлении; в противовес этому общий третий (*shared third*) проживается как совместное приключение, путешествие (*cooperative endeavour*). Третий здесь создается через совместный опыт. Это становится еще более ясным в следующей цитате из ее статьи: «В условиях отсутствия пространства для сотрудничества и равного распределения все становится либо моим, либо твоим, включая восприятие реальности. Только один человек имеет право есть, только один человек может быть прав» [6, с. 18].

В противовес этому Перелберг считает, что Третий, по определению, находится вне чьего-либо владения. Она приводит пример из Человека-Крысы, когда пациент просит Фрейда пожалеть его и избавить от необходимости говорить о болезненных воспоминаниях. Фрейд пишет: ... «здесь пациент надламывается, вскакивает с кушетки и умоляет меня пожалеть его, избавить от воспоминания деталей. Я уверяю его, что сам я совсем не склонен к жестокости, и у меня нет никакого желания мучить его, но я, естественно, не могу дать ему то, что не в моих силах. С таким же успехом он может попросить у меня луну с неба» [цит. по 39, с. 720]. И Перелберг видит этот ответ Фрейда как указание на то, что оба, и аналитик, и пациент, подчинены правилам сеттинга, которые не принадлежат ни одному из них [39]. Возвращаясь к точке зрения Бенджамина, важно опять отметить, что та видит психоаналитический процесс как демократический или равный. Не все аналитики с этим соглашаются, среди них, например, Лапланш.

Огден [38] видит аналитический процесс как усилие аналитика проследить диалектическую динамику индивидуальной субъективности и интересубъективности как аналитика, так и анализанда. Интересубъективность — это совместно созданная бессознательная жизнь аналитической пары, которая и является аналитическим третьим; это создание опыта внутри и через бессознательную аналитическую интересубъективность. По его мнению, аналитический опыт возникает на пересечении прошлого и настоящего. Он вызывает прошлое, которое проживается как новое для обоих — аналитика и анализанда, средствами, которые

создаются между ними, эти средства и являются аналитическим третьим. Огден также отмечает, что проективная идентификация может быть препятствием для анализа этой трети. «В аналитическом сеттинге проективная идентификация влечет за собой своего рода частичный коллапс диалектического движения субъективности и интересубъективности, результатом чего является подчинение аналитическому третьему. А успешный аналитический процесс подразумевает переосвоение индивидуальной субъективности аналитика и анализанда, которое возможно через их опыт вновь созданного аналитического третьего» [38, с. 193—194]. Не совсем ясно, подразумевает ли Огден, что этот элемент трети может быть заново освоен через взаимное признание. Как бы то ни было, оба, и Бенджамин, и Огден, подчеркивают идею совместно созданного третьего, который возникает из опыта двух людей.

В своем исследовании истории создания понятия Третьего в философии Хенли пишет о том, что, с философской точки зрения, Третий требует идеи [23, с. 270].

Бриттон рассматривает Третьего в свете эдипальных связей между родителями. Он указывает, что пациенту трудно выносить Третьего, который наблюдает за ним, потому что пациент видит этого Третьего, или отца, в аналитике. Отец, с которым аналитик, согласно фантазии пациента, мысленно беседует, угрожает и без того шатким отношениям в диаде мать—ребенок. Так, один пациент действительно закричал на Бриттона: «Прекратите это проклятое думание!» [8, с. 88]. В понимании этого эпизода Бриттон не забывает о сексуальной природе бессознательного.

Грин подчеркивал важность понятия Третьего в психоаналитической теории, но он рассматривал это не как эдипальный треугольник, который вызывается в анализе, а скорее как третье измерение, которое всегда характеризуется отсутствием. Он отмечает важность элемента времени в анализе и заявляет: «трехсторонние отношения являются матрицей психики» [21, с. 132].

Заключение

Подытоживая, следует заметить, что данная дискуссия о различных толкованиях образа, роли отца в развитии человека и общества, а также о представлениях об отцовских функциях (которые могут осуществляться и не обязательно отцом) приводит нас к вопросу о соотношении материнской и отцовской функции внутри психоаналитического сеттинга. Кроме того, эта тема имеет потенциально интересные преломления в социологии, философии, психологии развития, богословии в Аристотелевском понимании этого учения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зойл Л. Созидание души: пер. с ит. М.: Институт практической психологии и психоанализа, 2004. 208 с.
2. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 15—26.
3. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: АСТ, 2004. 379 с.
4. Beebe B., Lachmann F. Organizing Principles of Interaction from Infant Research and the Lifespan Prediction of Attachment: Application to Adult Treatment // Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy. 2002. Vol. 2 (4). P. 61—89. doi:10.1080/15289168.2002.10486420
5. Beebe B., Lachmann F. Representation and internalization in infancy: Three principles of salience // Psychoanalytic Psychology. 1994. Vol. 11 (2). P. 127—165. doi:10.1037/h0079530
6. Benjamin J. Beyond Doer and Done to: An Intersubjective View of Thirdness // The Psychoanalytic Quarterly. 2004. Vol. 73 (1). P. 5—46. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00151.x
7. Braunschweig D., Fain M. La nuit, le jour: Essai psychanalytique sur le fonctionnement mental. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 302 p.
8. Britton R. The missing link: Parental sexuality in the Oedipus complex // The Oedipus complex today / J. Steiner (ed.). London: Karnac Books, 1989. P. 83—101.
9. Campbell D. The role of the father in a pre-suicide state // The International Journal of Psychoanalysis. 1995. Vol. 76 (2). P. 315—323.
10. Faimberg H. The Telescoping of Generations // Contemporary Psychoanalysis. 1988. Vol. 24 (1). P. 99—118. doi:10.1080/00107530.1988.10746222
11. Freud S. An Autobiographical Study // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XX (1925—1926): An Autobiographical Study, Inhibitions, Symptoms and Anxiety, The Question of Lay Analysis and Other Works / J. Strachey (ed.). London: Hogarth Press, 1959. P. 1—74.
12. Freud S. Leonardo Da Vinci and a Memory of his Childhood // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XI (1910): Five Lectures on Psycho-Analysis, Leonardo da Vinci and Other Works / J. Strachey (ed.). London: Hogarth Press, 1957. P. 57—138.
13. Freud S. Moses and Monotheism // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XXIII (1937—1939): Moses and Monotheism, An Outline of Psycho-Analysis and Other Works / J. Strachey (ed.). London: Hogarth Press, 1964. P. 1—138.
14. Freud S. On Narcissism // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XIV (1914—1916): On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works / J. Strachey (ed.). London: Hogarth Press, 1957. P. 67—102.
15. Freud S. The Ego and the Id // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XIX (1923—1925): The Ego and the Id and Other Works / J. Strachey (ed.). London: Hogarth Press, 1961. P. 1—66.

16. Freud S. The Interpretation of Dreams // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. IV (1900): The Interpretation of Dreams (First Part) / J. Strachey (ed.). London: Hogarth Press, 1953. P. ix—627.
17. Freud S. Totem and Taboo // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XIII (1913—1914): Totem and Taboo and Other Works / J. Strachey (ed.). London: Hogarth Press, 1955. P. vii—162.
18. Godelier M. Meurtre du père ou sacrifice de la sexualité // Meurtre du Père: Sacrifice de la sexualité: approches anthropologiques et psychanalytiques / M. Godelier, J. Hassoun (eds.). Strasbourg, Paris: Arcanes, 1996. P. 21—51.
19. Green A. Die tote Mutter // Psyche. 1993. Vol. 47 (3). P. 205—240.
20. Green A. La déliaison: psychanalyse, anthropologie et littérature. Paris: Les Belles Lettres, 1992. 388 p.
21. Green A. Thirdness and psychoanalytic concepts // The Psychoanalytic Quarterly. 2004. Vol. 73 (1). P. 99—135. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00154.x
22. Greenacre P. Emotional Growth: Psychoanalytic Studies of the Gifted and a Great Variety of Other Individuals. Vol. 2. New York: International Universities Press, 1971. 234 p.
23. Hanly C.M. The third: a brief historical analysis of an idea // The Psychoanalytic Quarterly. 2004. Vol. 73 (1). P. 267—290. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00159.x
24. Hassoun J. Du père de la théorie analytique // Meurtre du Père: Sacrifice de la sexualité: approches anthropologiques et psychanalytiques / M. Godelier, J. Hassoun (eds.). Strasbourg, Paris: Arcanes, 1996. P. 53—65.
25. Herzog J.M. Father Hunger: Explorations with Adults and Children. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 2001. 324 p.
26. Herzog J.M. Father hunger and narcissistic deformation // The Psychoanalytic Quarterly. 2004. Vol. 73 (4). P. 893—914. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00187.x
27. Herzog J.M. On father hunger: The father's role in the modulation of aggressive drives and fantasy // Father and child: Developmental and clinical perspectives / S.H. Cath, A.R. Gurwitt, J.M. Ross (eds.). Boston, MA: Little Brown, 1982. P. 163—174.
28. Herzog J.M. Sleep Disturbance and Father Hunger in 18- to 28-Month-Old Boys // The Psychoanalytic Study of the Child. 1980. Vol. 35 (1). P. 219—233. doi:10.1080/00797308.1980.11823111
29. Kristeva J. Some Observations on Female Sexuality // The Annual of Psychoanalysis. 2004. Vol. 32. P. 59—68.
30. Lacan J. Des Noms-du-Père. Paris: Le Seuil, 2005. 108 p.
31. Laplanche J., Pontalis J.-B. The Language of Psychoanalysis. London: Karnac Books, 1988. 510 p.
32. Lévi-Strauss C. Myth and Meaning. Toronto: University of Toronto Press, 1978. 65 p.
33. Loewald H. Ego and reality // The International Journal of Psychoanalysis. 1951. Vol. 32. P. 10—18.
34. Mahler M.S., Gosliner B.J. On Symbiotic Child Psychosis // The Psychoanalytic Study of the Child. 1955. Vol. 10 (1). P. 195—212. doi:10.1080/00797308.1955.11822556
35. Mahler M.S., Pine F., Bergman A. The Psychological Birth Of The Human Infant Symbiosis And Individuation. New York: Basic Books, 1975. 308 p.

36. *McDougall J.* The Dead Father: On Early Psychic Trauma and its Relation to Disturbance in Sexual Identity and in Creative Activity // *The International Journal of Psychoanalysis.* 1989. Vol. 70. P. 205—219.
37. *Mead M.* Male and female: the classic study of the sexes. New York: Quill, 1996. 477 p.
38. *Ogden T.H.* The analytic third: implications for psychoanalytic theory and technique // *The Psychoanalytic Quarterly.* 2004. Vol. 73 (1). P. 167—195. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00156.x
39. *Perelberg R.J.* Murdered father; dead father: revisiting the Oedipus complex // *The International Journal of Psychoanalysis.* 2009. Vol. 90 (4). P. 713—732. doi:10.1111/j.1745-8315.2009.00154.x
40. *Rosolato G.* Essais sur le symbolique. Gallimard, 1969. 368 p.
41. *Stoloff J.-C.* La fonction paternelle. Paris: In Press, 2007. 210 p.
42. *The Dead Father: A Psychoanalytic Inquiry / L.J. Kalinich, S.W. Taylor (eds.).* London: Routledge, 2009. 224 p.

HYPOSTASES AND TRANSFORMATIONS OF THE CONCEPT OF THE FATHER IN PSYCHOANALYSIS

M.A. GULINA*,
CITY University, London, United Kingdom, MSU, Moscow, Russia,
marinagulina@mail.ru

The paper explores various psychoanalytic views on the role of the father in psychic life, in the development of an individual and society. The idea of the sacrifice of sexuality as the inevitable and tragic element of the oedipal structure is stressed. Mother's and father's functions in a child's development are outlined. The differences in the understanding of the notion of the father by Freud, Lacan, Green, Mahler, Klein, Britton and others are discussed. The concept of the Third in contemporary psychoanalysis is outlined, theories of Thirdness by Benjamin and Ogden are compared.

Keywords: dead father, symbolical father, idealized (narcissistic) father, murdered father, primordial father, imaginary father, real father, father's functions, shared Third, energetic Third.

For citation:

Gulina M.A. Hypostases and Transformations of the Concept of the Father in Psychoanalysis. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 129—145. doi: 10.17759/cpp.2018260109. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Gulina Marina Anatolievna*, Doctor in Psychology, Professor, CITY University, London, United Kingdom; Professor, MSU, Moscow, Russia, e-mail: marinagulina@mail.ru

REFERENCES

1. Zoja L. Sozidanie dushi [Cultivating the soul]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza, 2004. 208 p. (In Russ.).
2. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. Vliyanie obraza ottsa na emotsional'noe blagopoluchie i polorolevuyu identichnost' podrostkov [Influence of the image of the father on emotional well-being and gender role identity of adolescents]. *Voprosy Psikhologii [Issues in Psychology]*, 2007, no. 1, pp. 15—26.
3. Florenskii P.A. Detyam moim. Vospominaniya proshlykh dnei [To my children. Memoirs of the past]. Moscow: AST, 2004. 379 p.
4. Beebe B., Lachmann F. Organizing Principles of Interaction from Infant Research and the Lifespan Prediction of Attachment: Application to Adult Treatment. *Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy*, 2002. Vol. 2 (4), pp. 61—89. doi:10.1080/15289168.2002.10486420
5. Beebe B., Lachmann F. Representation and internalization in infancy: Three principles of salience. *Psychoanalytic Psychology*, 1994. Vol. 11 (2), pp. 127—165. doi:10.1037/h0079530
6. Benjamin J. Beyond Doer and Done to: An Intersubjective View of Thirdness. *The Psychoanalytic Quarterly*, 2004. Vol. 73 (1), pp. 5—46. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00151.x
7. Braunschweig D., Fain M. La nuit, le jour: Essai psychanalytique sur le fonctionnement mental. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 302 p.
8. Britton R. The missing link: Parental sexuality in the Oedipus complex. In J. Steiner (ed.). *The Oedipus complex today*. London: Karnac Books, 1989, pp. 83—101.
9. Campbell D. The role of the father in a pre-suicide state. *The International Journal of Psychoanalysis*, 1995. Vol. 76 (2), pp. 315—323.
10. Faimberg H. The Telescoping of Generations. *Contemporary Psychoanalysis*, 1988. Vol. 24 (1), pp. 99—118. doi:10.1080/00107530.1988.10746222
11. Freud S. An Autobiographical Study. In J. Strachey (ed.). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XX (1925—1926): An Autobiographical Study, Inhibitions, Symptoms and Anxiety, The Question of Lay Analysis and Other Works*. London: Hogarth Press, 1959, pp. 1—74.
12. Freud S. Leonardo Da Vinci and a Memory of his Childhood. In J. Strachey (ed.). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XI (1910): Five Lectures on Psycho-Analysis, Leonardo da Vinci and Other Works*. London: Hogarth Press, 1957, pp. 57—138.
13. Freud S. Moses and Monotheism. In J. Strachey (ed.). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XXIII (1937—1939): Moses and Monotheism, An Outline of Psycho-Analysis and Other Works*. London: Hogarth Press, 1964, pp. 1—138.
14. Freud S. On Narcissism. In J. Strachey (ed.). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XIV (1914—1916): On the History of the Psycho-Analytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works*. London: Hogarth Press, 1957, pp. 67—102.
15. Freud S. The Ego and the Id. In J. Strachey (ed.). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XIX (1923—1925): The Ego and the Id and Other Works*. London: Hogarth Press, 1961, pp. 1—66.

16. Freud S. The Interpretation of Dreams. In J. Strachey (ed.). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. IV (1900): The Interpretation of Dreams (First Part)*. London: Hogarth Press, 1953, pp. ix—627.
17. Freud S. Totem and Taboo. In J. Strachey (ed.). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XIII (1913—1914): Totem and Taboo and Other Works*. London: Hogarth Press, 1955, pp. vii—162.
18. Godelier M. Meurtre du père ou sacrifice de la sexualité. In M. Godelier, J. Hassoun (eds.). *Meurtre du Père: Sacrifice de la sexualité: approches anthropologiques et psychanalytiques*. Strasbourg, Paris: Arcanes, 1996, pp. 21—51.
19. Green A. Die tote Mutter. *Psyche*, 1993. Vol. 47 (3), pp. 205—240.
20. Green A. La déliaison: psychanalyse, anthropologie et littérature. Paris: Les Belles Lettres, 1992. 388 p.
21. Green A. Thirdness and psychoanalytic concepts. *The Psychoanalytic Quarterly*, 2004. Vol. 73 (1), pp. 99—135. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00154.x
22. Greenacre P. Emotional Growth: Psychoanalytic Studies of the Gifted and a Great Variety of Other Individuals. Vol. 2. New York: International Universities Press, 1971. 234 p.
23. Hanly C.M. The third: a brief historical analysis of an idea. *The Psychoanalytic Quarterly*, 2004. Vol. 73 (1), pp. 267—290. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00159.x
24. Hassoun J. Du père de la théorie analytique. In M. Godelier, J. Hassoun (eds.). *Meurtre du Père: Sacrifice de la sexualité: approches anthropologiques et psychanalytiques*. Strasbourg, Paris: Arcanes, 1996, pp. 53—65.
25. Herzog J.M. Father Hunger: Explorations with Adults and Children. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 2001. 324 p.
26. Herzog J.M. Father hunger and narcissistic deformation. *The Psychoanalytic Quarterly*, 2004. Vol. 73 (4), pp. 893—914. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00187.x
27. Herzog J.M. On father hunger: The father's role in the modulation of aggressive drives and fantasy. In S.H. Cath, A.R. Gurwitt, J.M. Ross (eds.). *Father and child: Developmental and clinical perspectives*. Boston, MA: Little Brown, 1982, pp. 163—174.
28. Herzog J.M. Sleep Disturbance and Father Hunger in 18- to 28-Month-Old Boys. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 1980. Vol. 35 (1), pp. 219—233. doi:10.1080/00797308.1980.11823111
29. Kristeva J. Some Observations on Female Sexuality. *The Annual of Psychoanalysis*, 2004. Vol. 32, pp. 59—68.
30. Lacan J. Des Noms-du-Père. Paris: Le Seuil, 2005. 108 p.
31. Laplanche J., Pontalis J.-B. The Language of Psychoanalysis. London: Karnac Books, 1988. 510 p.
32. Lévi-Strauss C. Myth and Meaning. Toronto: University of Toronto Press, 1978. 65 p.
33. Loewald H. Ego and reality. *The International Journal of Psychoanalysis*, 1951. Vol. 32, pp. 10—18.
34. Mahler M.S., Gosliner B.J. On Symbiotic Child Psychosis. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 1955. Vol. 10 (1), pp. 195—212. doi:10.1080/00797308.1955.11822556

35. Mahler M.S., Pine F., Bergman A. *The Psychological Birth Of The Human Infant Symbiosis And Individuation*. New York: Basic Books, 1975. 308 p.
36. McDougall J. The Dead Father: On Early Psychic Trauma and its Relation to Disturbance in Sexual Identity and in Creative Activity. *The International Journal of Psychoanalysis*, 1989. Vol. 70, pp. 205—219.
37. Mead M. *Male and female: the classic study of the sexes*. New York: Quill, 1996. 477 p.
38. Ogden T.H. The analytic third: implications for psychoanalytic theory and technique. *The Psychoanalytic Quarterly*, 2004. Vol. 73 (1), pp. 167—195. doi:10.1002/j.2167-4086.2004.tb00156.x
39. Perelberg R.J. Murdered father; dead father: revisiting the Oedipus complex. *The International Journal of Psychoanalysis*, 2009. Vol. 90 (4), pp. 713—732. doi:10.1111/j.1745-8315.2009.00154.x
40. Rosolato G. *Essais sur le symbolique*. Gallimard, 1969. 368 p.
41. Stoloff J.-C. La fonction paternelle. Paris: In Press, 2007. 210 p.
42. Kalinich L.J., Taylor S.W. (eds.). *The Dead Father: A Psychoanalytic Inquiry*. London: Routledge, 2009. 224 p.

ЭССЕ
ESSAY

НОВЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОДИТЕЛЯМИ ДОШКОЛЬНИКОВ И ШКОЛЬНИКОВ В ФИНЛЯНДИИ

Е.Ю. ПРОТАСОВА*,

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия,
ekaterina.protassova@helsinki.fi

Рассмотрены задачи взаимодействия с родителями в рамках зарубежного начального образования (детский сад и начальная школа). Основным содержанием такой деятельности является информирование, консультирование, привлечение к учебному процессу и внеучебным занятиям, а также помощь нуждающимся семьям. Родители участвуют в принятии решений, при этом по возможности учитывается мнение детей. Описаны основы обеспечения эффективной коммуникации между родителями и педагогами. Представлены примеры совместных мероприятий для семей с детьми. Рассказано о новейших направлениях, развиваемых в Финляндии, работы с родителями. Представлены некоторые результаты проекта, проходившего в 2015—2017 гг. в Латвии, Финляндии и Эстонии, ориентированного на работу с русскоязычными родителями, дети которых становятся билингвами.

Для цитаты:

Протасова Е.Ю. Новые практики взаимодействия с родителями дошкольников и школьников в Финляндии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 146—158. doi: 10.17759/cpp.2018260110

* *Протасова Екатерина Юрьевна*, доктор педагогических наук, доцент, профессор-адъюнкт, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия, e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Ключевые слова: двуязычие, билингвизм, взаимодействие образовательной организации и семьи, работа с родителями.

История и современность

В рамках образовательной системы в зарубежном дошкольном и начальном воспитании все больше внимание уделяется роли родителей. В свою очередь, и они сами гораздо больше готовы эту роль выполнять. Из истории взаимодействия семьи и детского сада известно, что до 1960-х гг. педагоги считались экспертами по детству; в их задачи входило обучение родителей правильному обращению с ребенком. Затем начали действовать через изменение практик в семье: в 1970-е гг. стало больше коммуникации между семьей и персоналом. В 1980-е гг. родители превратились в клиентов системы, так что образовательные учреждения стали учитывать их потребности и желания. В 1990-е гг. родители выступили как эксперты по воспитанию детей и начали контролировать, что происходит в образовании. В 2000-е развилось партнерство между образовательной организацией и семьей, при котором обе стороны играли равноправные роли. В 2010-е пришли к выводу, что родители и педагоги обладают разными знаниями о детях, они должны помогать друг другу, слушать и понимать друг друга, делиться представлениями о максимально комфортном и успешном развитии ребенка, в том числе и с точки зрения его речевого и когнитивного развития [12]. Обращается особое внимание на семьи с проблемами, в том числе на семьи с низким социально-экономическим статусом, семьи с детьми, у которых есть особенности развития. Первоначально информация дается на этапе выбора образовательного учреждения. Проводя консультационные часы, непосредственные встречи с родителями в детском саду и школе, за их пределами, дома в семье, педагоги добиваются успешных личных контактов. Организуют лекции, циклы лекций, встречи с глазу на глаз, групповые беседы, детско-родительские группы (например, на темы общения с ребенком, эмоционального развития, гиперактивности у детей). Создаются информационные сайты, используются различные СМИ в целях поддержки родителей, публикуются справочники для родителей. Родителей информируют в письменном виде как об устройстве детского сада и школы и программе обучения в целом, так и о задачах и содержании конкретных учебных периодов — в частности.

Позитивное впечатление от организации создается, в том числе, тем, что есть условия для удобной парковки, помещения опрятны, входы комфортны, информация наглядна, шкафы вместительные и прозрачные, прием благоприятный, взрослые вежливы и предупредительны, дети спокойны и чем-то заняты. Иногда необходим и критический ана-

лиз обстановки в детском саду и школе: взгляд со стороны, например, взгляд новых родителей, показывает, что неправильно или раздражает. Взаимный обмен впечатлениями происходит со всем возможным уважением друг к другу. Родители и сами участвуют в устранении недостатков: чинят игрушки, шьют новые занавески, расставляют книжки по тематике в библиотеке, выявляют, каких вещей не хватает, и приобретают либо отдают свои [9]. В детской образовательной организации (ДОО) принято использовать не только стандартную, но и какую-то особенную мебель, которая создает в помещении уют. Деньги для ДОО собираются на благотворительных базарах (там можно продать ненужные вещи), во время лотерей, где разыгрываются, скажем, вкусные призы, приготовленные руками родителей, приобретаются какие-то вещи с символикой детского сада (сумки, футболки, календари и т. п.), устраивается гриль или концерты с платными билетами в пользу ДОО.

Первая встреча с родителями имеет большое значение. Первое родительское собрание дает направление сотрудничеству на целый год. Сообщается как можно больше информации по всей образовательной организации и по каждой группе или классу в целом. Родители должны знать, к кому обратиться в случае, если у них возникают различные вопросы. С родителями следует общаться индивидуализировано, учитывая их конкретную жизненную ситуацию. Пожилые педагоги справляются с этим обычно лучше, чем молодые. Персонал готовится к тому, чтобы направить родителей в определенном случае именно в ту организацию, где им может быть оказана помощь самого разного характера. Консультант должен быть хорошо осведомлен относительно потенциальной сети поддержки. Проводятся утренние встречи за кофе для новичков, периодические вечера для родителей, в том числе и вечера отдыха, совместные ужины с национальной едой. Во время уик-эндов проходят развлекательные мероприятия, как в самом детском саду и школе, так и за их пределами. Даются рекомендации по домашнему чтению и играм, просмотру мультфильмов; учат употреблять правильный детский язык в общении, песенкам и потешкам [11]. Родители рассказывают о своем опыте педагогам, а педагоги — родителям.

Есть родители ответственные и «невидимые», осознающие, не осознающие свои корни, желающие выйти на связь с другими и такие, которые предпочитают удалиться от общества. Важно не только констатировать, что мы не можем связаться с какими-то родителями и привлечь их, но и понимать, что причиной тому могут быть какие-то проблемы. Именно поэтому рекомендуется активно вовлекать родителей в сотрудничество, чтобы они встали на сторону своего ребенка, знали, что происходит в образовательной организации, поддержали своим присутствием на различных мероприятиях положительный имидж семьи [7]. Учебное

заведение отвечает за создание определенной атмосферы в отношениях с родителями и обществом. О предстоящих событиях и мероприятиях предупреждают в разных формах (письма, устные сообщения, смс, электронная почта, фейсбук, твиттер, телефонные звонки, в том числе по цепочке). Считается, что человек с гарантией придет на собрание, только если ему напомнили об этом не менее восьми раз. Согласно исследованию М. Бурд [1], взаимодействие с семьей играет совершенно особую роль в случае, когда речь идет о билингвальном образовании за рубежом с участием русского языка. Информирование о новейших тенденциях в этой области также является целью коммуникации с родителями [4].

Дети из детского сада и школы становятся желанными гостями на праздниках друг у друга, в доме престарелых, на местном событии или параде. Они готовят друг для друга открытки к праздникам. Выступая, дети и взрослые сообщают, откуда они, кто готовил выступление, почему они сегодня выступают здесь. Администрация, руководство разных учреждений заинтересованы в установлении постоянных контактов с разными организациями (например, музеи приглашают детей с выступлениями во время открытия новой экспозиции). Родители-волонтеры помогают организовать поездку. Родители посещают занятия; они и сами проводят занятия; участвуют в различных кружках по интересам, мастерских вместе с детьми; проводят спортивные соревнования, экскурсии, фестивали, балы. Те, у кого высокий уровень образования, как правило, больше заинтересованы в таком участии. Если в данном месте активна этническая община, то при ее поддержке родители — представители меньшинства — становятся и сами активнее [8]. Родителям даются специальные поручения, их деятельность видима всем и ценима обществом, например, уход за цветами, создание цветочных композиций. В волонтерство вовлекают и старших детей, для которых пребывание в детском саду может быть зачтено как трудовая практика. Бессмысленных мероприятий и неинтересных тем стараются избегать. Приглашенных волонтеров или родителей обеспечивают делом, организуют работу эффективно, позаботившись об их питании и комфорте. Точно обговаривают, сколько и когда они должны работать. За сделанное дело обязательно благодарят (открыткой, электронным письмом, приглашением на праздник и т. п.).

Создаются сайты с информацией о возможных услугах для родителей: помощь с решением бытовых вопросов, услуги няни, скидки учреждений-партнеров школы или детского сада. Сообщается, где можно найти опытного психолога, психотерапевта, репетитора для ребенка определенного возраста; какие пособия и сайты подходят для домашних занятий с ним; кто готов принять к себе ребенка на выходные дни (это особенно важно для семей, где родитель один воспитывает ребенка (де-

тей), семья не владеет языком окружения, в семье есть другие дети с особыми потребностями). Сайт обязательно должен быть закрыт паролем; необходимо тщательно проверять всю информацию, иметь ответственные рекомендации. Внеплановый труд педагогов должен быть компенсирован выходными или прибавкой к зарплате [6]. Становясь центром общения, образовательная организация создает себе репутацию, а значит, и рекламу своей деятельности, что способствует привлечению спонсорских средств.

Случай Финляндии

В Финляндии каждая дошкольная образовательная организация составляет свой план раннего воспитания применительно к развитию ребенка совместно с его родителями. Этот план считается рабочим инструментом персонала и родителей (законных представителей), с помощью которого определяются общие цели и договоренности о том, как дома и в детском саду поддерживается индивидуальный рост, обучение и благополучие каждого ребенка. В такой программе в результате совместных усилий объединяются представления семьи и образовательного учреждения, выстраиваются и обрисовываются принципы развития ребенка. Первичная беседа, предваряющая посещение ДОО, может состояться в самой организации или у ребенка дома, если тому трудно находиться в чужом месте. В начале плана указываются имя и дата рождения ребенка, дата начала посещения детского сада, место, где ребенок получал уход до этого, а также в общих чертах основное содержание первичной беседы с родителями (кто участвовал, когда событие происходило, о чем договорились). Дается описание семьи ребенка, других важных для него людей, кто может забрать ребенка из детского сада (и их данные). Перечисляются болезни, аллергии, предпочтения и ограничения в еде, необходимые лекарства, другие вещи, на которые стоит обратить внимание. Указывается при необходимости вероисповедание и то, в чем ребенок может или не может принимать участие (обычно в соответствии с конфессией семьи что-то может быть запрещено, например, посещение бассейна или празднование дня рождения). Далее дается характеристика самого ребенка: особенности его личности, интересные либо же неприятные для него предметы, на что он обращает больше всего внимания и т. п. Отмечается, что было в самом начале пребывания в детском саду и что изменилось впоследствии. Для всех последующих наблюдений (а они делаются в соответствии с инструкцией) заполняются две колонки; в левой колонке отмечено, что показалось особенным в детском саду и дома, в правой — какие цели ставят взрослые в этих вопросах, как будут поддерживать ре-

бенка. Таким образом, заполняются графы, посвященные повседневной деятельности (рутинам): как малыш ест, посещает туалет, спит, одевается, насколько самостоятелен в этих вопросах; каковы его социальные навыки: как ведет себя ребенок как самостоятельная личность и как член группы, как выражаются чувства, как проявляется эмпатия, как происходит коммуникация с детьми и взрослыми, как малыш относится к границам и правилам. Описывается, каковы его игровые навыки: любимые игры, товарищи по игре, продолжительность игры, воображаемые игры и т. д. Определяется моторное развитие (крупная и мелкая моторика). Перечисляются виды двигательной активности (желание двигаться и смелость в передвижениях, повседневная подвижность/физкультура/спорт). Характеризуются особенности речи и общения (родной язык, другие языки, на которых говорят дома, понимание речи, словарный запас, рассказывание, ясность речи, начала чтения и письма). Описывается способность к концентрации и внимательность (например, рассматривание и слушание книг, выполнение инструкций, ожидание своей очереди). Перечисляются объекты внимания ребенка. В заключительной части записываются вещи, о которых совместно договорились на будущее, возможные области сотрудничества, потребность в особой поддержке. Указывается, кто участвовал в обсуждении, в какой день это произошло, следуют подписи и расшифровки имен участников, после чего план просматривается и подписывается директором детского сада.

Интернет-платформы для обмена мнениями среди образовательных организаций, педагогического персонала и семей постепенно стали повседневным явлением. Без их одобрения сегодня нельзя адаптировать программу в конкретном учебном заведении. Весь педагогический процесс становится прозрачным, а родители — его непосредственными участниками. Здесь же даются рекомендации по сбору средств для детского сада/школы (лотереи, базары, буфеты, концерты, поделки и т. п.). На сайте Союза родителей (www.vanhempainliitto.fi) помещено объявление на русском языке о том, чем занимается родительский комитет: «Деятельность комитета — это организуемая и проводимая родителями активная работа в детском саду и школе. Это многосторонняя, добровольная и благодарная деятельность, направленная на содействие в воспитании, обучении и оздоровлении всех детей. Родительский комитет укрепляет сотрудничество между домом и детским садом/школой и дает родителям возможность участвовать в развитии работы школы и детского сада. Родительский комитет может, например: организовывать мероприятия, походы и праздники; проводить беседы, встречи и оказывать взаимопомощь; участвовать в развитии работы и повседневных делах школы/детского сада; влиять на принимаемые решения. Родительский комитет ведет свою работу в соответствии с пожеланиями на местах и заинтересованностью,

способностями и ресурсами участников. Важно, чтобы вы, как родители, ценили время, проведенное вашими детьми в детском саду и школе. Умения и участие всех родителей приветствуются!».

Всем родителям важно дать понять с самого начала, что они — полноправные участники педагогического процесса, что от них ждут инициатив, что они могут и должны проявить себя вне зависимости от того, насколько хорошо они владеют языком большинства. Семьи, где говорят на другом языке, могут не только знакомить со своей культурой, традициями, кулинарией, но и на равных участвовать во всех мероприятиях, одновременно изучая новый язык и новые для них обычаи. Период привыкания к образовательной организации важен не только для ребенка, но и для родителей, и здесь делается многое для того, чтобы и те и другие почувствовали себя комфортно. Родителям рекомендуется сообщать работникам детского сада об особенностях поведения, привычках ребенка, о собственной работе и своих хобби, а работникам образовательной организации — сообщать семье о том, как привыкали, по их опыту, другие дети: одной семье может быть предложено взять шефство над другой. Начинать с малых дел — привлекать родителей не бояться участвовать в совместной деятельности, например в субботнике; предлагать детям готовить сюрпризы к приходу родителей (загадку, картинку, показать, чему научился, спрашивая, могут ли так сделать родители, например, постоять на одной ноге). Дети смотрят на родителей, и им важно, чтобы те наблюдали за их достижениями — на концерте, на матче и т. п. Им легче выйти вперед и что-то сделать, если они ощущают поддержку родителей, но еще легче, если нужно что-то делать вместе с родителями. Важно помнить, на ком ответственность во время всех мероприятий — на родителях или на персонале. По окончании любой деятельности нужны взаимные благодарности.

Воспитатели и учителя часто работают с родителями в режиме реального времени. Изредка родителям дают легкие задания на дом через ссылки в Интернете: например, прочитать книгу и посмотреть мультфильм, сделать вместе проект или подготовить для дворового праздника какой-то стол с занятиями для всех (например, экспериментирование, рисование, изготовление поделок). Ссылки на готовые примеры важны потому, что невозможно принуждать родителей тратить свое время, которое, как предполагается, они проводят с ребенком, на поиски информации.

В детском саду давно и успешно работают с портфолио, но все время появляются новые формы использования этого инструмента, в том числе и с учетом того, что можно сделать в семье. Как всегда, существенными оказываются этические вопросы взаимодействия с родителями, например, что является предубеждением, а что — правом родителя, воспитателя, учителя или ребенка. В конце концов, нужно оценить и сам проект: каким образом оценить, что является успешной работой с роди-

телями? Повышение вовлеченности родителей во взаимодействие с образовательной организацией достигается через активное информирование, но только по желанию сторон.

В последнее время на сайтах финляндских образовательных организаций появляется все больше примеров того, как происходит сотрудничество с семьей, даются конкретные примеры взаимодействия. На сайте Ассоциации родителей Финляндии (www.vanhempainliitto.fi) помещена брошюра «101 идея» (www.vanhempainliitto.fi/filebank/2368-101_IDEAA_120914.pdf), где идет речь о том, как придумать разные интересные события для детей и взрослых в школе. Расскажем о практической стороне поподробнее.

Среди идей важное место занимают спортивные развлечения —современные дети гиподинамичны и необходимо повышать их физическую активность. Родители могут организовать геокэшинг для своего класса (т. е. искать сокровища с помощью карты в мобильном телефоне), день игр на воздухе, урок-экскурсию по лесу. Популярны велосипедный спорт, коньки и лыжи. В Финляндии регулярно проводятся государственные кампании по укреплению спорта («Спортивные приключения», «Воробышки, вперед»), олимпийские игры, чемпионаты, соревнования по танцам на школьном уровне. Родители совместно с детьми оборудуют школьные дворы, оснащают спортивные площадки, создают фонды обмена спортивным инвентарем. Спортивные события освещаются в школьных СМИ. Поддержку оказывают также спортивные клубы, которые могут предоставлять скидки родителям и детям.

Кроме спорта большое внимание уделяется чтению, искусствам и культуре. Здесь тоже много интерактивных мероприятий: например, «говорящие книги» — проекты, созданные по рассказам близких на определенную тему, инсценировки на тему «Школьный день 100 лет назад», вечера песен на разных языках. Чтение учеников контролируется с помощью дневников чтения, а для посещения культурных мероприятий всей семьей можно завести специальный паспорт.

Общей заботой становится создание атмосферы благожелательности и благополучия, обеспечение безопасности и чистоты пришкольной территории, контроль за тем, что еда в школьной столовой — вкусная, полезная и нравится детям. Особое внимание уделяется информированию детей о необходимости соблюдать различные правила ради собственной безопасности (правила перехода через дорогу, пользования инвентарем). Детей учат вести здоровый образ жизни, правильно питаться, бережно относиться к окружающей среде. Психологически важно, чтобы велась борьба с буллингом и моббингом, воспитывались хорошие манеры, привычки, поощрялись правильные поступки, чтобы проводился день (неделя) похвал и благодарностей. Поскольку во всех школах много людей разных на-

циональностей (иностранцев, иммигрантов), интеркультурную коммуникацию постигают на практике, подключают семьи приезжих, приглашают их индивидуально, привлекают их в родительский комитет, показывают детям, что такое дружба. Родители участвуют в коммуникации с зарубежным детским садом и школой, дне против расизма. В день инвалидов проверяют, насколько безбарьерна среда. Раз в год проходит день открытых дверей с участием старых и новых учеников, иногда классу с родителями разрешают переночевать в школе, иногда проводят ночь искусств, поощряя, скажем, изготовление поделок, показ мод, игры в привидения осенним вечером, выставку собственных животных.

Таким образом, цель всех описанных выше мероприятий вне зависимости от их конкретного содержания — не только заинтересовать детей в определенном виде деятельности, но и помочь им лучше узнать друг друга, получить знания об окружающем их мире и приобрести полезные привычки, необходимые для жизни в финском обществе.

Участие в международном проекте

В 2015—2017 гг. Эстония, Латвия и Финляндия участвовали в европейском балтийском проекте «Развитие моделей вовлеченности родителей в работу билингвальных детских садов и школ» (*Development of Parent Involvement Models for Bilingual Pre- and Primary School*). Основным его содержанием стало знакомство родителей и педагогов с современными проблемами билингвизма и мультикультурности в семье и образовании и совместная работа двуязычных образовательных учреждений с семьями [2; 3; 5]. Методика исследования — исследование действием (*action research*) [10], т.е. исследование, в ходе которого решается прикладная задача.

Был проведен цикл встреч с родителями, на которых обсуждалось, чем отличается детство родителей от детства сегодняшних детей, какие моменты детства оказывают наиболее существенное влияние на дальнейшую жизнь, какими родителями считают себя участники, какие проблемы возникают у них и их детей в семье, детском саду, школе. Было предложено охарактеризовать идеальный детский сад или школу, перечислить детские книги, которые произвели наибольшее впечатление, рассказать о том, каков образ ребенка у родителей. Выясняли, какие предрассудки в отношении родительства существуют в обществе и почему они (не)верны, определяли, о чем бывает легко говорить с представителями других культур, а о чем трудно. Дискутировали, чем отличаются между собой семьи разных социальных типов, представителей большинства и меньшинства, коренного населения и иммигрантов, полные и неполные и т. п., какие трудности в воспитании детей встречаются в

них и почему. Обсуждали, что ценят родители в воспитателях и учителях, а что ценят педагоги в родителях, за что хвалят ребенка в детском саду и дома. Разыгрывали разные варианты консультаций для родителей в разных жизненных ситуациях. Представили себе, что может мешать родителям участвовать в партнерстве с образовательной организацией, каким образом родители могут подарить свое время детскому саду или школе, на что его можно употребить, какие вещи родители могут помочь изготовить для детского сада и школы, каким образом родители могут поделиться своей компетентностью с детским садом или школой, как могут воспользоваться ею педагоги и другие семьи.

На практике оказалось, что вовлечение родителей в обсуждение совместной программы вызывает огромное количество предложений с их стороны, которые потом становятся предметом дискуссий персонала. Мнения родителей могут собираться при помощи интернет-анкетирования, заполнения бумажных анкет (анонимно, в ящике обратной связи), просто на доске, к которой прикалывают листочки-мнения или на которой пишут, а также необычно, на каком-то фоне, в который вписываются предложения (в окнах домика, на лепестках цветов и т. п.). Трудно оказалось найти спонсоров для образовательной организации среди местных предпринимателей, хотя такие формы сотрудничества, особенно через систему скидок и специальных предложений для семей, рекомендуются мировым сообществом.

Важным моментом оказалось выяснение того, как можно наладить передачу информации между детским садом или школой и семьей, между семьями, между семьей и коммуной, между общественными организациями и образовательной организацией, какими способами можно информировать родителей о том, что происходит в детском саду или школе на регулярной основе. Это один из способов создать доверительную, открытую, вдохновляющую атмосферу в детском саду и школе, положительный имидж образовательной организации в обществе.

Родителям было не так важно установить, с какими правилами безопасности и в каких сферах должны знакомить семьи воспитатели, но горячий спор возник, когда был поднят вопрос, существуют ли особые культурные различия в отношении к различным ценностям и бытовым вопросам в разных семьях и как их учитывать. Не удалось понять, как наладить контакт между родителями дошкольников и школьников, преемственность между разными составами родительских комитетов, советов и форумов.

В рамках исследования был проведен ряд мероприятий, нацеленных на знакомство родителей и детей с детским садом, а также на обеспечение комфорта детей (так, по результатам опроса детей было составлено меню, в которое вошли их любимые блюда). Уделялось внимание просветительской работе с родителями: они слушали лекции специалистов

об интересных публикациях, научных достижениях и открытиях в отношении развития детей.

Обнаружилось, что родители в основном доверяют педагогам в области учебной программы и не хотят активно участвовать в ее составлении; некоторые тем не менее выразили желание, чтобы информация такого типа давалась на сайте ДОО. В современном мире развиваются новые способы обмена книгами, игрушками, одеждой, помощи малообеспеченным семьям, и большинство участников собраний готово в этом участвовать. Не возражают и против семейных спортивных мероприятий, знакомства с правилами движения и поведения на улице, сезонных барбекю (гриль, шашлыки) для всей семьи. Готовы привлекать бабушек и дедушек, пожилых одиноких людей.

Помощь родителей, по общему мнению педагогов, необходима. Это лишняя пара рук, другое знание, которое может оказаться полезным, знание детей. Некоторые педагоги боятся, что родители слишком много делают за своих детей, и есть такие, кто не хочет отвечать за поступки своих детей. Встречаются родители, которые всегда недовольны. Часто и персонал держит родителей на расстоянии и не хочет их участия. В нашем случае многие члены персонала участвовали по очереди в родительских встречах, а их итоги обсуждались в педагогическом коллективе. Участники проекта лучше узнали друг друга, открыли новые ресурсы, скрывавшиеся в каждом. Всего в разных мероприятиях проекта участвовало более тысячи родителей, многие из которых нашли друзей себе и детям и продолжают общаться и организовывать совместные дела.

По итогам проведенной работы можно сказать, что по-своему эффективны самые разные формы взаимодействия. Для одних важнее узнавать новое и получать советы от экспертов, для других — что-то делать самому и видеть, что получается, для третьих — проводить время в компании других семей с детьми. В каждом из вариантов самое главное — что люди не остаются наедине со своими проблемами, обмениваются опытом друг с другом и со специалистами, становятся членами гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурд М.* Психолого-педагогические основы взаимодействия детского сада и семьи в процессе воспитания и обучения русскому языку детей-билингвов дошкольного возраста: на примере Германии: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2011. 248 с.
2. *Бурса А.* Европейский проект по сотрудничеству с семьей в вопросах двуязычия // Возвращение к двуязычию в детских садах России: опыт регионов / Под ред. Н. Антоновой, Е. Протасовой, Й. Сиркия. Helsinki: Suomi-Venäjä-Seura, 2016. С. 173—186.
3. *Джалалова А., Зорина Н., Костюкевич И., Протасова Е., Бурса А., Вишмаранта Х., Гаврилина М., Григуле Л.* Семейная языковая политика и

двуязычное образование // Многоязычие и среда / Под ред. Е.Ю. Протасовой. Berlin: Retorika, 2017. С. 8—45.

4. *Протасова Е.Ю.* Некоторые международные тенденции в раннем двуязычном образовании // Русский язык за рубежом. 2016. № 6. С. 4—10.
5. *Протасова Е.Ю.* Опыт работы с родителями двуязычных дошкольников // Управление ДОУ. 2017. № 6. С. 18—28.
6. *Boult B.* 201 Ways to Involve Parents. Practical Strategies for Partnering with Families. Thousand Oaks, CA: Corwin, 2016. 160 p.
7. *Epstein J.L.* School, family and community partnerships: Preparing educators and improving schools. 2nd edition. Boulder, CO: Westview Press, 2016. 634 p.
8. *Keyser J.* From Parents to Partners: Building a Family-Centered Early Childhood Program. St. Paul, MN: Redleaf Press, 2006. 155 p.
9. *Lawrence-Lightfoot S.* The essential conversation: What parents and teachers can learn from each other. New York: Ballantine Books, 2004. 256 p.
10. *McNiff J.* Action Research. All You Need to Know. London: SAGE Publications Ltd, 2017. 277 p.
11. *Porter L.* Teacher-parent Collaboration: Early Childhood to Adolescence. Camberwell, Victoria: ACER, 2008. 261 p.
12. *Ward U.* Working with parents in the early years. 2nd edition. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2013. 160 p. doi:10.4135/9781526402080

NEW PRACTICES OF INTERACTING WITH PARENTS OF PRESCHOOL AND SCHOOLCHILDREN IN FINLAND

E.Y. PROTASSOVA*,
University of Helsinki, Helsinki, Finland,
ekaterina.protassova@helsinki.fi

The article considers how the pre-primary and primary institutions abroad put their aims in collaboration with parents in the changing situation of children's upbringing and education. The main contents of such activity is to inform, to consult, to involve them into the educational process and extra-curricular occupations, as well as to help families in need. Parents participate in the decision-making; they take into account the children's opinions whenever it is possible. The article demonstrates how to ensure the basics of the effective communication between parents and educators and gives examples how to organize events for families with children. It speaks about

For citation:

Protassova E.Y. New Practices of Interacting with Parents of Preschool and Schoolchildren in Finland. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 146—158. doi: 10.17759/cpp.2018260110. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Ekaterina Yurievna Protassova*, Ph.D. in Linguistics and Pedagogy, Docent, Adjunct-Professor, University of Helsinki, Helsinki, Finland, Russia, e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

the new directions in working with parents that are developed in Finland and in the world. It reports the results of the Interreg Baltic project, which took place in 2015–2017 in Latvia, Finland and Estonia and was oriented towards cooperation with the Russian-speaking parents whose children become bilingual.

Keywords: bilingualism, collaboration between educational institution and family, working with parents.

REFERENCES

1. Burd M. Psikhologiya-pedagogicheskie osnovy vzaimodeistviya detskogo sada i sem'i v protsesse vospitaniya i obucheniya russkomu yazyku detei-bilingvov doshkol'nogo vozrasta: na primere Germanii: diss. ... kand. ped. nauk [Psychological and pedagogical foundations of interaction between kindergarten and family in the process of upbringing and teaching bilingual children Russian: Germany's example. Ph.D. (Pedagogy) diss.]. Moscow, 2011. 248 p.
2. Bursa A. Evropeiskii proekt po sotrudnichestvu s sem'ei v voprosakh dvuyazychiya [The European project on cooperation with the family on the issue of bilingualism]. In Antonova N., Protasova E., Sirkiya I. (eds.). *Vozvrashchenie k dvuyazychiyu v detskikh sadakh Rossii: opyt regionov [Return to bilingualism in Russia's kindergartens: regional experience]*. Helsinki: Suomi-Venäjä-Seura, 2016, pp. 173–186.
3. Dzhahalova A., Zorina N., Kostyukevich I., Protasova E., Bursa A., Viimaranta Kh., Gavrulina M., Grigule L. Semeinaya yazykovaya politika i dvuyazychnoe obrazovanie [Language policy of the family and bilingual education]. In Protasova E.Yu. (ed.). *Mnogoyazychie i sreda [Multilingualism and environment]*. Berlin: Retorika, 2017, pp. 8–45.
4. Protasova E.Yu. Nekotorye mezhdunarodnye tendentsii v rannem dvuyazychnom obrazovanii [Several international tendencies in early bilingual education]. *Russkii yazyk za rubezhom [Russian Abroad]*, 2016, no. 6, pp. 4–10.
5. Protasova E.Yu. Opyt raboty s roditelyami dvuyazychnykh doshkol'nikov [Working with parents of bilingual schoolchildren]. *Upravlenie DOU [Management of Children's Educational Establishments]*, 2017, no. 6, pp. 18–28.
6. Boulton B. 201 Ways to Involve Parents. Practical Strategies for Partnering with Families. Thousand Oaks, CA: Corwin, 2016. 160 p.
7. Epstein J.L. School, family and community partnerships: Preparing educators and improving schools. 2nd edition. Boulder, CO: Westview Press, 2016. 634 p.
8. Keyser J. From Parents to Partners: Building a Family-Centered Early Childhood Program. St. Paul, MN: Redleaf Press, 2006. 155 p.
9. Lawrence-Lightfoot S. The essential conversation: What parents and teachers can learn from each other. New York: Ballantine Books, 2004. 256 p.
10. McNiff J. Action Research. All You Need to Know. London: SAGE Publications Ltd, 2017. 277 p.
11. Porter L. Teacher-parent Collaboration: Early Childhood to Adolescence. Camberwell, Victoria: ACER, 2008. 261 p.
12. Ward U. Working with parents in the early years. 2nd edition. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2013. 160 p. doi:10.4135/9781526402080

ИНТЕРВЬЮ INTERVIEW

ПРОЕКТ: ДЕРЕВО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ
PROJECT “A TREE OF CULTURAL-HISTORICAL
PSYCHOLOGY”

ИНТЕРВЬЮ С Е.В. ФИЛИППОВОЙ: О СВЯЗИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ

Представлено интервью с кандидатом психологических наук, профессором Еленой Валентиновной Филипповой, заведующей кафедрой детской и семейной психотерапии.

Елена Валентиновна, приверженцем какого направления психологии Вы себя считаете?

Я считаю себя приверженцем культурно-исторического направления в психологии. По образованию я возрастная психолог, психолог развития, я была воспитана в традиции культурно-исторической психологии и разделяю принципы именно этого направления.

Кого Вы можете назвать своими учителями в рамках культурно-исторической психологии?

Мои учителя — это, конечно, преподаватели факультета психологии МГУ, выдающиеся психологи — Александр Романович Лурия, Алексей

Для цитаты:

Интервью с Е.В. Филипповой: о связи культурно-исторической теории с психологической практикой // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 159—166. doi: 10.17759/cpp.2018260111

Николаевич Леонтьев, Даниил Борисович Эльконин, Петр Яковлевич Гальперин, Блюма Вульфовна Зейгарник. А затем, в Психологическом институте РАО — Василий Васильевич Давыдов, Майя Ивановна Лиси-на, Лидия Ильинична Божович.

Но мой непосредственный учитель — это, конечно, Даниил Борисович Эльконин. Без преувеличения могу сказать, что Даниил Борисович был и остается моим Учителем (с большой буквы) на протяжении всей жизни. Вообще-то на первых двух курсах университета я интересовалась клинической психологией и первую курсовую работу писала на кафедре нейро- и патопсихологии, но на третьем курсе, когда Даниил Борисович начал читать нам лекции и вести спецкурсы по психологии подростка и психологии игры, я сразу попала под его невероятное обаяние — и личностное, и научное. Я как-то очень определенно поняла, что хочу заниматься именно проблемами детского развития и работать именно под руководством Д.Б. Эльконина. Тогда (на третьем курсе) он дал мне очень интересную тему — сравнение подросткового кризиса в разных культурах. А потом я и диплом у него писала, и кандидатскую диссертацию. А дальше в течение 15 лет работала в лаборатории Психологического института РАО (раньше он назывался НИИ общей и педагогической психологии), которой он руководил вплоть до своих последних дней. Даниил Борисович ушел из жизни в 1984 году.

У нас в лаборатории была удивительная человеческая атмосфера — поддержки, тепла, взаимопонимания. Это был даже не дружный коллектив, а дружная семья. И все это, в первую очередь, благодаря Даниилу Борисовичу, который сам был очень мудрым, добрым, понимающим человеком; к нам, своим сотрудникам, он относился по-отечески, вникал в наши личные проблемы. Например, когда я училась в аспирантуре и ждала ребенка, Даниил Борисович мог позвонить и сказать: «Ленуша, сегодня очень плохая погода! Не вздумай приходить на заседание лаборатории!».

Название нашей лаборатории все время меняли. Сначала это была лаборатория подростка, потом лаборатория диагностики психического развития, потом проблем обучения шестилетних детей и т. д. Но, несмотря на изменения названия, в центре всегда была проблема развития. Я занималась в лаборатории проблемой децентрации, развитием способности ребенка вставать на точку зрения другого человека, изменять познавательную перспективу, а также проблемой знаково-символического опосредствования. Формированию децентрации был посвящен цикл исследований, в которых мы опирались на идею Выготского об интериоризации. Это работы Веры Недоспасовой, Веры Белоус, моя. Формирование децентрализации осуществлялось через интериоризацию отношений ребенка с другими людьми, средством

интериоризации являлось принятие роли другого лица, идентификация с ним.

У Даниила Борисовича в жизни было много драматических и трагических событий, много несправедливости, но он никогда не опускал руки, всегда боролся до конца и нас учил, что никогда нельзя смиряться с несправедливостью. Даниил Борисович всегда занимал активную жизненную и научную позицию, чувствовал социальную ответственность и боролся за справедливость до конца своих дней. Например, уже будучи тяжело больным, он не мог остаться равнодушным к очередной реформе школьного образования и написал статью «Размышления над проектом», которая была опубликована в журнале «Коммунист», в третьем номере за 1984 год. Статья эта остается актуальной и в наши дни. В ней Даниил Борисович формулирует фундаментальные положения, которые касаются обучения и развития детей; говорит о том, что включение шестилетних детей в систему школьных отношений неизбежно приведет к укорочению периода дошкольного детства и может нанести невосполнимый ущерб формированию личности ребенка; очень аргументированно и жестко заявляет, что реформа образования не может быть проведена в виде кампании, она должна опираться на теоретические исследования и серьезные эксперименты.

В связи с реформой наша лаборатория проводила сравнительное исследование психического развития детей, обучающихся в школе с 7 и с 6 лет (были уже такие экспериментальные школы), и это сравнение было не в пользу шестилеток. Несмотря на результаты наших исследований (мы о них говорили, публиковали), было понятно, что политическое решение уже принято; на Даниила Борисовича давило руководство Академии педагогических наук, Министерство просвещения, но он стоял на своей научной позиции.

Надо сказать, что само это сравнительное исследование шестилетних и семилетних детей для нас оказалось очень полезным. В частности, нам пришлось разработать новые методики для проведения этого исследования, которые затем легли в основу современных методик, направленных на изучение готовности к школе, а некоторые методики используются и сейчас. Например, методика «Графический диктант», которую предложил Даниил Борисович Эльконин, методика «Беседа о школе» Татьяны Александровны Нежной и другие.

Кроме того, изучение детей, которые переходят в систему школьного образования, не прожив полноценно предшествующий возрастной период развития, позволило нам получить некоторые фундаментальные результаты, касающиеся развития детей.

Что касается меня, то придя работать в МГППУ, во многом под влиянием Федора Ефимовича Василюка, я стала заниматься психологиче-

ским консультированием и психотерапией детей и подростков. Конечно, после дополнительного обучения. И сейчас в своей психологической практике я опираюсь на идеи культурно-исторической теории — о зоне ближайшего развития, знаково-символическом опосредствовании, социальной ситуации развития.

Интересно, что из непосредственных учеников и сотрудников Эльконина не я одна стала заниматься психотерапией. Психотерапевтами стали Михаил Романович Гинзбург, Александр Леонидович Венгер. И, наверное, это не случайно. Я думаю, что именно Даниил Борисович заложил в своих учениках стремление к практической реализации идей развития. Он сам никогда не был чистым теоретиком, его всегда интересовали практические цели, претворение в жизнь теоретических позиций. Это и его знаменитый букварь, и теория развивающего обучения, и принципиально новая периодизация возрастного развития ребенка, и психология игры.

В своих дневниках Даниил Борисович высказывает очень интересную мысль о проблеме единства аффекта и интеллекта, о которой сейчас так много говорят. Он пишет, что совокупное действие есть единство аффекта и интеллекта, где аффект — это ориентация на другого, социальный смысл действия, а интеллект — это ориентация на реальные условия осуществления действия. Это собственно развитие идеи, которая лежит в основе его периодизации детского развития. Даниил Борисович был по-настоящему мощным ученым, думаю, что он был одним из самых креативных и оригинальных психологов развития. Помню, как Василий Васильевич Давыдов, выступая на Эльконинских чтениях, очень точно сказал, что Эльконин из всего существа направления Выготского вывел наиболее интересное — подход к природе детского развития.

Есть ли какие-то забавные случаи, которые связаны с Даниилом Борисовичем?

Был в нашей лаборатории недолгий период работы в интернате для детей, лишенных родительского попечительства. Предполагалось, что он станет нашей исследовательской базой. Мы с большим воодушевлением отнеслись к этой работе, лаборатория переехала в интернат. Нам выделили очень хорошие комнаты. А у Даниила Борисовича была давняя мечта, которую наконец-то можно было осуществить — зеркало Гезелла. С трепетом Даниил Борисович вложил нашему коллеге, Михаилу Гинзбургу, в ладони полуистлевший листок, на котором был записан рецепт изготовления зеркала Гезелла. Миша после этого рассказывал, как он приехал в мастерскую, долго объяснял мастеру, какое зеркало ему нужно, протянул заветный листок... а мастер посмотрел на него и равнодушно произнес: «А, одностороннее зеркало что ли? Это Вы для

себя?» — и странно посмотрел на Мишу... Оказалось, что это вполне обычная вещь, ничего удивительного. А мы тогда даже не догадывались, что зеркало Гезелла можно использовать в «личных целях». Зеркало мы получили, вмонтировали его, уже предвкушали как будем вести наблюдения за детьми, но интернет вскоре закрыли по каким-то внешним причинам — очень обидно.

Кого Вы можете назвать среди своих коллег, кто находится с Вами на одной ветви дерева культурно-исторической психологии?

Конечно, это прежде всего мои коллеги по лаборатории в Психологическом институте РАО: Александр Леонидович Венгер, Елена Александровна Бугрименко, Катерина Николаевна Поливанова. К этой же ветви я бы отнесла и Ольгу Сергеевну Никольскую, и Елену Львовну Гончарову. Ольга Сергеевна — непосредственная ученица Клары Самойловны Лебединской, Елена Львовна — ученица Петра Яковлевича Гальперина. Хотя они работают в области коррекционной психологии, но по философии, по взгляду на ребенка, на развитие я чувствую сродство с ними.

А можете ли Вы назвать кого-то из своих учеников, продолжателей направления?

Это достаточно сложный вопрос. Ученики — это как-то слишком громко звучит. Но если говорить о молодых единомышленниках, соратниках, то, наверное, это те, кто учился на нашей кафедре детской и семейной психотерапии, защитил диссертацию под моим руководством и продолжают работать рядом. Я могу назвать Марию Вячеславовну Булыгину. Именно в ее работе, посвященной имплицитной коммуникации между матерью и ребенком, мы пытались рассмотреть детско-родительские отношения в свете периодизации Эльконина, как-то конкретизировать некоторые положения его теории.

Еще я могу назвать Татьяну Витальевну Пивненко. Ее работа была посвящена особенностям игры детей, не принимаемых сверстниками, и во многом она опиралась на теорию игры Даниила Борисовича. Это была попытка объединения теории игры Эльконина и психотерапевтического понимания игры.

Наталья Михайловна Горшкова. Ее диссертация посвящена исследованию образа тела у детей, которые воспитывались без отца в разные периоды детства. В этой работе очевидна опора на идеи Выготского о социальной ситуации развития и интериоризации.

На какие тезисы Выготского Вы опираетесь в своей работе?

По сути, я опираюсь на все положения Выготского, касающиеся развития. Конечно же, это понятие зоны ближайшего развития, потому что

любая работа, и психотерапевтическая, и развивающая, и психокоррекционная, идет именно в зоне ближайшего развития, это всегда совместная работа ребенка и терапевта, ориентированная на ближайшее будущее. Это и понятие возраста. Также, несомненно, это понятие социальной ситуации развития. И, безусловно, идея интериоризации, понимание интериоризации межличностных отношений как пути формирования внутрипсихических структур. И понятие переживания. Без опоры на эти положения невозможно никакая психологическая работа с ребенком.

Многих западных коллег интересует вопрос, кто же был до Выготского. Можете ли Вы назвать кого-то, на кого, на Ваш взгляд, опирался Лев Семенович в своих работах?

Наверное, лучше говорить не об опоре Выготского на чьи-то идеи, а о влиянии, о некоторой переключке идей. Эта переключка всегда существует, и какие-то идеи и понятия часто рождаются одновременно, витают в воздухе, время и культурная ситуация их порождают.

Вопрос этот очень сложный. Если отвечать на него всерьез, то это требует большой аналитической работы, обращения к текстам. Я не методолог и не историк психологии, но, конечно, я об этом задумывалась. С моей точки зрения, в первую очередь на Выготского повлияла французская социологическая школа, Пьер Жане, и, конечно, психоанализ, работы Фрейда.

Если точнее, то речь идет не о прямом влиянии, а о пересечении этих концепций, о роли, которую сыграл психоанализ в развитии культурно-исторической теории Выготского. Прежде всего, у Выготского центральная идея — идея сознания, у Фрейда — идея бессознательного, эти два понятия подразумевают друг друга. У Выготского бессознательное возникает из развития сознания, у Фрейда — наоборот. Достаточно обратиться хотя бы к работе Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» или к его противопоставлению «вершинной» и «глубинной» психологии.

Вообще отношения теории Выготского с другими теориями очень непростые, существует немало серьезных работ, посвященных этой теме. Это работы Николая Николаевича Вересова, Елены Теодоровны Соколовой, Татьяны Васильевны Ахутиной и другие. И конечно, блестящие статьи Екатерины Юрьевны Завершневой, в которых она, анализируя особенности полемики Выготского с психоанализом, обнаруживает, что работы Фрейда давали импульс, искру поиску Выготского, что эта полемика была ему необходима для уточнения и движения собственной мысли. Завершнева очень убедительно показывает, как в полемике с Фрейдом Выготский создавал культурно-историческую психологию.

Как Вы считаете, что необходимо для развития культурно-исторической психологии?

Я думаю, одно из направлений такого развития — это соединение принципов культурно-исторической психологии и психотерапии, то, что делал Федор Ефимович Василюк, создавая свою понимающую психотерапию.

С моей точки зрения, и в сфере детской психологии необходимо прорабатывать связь культурно-исторической психологии с психотерапией. Возможно, одна из линий развития культурно-исторической психологии — это создание культурно-исторической развивающей психотерапии. Какие-то шаги на этом пути уже сделаны и делаются. Например, Александр Леонидович Венгер разрабатывает культурно-исторический подход в психотерапии. В частности, идеи культурно-исторической психологии успешно применяются им при работе с травмой, при оказании психологической помощи детям и подросткам, пережившим экстремальные ситуации. Разработанная им типология индивидуальных вариантов развития на основе «синдромного анализа» также опирается на понятия культурно-исторической психологии. По-моему, очень перспективно приложить принципы культурно-исторической концепции к отклоняющемуся развитию. Я имею в виду подход Ольги Сергеевны Никольской к пониманию организации аффективной сферы человека в норме через осмысление результатов психокоррекционной работы с аутичными детьми.

Кроме того, ведь развитие идей Выготского — это не обязательно создание чего-то нового. Необходимы дальнейшая проработка положений Выготского, их углубление, экспериментальное подтверждение. То, чего он не успел сделать.

Думаю, развитию дерева культурно-исторической психологии послужит развитие теории личности, основы которой Выготский только намечил. В частности, необходимы исследования развития аффективной сферы, которые наполнили бы конкретным материалом понятие переживания, позволили бы как-то его «ухватить».

Возможно ли сотрудничество с иностранными коллегами, представителями культурно-исторической психологии?

Безусловно. Долгое время очень успешно развивалось сотрудничество отечественных психологов с Майклом Коулом, Джеймсом Верчем. В первую очередь это была заслуга Владимира Петровича Зинченко.

В свое время Пезтер Тульвисте (он учился на нашем факультете психологии МГУ, а позже преподавал в Тартуском университете, был некоторое время его ректором) проводил вместе с М. Коулом и Дж. Верчем сравнительные межкультурные исследования, опираясь на идеи куль-

турно-исторической психологии. Это было очень продуктивное сотрудничество.

Сейчас же взаимодействие с иностранными коллегами продолжается в основном в рамках ИСКАР (ISCAR, International Society for Cultural-historical Activity Research), и это очень важно для развития культурно-исторической психологии. Виктор Кириллович Зарецкий очень много делает для того, чтобы это взаимодействие развивалось.

Примером удачного сотрудничества является деятельность кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства» нашего университета. У кафедры есть совместные проекты, исследовательские и образовательные, с зарубежными учеными, которые интересуются культурно-исторической теорией и работают в этом направлении.

*Авторы проекта «Дерево культурно-исторической психологии»
В.К. Зарецкий, Д. Ведмицкая, О. Пичугина.*

INTERVIEW WITH E.V. FILIPPOVA: ON THE LINK BETWEEN CULTURAL-HISTORICAL THEORY AND PSYCHOLOGICAL PRACTICE

For citation:

Interview with E.V. Filippova: on the Link between Cultural-Historical Theory and Psychological Practice. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 159—166. doi: 10.17759/cpp.2018260111. (In Russ., abstr. in Engl.).

**ДАЙДЖЕСТ ИССЛЕДОВАНИЙ
В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
И ПСИХОТЕРАПИИ**
**RESEARCH DIGEST IN CLINICAL
PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY**

В ПОИСКАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА СУИЦИДА: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

В дайджесте представлен обзор современных представлений о психологических факторах риска суицида в русле нового поколения теорий суицида. Затронуты профессиональные и возрастные риски суицида. С позиции современных теорий рассмотрены мишени психотерапевтической интервенции и профилактики.

В последние несколько лет в ведущих зарубежных психологических и психиатрических журналах заметно возросло количество публикаций по проблеме суицида. При ближайшем рассмотрении нередко обнаруживается связывающий эти публикации общий контекст — это новое поколение теорий суицида. Настоящий дайджест мы посвятим современному знанию, выросшему на трудах предшествующих поколений исследователей.

Новое поколение теорий суицида: от мысли — к действию. В 2005 году американский клинический психолог и исследователь Томас Джойнер (*Thomas Joiner*) представил свою межличностно-психологическую теорию суицида (*Interpersonal-Psychological Theory of Suicide*). Это кон-

Для цитаты:

В поисках психологических факторов риска суицида: смена парадигмы // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 167—174. doi: 10.17759/cpp.2018260112

струкция, в которой, в отличие от старых теорий, *суицидальные мысли* и *прогрессирование от суицидальной мысли к суицидальной попытке* рассматриваются как два отдельных процесса, и каждый из них имеет собственный набор объяснений и факторов риска. Согласно этой теории, чтобы умереть в результате суицида, человек должен обладать не только желанием уйти из жизни, но и способностью совершить необходимые действия.

В лении суицида межличностно-психологическая теория суицида (МПТС) Джойнера выделяет значимость одновременного присутствия у человека двух специфических психологических состояний, которые при достаточной продолжительности приводят к желанию умереть. Это воспринимаемое чувство собственного бремени и ненужности для окружающих и общества (*perceived burdensomeness*) и чувство слабой связанности с другими (*low belonginess*), или социальное отчуждение (*social alienation*). Первое ассоциировано со статусом безработного, наличием серьезных проблем со здоровьем и тюремным заключением — все это примеры ситуаций, в которых человек чувствует себя обузой для других. Важно отметить, что представление о себе как ненужном бремени является «воспринимаемым» и нередко оказывается ложным.

Вторая ключевая составляющая — это способность совершить суицид. Автор исходит из того, что самосохранение — достаточно мощный инстинкт, который слишком трудно преодолеть усилием воли. По данным научных исследований, о присутствии суицидальных мыслей сообщают очень многие люди, но при этом лишь единицы предпринимают попытку себя убить.

Согласно МПТС, способность покончить с собой — это не то, с чем человек рождается. Скорее, эта способность приобретается в течение жизни. Автор вводит понятие приобретенной способности (*acquired capability*) себя убить. Джойнер подчеркивает, что страх смерти — это естественный и мощный инстинкт, и он ослабевает, когда человек подвергается физической боли или проходит через жизненные события, которые ведут к потере страха и снижению чувствительности к боли. Среди таких событий — психологические травмы детского возраста, причиняющая страдания тяжелая болезнь, самоповреждающее поведение. Считается, что самоповреждающее поведение приводит к десенсибилизации к болезненным стимулам и повышению способности человека к суицидальному поведению.

Этот компонент важен для выявления лиц с повышенной вероятностью совершения суицидальной попытки. Так, некоторые профессии (например, военнослужащие, хирурги, полицейские) в большей мере сталкиваются с физической болью или провоцирующим опытом, связанным с кровью и смертью. Привыкают к страху смерти и те, кто ранее

уже предпринимал суицидальную попытку, и ослабление этого страха также повышает вероятность следующей попытки.

МПТС перспективна, так как она в значительной мере проверяема, и в последние годы накоплен массив эмпирических данных об основных элементах теории. По мнению исследователей, новое знание может помочь в оценке суицидального риска и определении мишеней для вмешательства. Подробно теория Джойнера и соответствующие исследования описаны в книге «Почему люди умирают от суицида» (*Joiner T.E. Why people die by suicide. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2005*).

Теория Джойнера развернулась впоследствии в целое новое поколение теорий о суициде. Это теория трех шагов, или трехступенчатая теория (*Klonsky & May, 2014*), Интегрированная мотивационно-волевая модель (*Rory O'Connor, 2011*), Теория текучей уязвимости (*Rudd, 2006*) и другие.

Теория трех шагов (*Three-Step Theory — 3ST*) тоже разделяет формирование суицидальных мыслей и переход от мыслей к суицидальному действию. По мнению авторов, суицидальные мысли возникают в результате сочетания боли (обычно психической) с безнадёжностью. Для лиц с таким сочетанием связанность с другими является главным защитным фактором от эскалации суицидальных мыслей. Переходу от суицидальных мыслей к суицидальному действию способствуют диспозиционные (изначально заданные), приобретенные и практические факторы. Теория трех шагов предполагает специфические цели для снижения суицидального риска: это (а) снижение боли; (б) усиление надежды; (в) улучшение связанности с другими и/или (г) снижение способности совершения самоубийства (например, через контроль за оружием, установление ограждений на мостах и железной дороге и т. д.).

В интегрированной мотивационно-волевой модели (*Integrated Motivational-Volitional Model*) в качестве основных драйверов суицидальных мыслей рассматриваются поражение/провал и ощущение запяда, а приобретенную способность к совершению самоубийства (наряду с другими факторами, например, наличием доступа к оружию, лекарствам; планированием, импульсивностью) — как объяснение склонности начать реализовывать суицидальные мысли.

Теория текучей уязвимости (*Fluid Vulnerability Theory*) выделяет два измерения существования суицидального риска: базовый риск и острый риск. Базовый риск обусловлен индивидуальной историей человека и предрасполагающими факторами. Параметр острого риска в большей мере известен работникам служб психического здоровья. Это краткосрочный риск, который совпадает с эмоциональными кризисами — обычно в ответ на внешнее или внутреннее «пусковое» событие. Людям с хронической уязвимостью к суицидальному поведению для запуска су-

ицидального эпизода требуется меньше триггеров. Теория предполагает нелинейный процесс изменений от суицидальных мыслей к суицидальному действию.

В августе 2018 выйдет выпуск журнала *Current Opinion in Psychology (Volume 12)*, посвященный суицидам. Значительная часть готовых материалов уже выставлена в Интернете. Все публикации данного выпуска — обзоры, подготовленные ведущими исследователями в области суицидов, включая авторов вышеупомянутых теорий. В публикациях обобщаются результаты выполненных в последнее десятилетие исследований и намечаются направления дальнейшего изучения суицидов. Предлагаем Вашему вниманию ряд материалов.

Что принесли новые теории суицида?

Обзор, подготовленный Клонски (*Klonsky*) с коллегами, представляет собой концептуальный и эмпирический апдейт (т. е. «обновление» в компьютерных терминах) в отношении появившихся после 2005 года теорий суицида, рассматривающих переход от суицидальной мысли к суицидальному действию. Эти теории — в том числе, межличностно-психологическая теория (МПТС), интегрированная мотивационно-волевая модель (ИМВ), трехступенчатая теория (ЗСТ) и теория текучей уязвимости (ТТУ) — едины в том, что *формирование суицидальных мыслей и прогрессирование от желания умереть к попыткам* — это два отдельных процесса с раздельными объяснениями. В то же время, между этими теориями есть некоторые значимые различия. Обзор литературы показывает, что МПТС активно исследовалась учеными, тогда как для остальных теорий доказательные данные лишь начали накапливаться. В результате обзора авторы предлагают три вывода.

1. Способность к совершению суицида значимо отличается у лиц, предпринимавших суицидальную попытку (*attempters*), и лиц, имеющих желание покончить с собой, но таких попыток не предпринимавших (*ideators*). Этот результат соответствует теориям МПТС, ИМВ и ЗСТ. Дальнейшее внимание должно быть направлено на изучение природы способности к совершению суицида и измерению ее выраженности.

2. В соответствии с теорией ЗСТ, увеличивается количество научных данных, говорящих о том, что боль и безнадежность мотивируют к желанию суицида больше, чем другие факторы.

3. ТТУ предположительно обладает наилучшим понятийным аппаратом, объясняющим нелинейное течение во времени суицидальных мыслей и суицидальных попыток. Для дальнейшей оценки и разработки теорий суицида в формате «от суицидальной мысли к суицидальному

действию» необходимы лонгитюдные исследования в разных временных рамках (минуты, часы, дни, недели, месяцы).

Оригинал: *Klonsky E.D., Saffer B.Y., Bryan C.J.* Ideation-to-Action theories of suicide: a conceptual and empirical update // *Current Opinion in Psychology*, онлайн 24.07.2017, doi: 10.1016/j.copsyc.2017.07.020

Способность к совершению суицида

В современных теориях суицида большое внимание уделяется теме перехода от суицидальных мыслей к суицидальному действию, а также осмыслению понятия способности к совершению суицида (*suicide capability*). Способность к совершению суицида — это один из немногих факторов риска, ассоциированных с суицидальными попытками среди лиц с суицидальными мыслями. Американские исследователи подводят итоги десятилетия исследований с позиций межличностно-психологической теории суицида Томаса Джойнера. Эта теория ввела понятие приобретенной способности к совершению суицида, т. е. способности принять страх и боль, связанные со смертью, что углубило понимание суицидальной попытки. На готовность совершить суицид влияют: приобретенный опыт (несуицидальные самоповреждения, межличностное насилие); предрасполагающие, изначально заданные (генетические) факторы и практические обстоятельства (например, доступ к огнестрельному оружию). Это влияние происходит через такие механизмы, как преодоление страха смерти, терпение боли и знакомство с методами суицида. Авторы обращают внимание на неоднозначные результаты от применения опросников самоотчета и подчеркивают в этой связи особое значение разработки поведенческого измерения способности к совершению суицида, особенно в рамках лонгитюдного дизайна исследований. В качестве перспективного направления для интервенций называются практические влияния — здесь возможны защитные меры и ограничения со стороны правительства.

Оригинал: *May A.M., Victor S.E.* From ideation to action: recent advances in understanding suicide capability // *Current Opinion in Psychology*. 2018. 22. P. 1—6. doi: 10.1016/j.copsyc.2017.07.007

Мониторинг суицидальных мыслей в реальном времени

Одной из самых больших трудностей в понимании, прогнозе и предотвращении суицидов является то, что мы никогда не имели возможности наблюдать и вмешиваться по мере развертывания суицидальности

в реальном времени, — пишут исследователи из Гарвардского университета. Разработанные в последнее время методы мониторинга создают новые возможности для наблюдения за суицидальными мыслями и суицидальным поведением, что создает предпосылки для научного и клинического движения вперед в изучении суицидов. Так, например, недавно опубликованные исследования о мониторинге суицидальных мыслей в режиме реального времени показывают, что обычно такие мысли носят эпизодический характер, они появляются быстро и обладают краткой продолжительностью. Многие известные факторы риска, которые предсказывают изменения в части суицидальных мыслей в формате месяцев, лет (например, фактор безнадежности), не позволяют делать прогноз в ином временном масштабе, например, нескольких часов или дней, и это свидетельствует о дефиците знания и наших ограничениях в части краткосрочного прогноза. Авторы отмечают необходимость применения новых технологий с использованием непрерывных (*stream*) данных, поступающих от сенсоров смартфонов (например, о местонахождении) или закрепленных на теле датчиков (например, измеряющих частоту сердечного ритма). Это позволит дополнить существующее знание и расширить клинические возможности.

Оригинал: *Kleiman E.M., Nock M.K.* Real-time assessment of suicidal thoughts and behaviours // *Current Opinion in Psychology*. 2018. 22. P. 33—37. doi: 10.1016/j.copsyc.2017.07.026

Руминация

Американские исследователи из Университета Южной Миссиссипи и Университета Луизианы исследуют тему навязчивых негативных мыслей (ННМ) в связи с суицидами. Анализ научной литературы выявляет общие черты в паттернах повторяющихся негативных мыслей, например, руминации (*rumination*) и беспокойства (*worry*), в рамках различных аффективных расстройств, что может указывать на трансдиагностический характер процесса присутствия навязчивых негативных мыслей. Кроме того, паттерны ННМ в ядерных психиатрических расстройствах, ассоциированных с суицидом (например, руминация и беспокойство), показали ассоциацию с суицидом даже после учета фактора специфического психического расстройства. Обобщение существующей литературы по ННМ указывает на то, что, следуя за негативными эмоциональными переживаниями, ННМ могут привести к чувству безысходности (западни, ловушки) и безнадежности, которые способствуют появлению суицидальных мыслей, а затем облегчить переход от мыслей о суициде к фактической суицидальной попытке

путем усиления способности лица к суицидальному действию через неоднократное «прокручивание» связанных с насилием мыслей и образов, относящихся к суициду. Авторы, в частности, предполагают, что руминация усиливает болезненные, провокационные мысли, образы и поведение, а беспокойство повышает суицидальный риск у лиц с историей суицидальных мыслей в прошлом. Они также не исключают, что с суицидами могут быть сопряжены прочие паттерны ННМ, и они нуждаются в дальнейших исследованиях.

Оригинал: *Law K.C., Tucker R.P. Repetitive negative thinking and suicide: a burgeoning literature with need for further exploration // Current Opinion in Psychology. 2018. 22. P. 68—72. doi: 10.1016/j.copsyc.2017.08.027*

Итоги десятилетия исследований

В заключение приводим основные положения из публикаций данного выпуска журнала.

После 2005 года были представлены несколько теорий суицида. Эти теории способствовали улучшению понимания феномена суицида. Важными мотиваторами суицидальных мыслей являются боль и безнадежность. Способность к совершению самоубийства облегчает переход от суицидальных мыслей к суицидальной попытке.

На способность совершения суицида влияют приобретенные, диспозиционные и практические факторы. Несуицидальные самоповреждения и межличностное насилие являются важными факторами, способствующими суициду. Практические меры защитного характера со стороны властей могут оказаться перспективным направлением для интервенций.

Данные научных исследований подтверждают наличие ассоциации между физическими ограничениями и суицидом.

Риск суицида повышен среди врачей и ветеринаров. Факторы риска для этой группы: стресс от работы, личностные особенности, доступ к средствам совершения суицида и профессиональные знания.

Показатели суицидов растут среди американских военнослужащих. Риск суицидов понижает терапия, нацеленная на регуляцию эмоций и повышение когнитивной гибкости.

Суициды и агрессия часто сопутствуют друг другу. Показатели суицидального поведения повышены среди лиц с расстройствами, связанными с агрессией. Агрессия может быть фактором, облегчающим суицидальное поведение.

Большинство интервенций выбирают в качестве мишени корреляции или факторы риска, но это «слабые» цели. Интервенции должны быть нацелены на причинные, необходимые и практически доступные

факторы. Таковы, в частности, интервенции, нацеленные на повышение безопасности.

Среди лиц с нервной анорексией суицид является второй ведущей причиной смерти. Суицидальные мысли отмечаются у 1/4 — 1/3 людей с анорексией, булимией и приступообразным перееданием. От 1/4 до 1/3 больных анорексией и булимией пытались покончить с собой.

Суицидам в пожилом возрасте уделяется меньше внимания, чем суицидам в более молодом возрасте. В старшей возрастной группе мишенью для интервенции выступает когнитивный контроль — именно он способствует риску суицида. Перспективной стратегией профилактики является высококачественная гериатрическая медицина.

Для юных суицидентов факторами риска являются межличностное насилие и употребление психоактивных веществ. Свой положительный потенциал продемонстрировали сразу несколько психотерапевтических подходов, таргетирующих риск суицидов у подростков. Разработаны инструменты скрининга на выявление суицидального риска, позволяющие обнаруживать ранее нераспознаваемые риски.

Составитель-переводчик: Елена Можяева

IN SEARCH OF THE PSYCHOLOGICAL RISK FACTORS OF SUICIDE: CHANGE OF THE PARADIGM

In the current digest, we present the review of the current notions of psychological factors of suicide risk in the framework of the new generation of theories of suicide. Professional and age-related risks of suicide are touched upon. Targets of psychotherapeutic intervention and prevention are considered from the viewpoint of modern theories. (Translated by Elena Mozhaeva).

For citation:

In Search of the Psychological Risk Factors of Suicide: Change of the Paradigm. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 167—174. doi: 10.17759/cpp.2018260112. (In Russ., abstr. in Engl.).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Холмогорова Алла Борисовна — доктор психологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Василюк Федор Ефимович — доктор психологических наук, профессор

Гаряня Наталья Георгиевна — заместитель главного редактора, доктор психологических наук, профессор

Зарецкий Виктор Кириллович — кандидат психологических наук, профессор

Майденберг Эмануэль (США) — доктор психологии, клинический профессор психиатрии

Польская Наталия Анатольевна — редактор, доктор психологических наук, доцент

Филиппова Елена Валентиновна — кандидат психологических наук, профессор

Холмогорова Алла Борисовна — главный редактор, доктор психологических наук, профессор

Шайб Питер (Германия) — доктор естественных наук, психотерапевт

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бабин Сергей Михайлович — доктор медицинских наук, профессор

Бек Джудит (США) — доктор психологии, клинический профессор

Гулина Марина Анатольевна (Великобритания, Россия) — доктор психологических наук, профессор

Кадыров Игорь Максумович — кандидат психологических наук, доцент

Карягина Татьяна Дмитриевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник

Копьев Андрей Феликсович — кандидат психологических наук, профессор

Кочионас Римантас (Литва) — доктор психологии, профессор

Кехеле Хорст (Германия) — доктор медицины, доктор философии, профессор

Лэнгле Альфريد (Австрия) — доктор медицины, доктор философии, почетный доктор, приват-доцент, профессор

Орлов Александр Борисович — доктор психологических наук, профессор

Осорина Мария Владимировна — кандидат психологических наук, доцент

Перре Майнрад (Швейцария) — доктор психологии, почетный профессор

Петренко Виктор Федорович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Петровский Вадим Артурович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Соколова Елена Георгиевна — доктор психологических наук, профессор

Сосланд Александр Иосифович — кандидат психологических наук, доцент

Тагэ Сэфик (Германия) — доктор медицины, психолог

Тарабрина Надежда Владимировна — доктор психологических наук, профессор

Щелкова Ольга Юрьевна — доктор психологических наук, профессор

Эйдемиллер Эдмонд Георгиевич — доктор медицинских наук, профессор

Требования к материалам, предоставляемым в редакцию¹

1. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте или на электронных носителях). Адрес электронной почты журнала: moscowjournal.cpt@gmail.com

2. Объем материала не должен превышать 50 тыс. знаков.

3. Оформление материала: шрифт Times New Roman, 14, интервал 1,5. Ссылки на литературные источники внутри текста оформляются в виде номера источника из списка литературы в квадратных скобках.

4. Кроме текста статьи должна быть предоставлена также следующая информация:

аннотация статьи (1000—1200 знаков) на русском и английском языках;

ключевые слова на русском и английском языках;

пристаетейные библиографические списки. Подробные рекомендации и требования к оформлению списка литературы и транслитерации представлены на сайте: http://psyjournals.ru/files/69274/references_transliteration_rules.pdf

5. Информация об авторах:

ФИО, страна, город, ученое звание, ученая степень, место работы, должность, членство в профессиональных сообществах и ассоциациях, научные интересы, дата рождения, контактная информация (тел., факс, e-mail, сайт), фото в электронном виде (100 × 100, 300 dpi).

В случае если материал предоставляется несколькими авторами, необходимо предоставить информацию обо всех авторах.

6. Рисунки, таблицы и графики необходимо дополнительно предоставлять в отдельных файлах. Рисунки и графики должны быть в формате *.eps или *.tiff (с разрешением не менее 300 dpi на дюйм). Таблицы сделаны в WORD или EXCEL.

Редакционные правила работы с материалами

1. Публикация в журнале является бесплатной.

2. Материалы, поступившие в редакцию, проходят обязательное рецензирование.

3. Решение о публикации принимается редколлегией на основании отзывов рецензентов.

4. Рецензентов назначает редколлегия журнала.

5. В случае отрицательных отзывов рецензентов автору направляется письменный обоснованный отказ.

6. Несоответствие материалов формальным требованиям (http://psyjournals.ru/info/homestyle_guide/article_requirements.shtml) является основанием для отправки материала на доработку автору.

---

¹ С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте: http://psyjournals.ru/info/homestyle_guide/index.shtml